

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В.М. РЫНКОВ, В.А. ИЛЬИНЫХ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОТряСЕНИЙ:
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ
В 1914–1924 гг.

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А.А. Николаев

Новосибирск
2013

УДК 94(47)"1914/1924"
ББК 63.3(253)6-2
Р 952

Рецензенты:
доктор исторических наук *В.А. Исупов*
кандидат исторических наук *В.А. Прошин*

Утверждено к печати Ученым советом Института истории СО РАН

Р 952

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.

В монографии рассмотрены экономические процессы в аграрном секторе Сибири в годы Первой мировой войны, революции, Гражданской войны и в начале 1920-х гг. Авторы исследовали изменения в сфере землевладения и землепользования, динамику зернового производства и животноводства, методы и результаты заготовок сельхозпродуктов, а также основные тенденции демографического и социально-экономического развития деревни и крестьянского хозяйства. Особое внимание уделено генезису и динамике кризисных явлений в сельском хозяйстве, их причинам, движущим силам и региональной специфике.

Книга рассчитана на историков, экономистов, специалистов в области сельского хозяйства, а также всех интересующихся историей Сибири.

ISBN 978-5-94301-493-2

© ФГБ УН Институт истории СО РАН,
2013
© Рынков В.М., 2013
© Ильиных В.А., 2013

ВВЕДЕНИЕ

Под влиянием революции и Гражданской войны Россия пережила один из глубочайших в своей истории экономических кризисов. Наибольший спад произошел в сфере промышленности и транспорта. Сельскохозяйственный кризис был не столь масштабным. Будучи преимущественно аграрной страной, Россия в середине 1920-х гг. смогла достаточно быстро восстановить свою экономику. Не последнюю роль при этом сыграла возможность опереться на сельское хозяйство.

Причина кризиса сельского хозяйства рубежа 1910–1920-х гг. в настоящее время далеко не очевидна. В советский период его главным фактором большинство исследователей считали последствия Гражданской войны. Военные действия и частая смена политических режимов, быстрые изменения курса аграрной политики существенно дестабилизировали отрасль. При этом подчеркивался урон, нанесенный сельскому хозяйству «антинародным» правлением противников советской власти. На постсоветском этапе развития отечественной историографии главным катализатором хозяйственного упадка стали считать разрушительную политику большевиков, генеральная антикрестьянская линия которой на протяжении 1918–1920 гг. только усиливалась. Ее изменение в начале 1921 г. стало обстоятельством, переломившим кризис. Таким образом, история аграрной экономики советского периода была и остается идеологизированной и политикоцентричной. Гораздо меньше внимания уделялось и уделяется роли климатических факторов, объективным тенденциям в развитии систем земледелия и животноводства.

Однако сильная «метеозависимость» российского сельского хозяйства в 1910–1920-е гг. не вызывает никаких сомнений. Она и в последующие годы оставалась высокой. Обсуждение проблемы соотношения политических, метеорологических, агротехнологических и экономических факторов применительно к аграрному кризису начала 1930-х гг., благодаря публикации результатов исследования С.Г. Уиткрофта и Р.У. Дэвиса, породило дискуссию среди историков¹. В последнее десятилетие в историографии немало сделано для изучения природы аграрных кризисов конца 1920-х, начала 1930-х и начала 1960-х гг. Но иерархию причин кризиса сельского хозяйства эпохи войн и революций и особенности посткризисного подъема сельского хозяйства еще только ждут переосмысления без прежнего привкуса политической ангажированности.

Большинство исследований по данной проблеме проводилось в масштабах России/СССР или европейской части страны. Взгляд на динамику кризисных явлений по другую сторону Уральских гор важен по нескольким причинам. Евразийская природа Российской империи заключалась в демографическом преобладании европейской части, пространственно же – азиатской. Между тем в Сибири иными были и климатические условия, и политическая динамика событий, что задает своеобразие экономическим и социальным процессам. Кроме того, преобладавшая аграрная составляющая сибирской экономики вела к тому, что региональная политика и в позднеимперское, и в раннесоветское время была прежде всего аграрной политикой, а в вывозе из региона доминировало продовольствие. Центр воспринимал Сибирь преимущественно как источник сельскохозяйственного сырья. Этим обусловлена необходимость исследования проблемы в территориальных рамках Сибири. Такое исследование требует широких сопоставлений с общероссийскими процессами, а межрегиональные сравнения создают возможность четче определить роль политических, экономических, технологических и погодных факторов развития аграрной экономики.

Объектом исследования в настоящей монографии выступает аграрный строй Сибири, представляющий территориальную подсистему аграрного строя России. Составными частями аграрного строя как совокупности производственных отношений являются система землевладения и землепользования, организационно-производственная структура сельского хозяйства, преобладающие агротехнологии, методы отчуждения сельхозпродукции, конкретно-исторические модели стратификации и социальной мобильности крестьянства.

Предметная область работы охватывает сельское хозяйство, а также политику государства по регулированию аграрных отношений и аграрного производства. Основная цель работы состоит в определении факторов, детерминирующих возникновение проблем развития сельского хозяйства Сибири во второй половине 1910-х гг., исследовании фаз и динамики кризисного развития отрасли в начале 1920-х гг., выявлении механизмов преодоления кризиса.

В рамках достижения поставленной цели планируется сконцентрировать основные усилия на изучении:

- 1) трансформации форм землевладения и землепользования;
- 2) динамики основных отраслей аграрного комплекса региона – зернового производства и животноводства;
- 3) методов и результатов заготовок сельскохозяйственной продукции;
- 4) демографического и социально-экономического развития деревни и крестьянского хозяйства.

Структура монографии, состоящей из 6 глав, соответствует ее целям и задачам. Завершается книга приложением, в которое входят составленные на базе опубликованных статистических сборников таблицы, позволяющие показать динамику и структурные особенности развития в Сибири народонаселенческих процессов, полеводства и животноводства, крестьянского хозяйства. Ряд таблиц размещен в тексте.

Географические параметры исследования имеют плавающий характер, связанный как с изменениями административных границ Сибири, так и с различной историографической традицией их интерпретации. С 1914 по 1917 г. в территориальные рамки региона мы включаем Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Акмолинскую, Семипалатинскую и Забайкальскую области, а с 1917 по 1919 г. – также Алтайскую губернию, выделившуюся из Томской. С конца 1919 – начала 1920 г., после восстановления советской власти, объектом нашего исследования становится «Сибревкомовская Сибирь». В ходе размежевания с соседними регионами за пределы «Сибревкомовской Сибири» были выведены Челябинская, Тюменская, Акмолинская (Петропавловская), Семипалатинская, Якутская губернии, Бурят-Монгольская АССР. С 1923 г. под непосредственным управлением Сибревкома находились Омская, Новониколаевская, Алтайская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии и Ойротская автономная область. В 1925 г. данная территория вошла в Сибирский край, разделенный на округа.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1914 г. по 1924 г. включительно. В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Война оказала существенное влияние на динамику аграрного производства и в конечном итоге спровоцировала революцию 1917 г. и последовавшую за ней Гражданскую войну. Политические катаклизмы негативно сказались на устойчивости аграрного сектора экономики Сибири. 1924 г. стал годом интенсивного преодоления кризисных явлений в большинстве районов Сибири. С целью выявления предпосылок развития сельского хозяйства региона в исследуемый период мы выходим за оговоренные временные рамки, освещая ключевые тенденции аграрного развития региона с конца XIX в. по 1914 г.

Для более точного определения временных отрезков, в рамках которых фиксируются годовые изменения количественных параметров развития сельского хозяйства (площади посева, поголовья скота), вводятся понятия: учетный (межпереписной), сельскохозяйственный и хозяйственный год. Под учетным годом понимается период между двумя сельскохозяйственными переписями, проведенными в предшествующий и текущий год. Например, в 1922/23 учетный год входит период с июня 1922 по июнь 1923 г. Термин «сельскохозяйственный год» применяется для презентации изменений посевных площадей. При этом в показатели

текущего сельскохозяйственного года (например, 1921 г.) включаются итоги не только весеннего, но и озимого сева, проводившегося в предшествующем календарном году (1920 г.). Хозяйственный год – период, применительно к которому велась отчетность и осуществлялось планирование деятельности предприятий, объединений и всего народного хозяйства. Был введен в РСФСР в 1921 г. и длился с 1 октября по 30 сентября. Кроме того, используется понятие «хлебозаготовительный год», который в Сибири стартовал в сентябре текущего года, когда начиналась повсеместная уборка зерновых, и завершался в августе следующего года. Маслозаготовительный год с 1924 г. совпадал с хозяйственным.

Подготовка монографии обеспечивалась представительным корпусом источников, состоящим как из опубликованных материалов, так и из архивных документов, выявленных в фондах федеральных и региональных сибирских архивохранилищ. Базовым источником для реконструкции динамики и структуры сельскохозяйственного производства служат материалы, извлеченные из официальных статистических изданий, которые основываются на итогах сплошных и выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. В мае–июле 1916 и в мае–октябре 1917 г. были проведены сплошные сельскохозяйственные переписи, в августе 1920 г. – сельскохозяйственная перепись, в 1921 и 1922 гг. – весенние опросы отдельных крестьянских хозяйств, весной 1923 и 1924 гг. – выборочные сельхозпереписи. В рамках переписи 1920 г. в Сибири опрашивалось около четверти крестьянских хозяйств. Выборка весенних опросов 1921 и 1922 гг. составляла 3%, переписей 1923 и 1924 гг. – 5%².

Помимо сельхозпереписей в качестве источника получения первичных статистических материалов в исследуемый период использовались государственный статистический учет, ведомственный учет, а также сведения добровольных сельских корреспондентов. Ведомственный учет основывался на обобщении сообщений нижестоящих органов соответствующего ведомства. Первичные данные в рамках государственного статистического учета формировали волостные правления, вол(рай-)исполкомы и волостные/районные статистики. Так, полученные одним из ведущих сибирских аграрников – С.Г. Гензелем – сведения об урожайности сельскохозяйственных культур за 1896–1915 гг. основывались на данных государственных статорганов, за 1916–1919 гг. – на сообщениях добровольных корреспондентов, за 1920–1925 гг. – на сообщениях добровольных корреспондентов и волостных/районных статистиков³.

Для создания полного представления о тенденциях развития аграрной сферы в Сибири в 1914–1924 гг. привлекались законодательные,

нормативные, директивно-распорядительные акты и документы справочно-аналитического и информационного характера центральных, региональных и местных государственных (применительно к советскому периоду – также партийных), земельных и других органов власти и управления всех политических режимов, действовавших на территории Сибири в изучаемый период. Для второй половины 1918 – начала 1920-х гг. задача облегчалась существованием на территории Сибири макрорегиональных и даже общероссийских ведомств: Министерства земледелия и колонизации Временного Сибирского правительства, Министерства земледелия Временного Российского правительства, Сибирского земельного отдела в структуре Сибревкома. К ним стекалась информация, отражавшая ситуацию в регионе в целом. Поэтому приоритетное обращение к документам этих учреждений вполне закономерно. После восстановления советской власти в Сибири некоторые из документов были переданы в текущий архив созданного при Сибревкоме Сибирского статистического управления. Позднее из данных источников был сформирован отдельный архивный фонд (в настоящее время – ГАНО, ф. Д-146), в котором содержатся уникальные сведения, в том числе и о состоянии сельского хозяйства Сибири в годы революции и Гражданской войны. Но отбор документов в указанный фонд производился бессистемно, многие источники оказались вырваны из делопроизводственного контекста, их происхождение и репрезентативность реконструировать сложно.

В качестве источников также использовались аналитические работы исследуемого периода по аграрной проблематике, в которых содержится значительный объем информации о состоянии сельского хозяйства и его отраслей. Большим подспорьем для написания работы стали опубликованные в сибирской прессе статьи по аграрной тематике, научно-аналитические обзоры, отчеты общесибирских, региональных и местных органов управления, информационные сообщения и сводки.

Центральная источниковедческая задача настоящего исследования заключалась в критическом осмыслении имеющегося корпуса документов. Вся совокупность выявленных данных чрезвычайно многообразна и различна по степени достоверности и полноте. Только учитывая спектр существовавших оценок во всей полноте, можно определить объективность источников, содержавших количественные параметры экономических процессов. Немаловажно также иметь в виду не только поздние скорректированные оценки, но и те, которыми оперировали современники событий.

Основным методом определения полноты и достоверности используемых источников являлся их сравнительный анализ. При этом в

первую очередь учитывались ведомственная принадлежность документа, место его авторов или составителей в идейно-политической борьбе исследуемого периода (принадлежность к различным политическим группам, научным направлениям). Так, ведомственная статистика могла подгоняться под результат, который наиболее наглядно доказывал притязания данного ведомства на увеличение бюджетного финансирования. Представители омской агрономической школы, которые в начале 1920-х гг. заняли ведущие должности в земельных органах Сибири, отстаивая свой вывод об органическом кризисе сибирского земледелия, использовали некорректные методы доказательства и, пользуясь своим служебным положением, не допускали появления в сибирской сельскохозяйственной периодике публикаций с иной точкой зрения⁴.

При отборе статистических материалов, необходимых для реконструкции динамики и структуры аграрного производства, учитывалась их репрезентативность, взаимодополняемость и сопоставимость методик обработки первичного статистического материала и территориальных рамок.

Первичные данные сельхозпереписей изначально признавались вполне репрезентативными. Однако анализ дополнительного материала убедил работающих в статистических органах специалистов в том, что опрашиваемые в ходе переписей дворохозяева достаточно часто занижают размеры засеянной ими пашни, полагая, что государство переписывает их с целью последующего увеличения тяжести налогового обложения⁵. Так, после переписи 1916 г. в ряде губерний европейской части страны было проведено выборочное повторное обследование, которое осуществлялось особо тщательно и более квалифицированным персоналом. Оно зафиксировало недоучет в семи из восьми охваченных проверкой губерний. В Сибири недоучет посевных площадей был зафиксирован в рамках проведения сельскохозяйственной переписи 1920 г. Проводилась она спешно, подготовка корреспондентов была минимальной. Кроме того, их деятельность, совпавшая с началом продразверстки, встретила «не вполне доброжелательное отношение» со стороны крестьян. «Деревня связала ее с фискальными задачами». В Иркутской губернии за 2 месяца до начала переписи 1920 г. проводилась предварительная выборочная сельхозперепись. В ее рамках обследовалось 10% хозяйств из попавших в выборку основной переписи. Сравнение полученных сведений показало превышение результатов первой переписи по размеру посева на 13,8%. Осуществлявшие ее переписчики были более подготовленными, а проходила она еще до объявления разверстки⁶.

В Сибири сокрытию посевов способствовала специфика крестьянского землепользования: сохранившийся на части территории региона его вольнозахватный характер, связанная с многодворностью сибирских деревень удаленность многих земельных наделов в степной и лесостепной зонах, наличие еще более отдаленных заимок в подтаежной и таежной зонах, парозалежная система земледелия. Все это затрудняло проверку правильности показаний крестьян.

Анализ данного феномена привел экспертов к выводу о необходимости использования повышающих поправочных коэффициентов для определения реальных размеров посева. С середины 1920-х гг. в опубликованные в статистических сборниках данные о посевных площадях стали вноситься поправки на их недоучет⁷. Сведения о структуре посевных площадей считались достоверными. Поэтому величина поправок была одинаковой и для посева в целом, и для отдельных культур.

До конца 1920-х гг. не нуждающимися в каких-либо коррективах признавались данные сельхозпереписей о поголовье скота. Однако в изданном в 1930 г. статистическом сборнике «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.» в сведения о количестве продуктивного скота за 1924–1927 гг. в целом по стране и по отдельным регионам, включая Сибирь, были внесены повышающие поправочные коэффициенты. Так, например, за 1924 г. поправки на недоучет коров для Сибири составляли 4,9%, КРС – 5,7, овец и свиней – 15,5%⁸. В данные о численности лошадей поправки за этот и предыдущие годы не вносились. В источниках, имеющих сибирское происхождение, манипуляции с поправками на недоучет скота не зафиксированы.

Помимо материалов сельхозпереписей поправочные коэффициенты использовались и в статистике урожайности. Так, С.Г. Гензель внес поправки на недоучет в опубликованные им в 1927 г. данные о подесятинном сборе сельскохозяйственных культур за 1920–1925 гг.⁹ В то же время в изданных в 1930 г. «Материалах по текущей сельскохозяйственной статистике» поправочные коэффициенты отсутствуют¹⁰.

Одной из проблем использования статистических источников для построения динамических рядов аграрного производства за весь исследуемый период является несопоставимость географических рамок, связанная с многочисленными изменениями административно-территориального деления региона¹¹. Так, например, нельзя сравнивать данные по Алтайской губернии из «Погубернских итогов» сельскохозяйственной переписи 1917 г.¹² и «Групповых итогов» переписи 1920 г.¹³, опубликованных соответственно в 1921 и 1926 гг., поскольку во втором из перечисленных изданий сведения приведены в измененных в 1921 г. границах¹⁴, а в первом – эти изменения не учтены¹⁵. Следует также от-

метить, что итоговые данные выборочных сельхозпереписей 1921–1924 гг. опубликованы в соответствии с окружным административно-территориальным устройством региона, которое пришло на смену губернскому в 1925–1926 гг.

Определить место губерний и областей в сельскохозяйственном производстве Сибири конца 1910-х – начала 1920-х гг. практически невозможно в силу происходившей перекройки административно-территориального деления. Однако подобная возможность существует применительно к входящим в регион и имеющим единые территориальные рамки сельскохозяйственным зонам. При разделении Сибири на зоны за основу взяты результаты сельскохозяйственного районирования региона, проведенного при подготовке Перспективного плана развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г.¹⁶, с внесением в них определенных корректив, которые связаны с изменениями административных границ (упразднением уездов и введением окружной системы), привязкой к ним имеющихся статистических материалов, а также целесообразностью укрупнения некоторых из выделяемых в Перспективном плане районов¹⁷.

В итоге нами выделено шесть сельскохозяйственных зон: Северо-Западная таежная, Центральная лесостепная, Юго-Западная степная (степной и предгорный Алтай), Южная горная (Горный Алтай), Среднесибирская степная и лесостепная и Восточная таежная. Каждая зона обозначена в таблицах соответствующим порядковым номером. Статистические материалы по зонам соотносятся или с уездным, или с окружным делением. В таблицах отдельные зоны соответствуют следующим территориям: **I. Северо-Западная** (таежная) – Тарского, Томского, Енисейского уездов и Нарымского края или Томского и Тарского округов; **II. Центральная** (лесостепная) – Тюкалинского, Омского, Калачинского, Татарского, Каинского, Каргатского, Ново-Николаевского, Черепановского, Кузнецкого и Щегловского уездов или Омского, Барабинского, Новосибирского и Кузнецкого округов; **III. Юго-Западная** (степная) – Славгородского, Каменского, Рубцовского, Барнаульского и Бийского уездов или одноименных округов; **IV. Южная** (горная) – Ойротской автономной области; **V. Среднесибирская** (лесостепная и степная) – Мариинского, Красноярского, Ачинского, Канского, Минусинского и Хакасского уездов или Ачинского, Канского, Минусинского, Хакасского и Красноярского округов; **VI. Восточная** (таежная) – Киренского, Верхоленского, Иркутского, Тулунского и Зиминского уездов или Киренского, Иркутского и Тулунского округов.

*

*

*

Изучение истории сельского хозяйства региона в исследуемый период начали его современники. Как часто бывает, грань между аналитическими источниками и историографией достаточно зыбкая. Некоторые авторы, будучи работниками статистических, земельных и переселенческих органов, начали аналитическую работу еще до революции и продолжали публиковаться до конца 1920-х гг. Высококласные профессионалы с многолетним стажем, они в своих изысканиях широко опирались на данные текущей статистики¹⁸. Исследования проводились в условиях, когда государство еще не пыталось напрямую влиять на научные результаты. Вместе с тем, ученые не были свободны от веяний времени.

Исследование проблем аграрного развития региона начиналось со статей и аналитических обзоров¹⁹. По мере накопления исходного материала создавались объемные очерки и работы монографического характера, посвященные сельскому хозяйству отдельных административных единиц Сибири²⁰, отраслям сельского хозяйства²¹, его организационно-производственным формам и прежде всего крестьянскому хозяйству²², аграрной истории региона в целом²³. Часть из них не была опубликована и известна лишь по архивным копиям²⁴.

Наиболее фундаментальный характер имеет подготовленная ведущими специалистами Сибкрайземуправления работа, которая вышла как первый том-выпуск Перспективного плана развития сельского хозяйства Сибирского края²⁵. В ней наряду с кратким, но емким историческим экскурсом давалось подробное описание динамики и состояния производительных сил аграрного сектора экономики региона в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Широта и содержание анализа позволяют с полным основанием определить данный выпуск как энциклопедию сельского хозяйства Сибири. Ни до, ни после этого столь уникальных изданий в регионе не предпринималось. Важное историографическое значение имеют статьи по аграрной проблематике из «Сибирской советской энциклопедии»²⁶.

Большой интерес представляют публикации, подготовленные специалистами и руководителями продовольственных, кооперативных и торговых органов, в которых затрагиваются вопросы организации и результатов государственных и кооперативных заготовок сельхозпродукции, подводятся итоги кампаний по сбору продразверстки и продналога²⁷.

Приоритетное значение в аналитических публикациях 1920-х гг. занимали проблемы аграрных преобразований в регионе, особенностей колхозного движения, продовольственной политики, социальной струк-

туры сибирской деревни, динамики сельскохозяйственного производства и его отдельных отраслей. В качестве базовых причин сельскохозяйственного кризиса назывались «мировая и гражданская война, хозяйственная и экономическая разруха»²⁸. Некоторые исследователи при этом обращали внимание на высокий уровень изъятия сельхозпродукции у крестьян в рамках продразверстки и продналога. Подчеркивалось негативное значение неурожаев 1920 и 1921 гг.²⁹ Представители омской агрономической школы считали, что базовой причиной кризисных явлений в сельском хозяйстве в целом явился органический кризис господствующей в регионе залежной системы земледелия, следствием которого стало прогрессирующее снижение урожайности³⁰. Разные точки зрения высказывались по вопросу начала аграрного кризиса в регионе. С. Брике полагал, что 1920 г. был «высшей точкой в экономическом развитии сибирской деревни». И. Кантышев и Д. Мерхалев, напротив, считали, что падение сельскохозяйственного производства началось в 1920 г.³¹

Дискуссионный характер имела проблема оценки социальных сдвигов в сибирской деревне в начале 1920-х гг. Сопоставив результаты выборочных обследований крестьянских хозяйств за 1921 и 1922 гг., Д. Мерхалев сделал вывод об осереднячивании крестьянства³². Известный сибирский статистик И.В. Яровой, используя материалы сельскохозяйственных переписей, доказывал, что в начале 1920-х гг. абсолютно преобладающей социальной группой сибирской деревни стала беднота³³. С. Брике полагал, что аграрные преобразования рубежа 1910–1920-х гг. не привели к осереднячиванию крестьянства. Зафиксированное статистическими источниками сокращение состоятельности зажиточных крестьян он рассматривал как преимущественно фиктивное, поскольку наиболее мощные хозяйства сохранили большую часть основных средств производства³⁴. А. Ансон и Ф. Хоробрых в статье в «Сибирской советской энциклопедии» определили социальные сдвиги в деревне в начале 1920-х гг. как нивелировку³⁵.

В конце 1920-х гг. глубокое для своего времени исследование аграрной политики антибольшевистских правительств осуществил В. Аверьев, который ввел в научный оборот важнейшие первоисточники по теме³⁶. Он полагал, что адмирал А.В. Колчак пытался продолжить столыпинский курс в решении земельного вопроса.

Научный анализ проблем аграрного развития Сибири в исследуемый период прервался в 1930-е гг. и возобновился в 1950-е гг. Экономическое и социальное развитие сибирской деревни в годы Первой мировой войны затрагивалось как в специальных работах³⁷, так и в трудах обобщающего характера, выполненных в более широких хронологических рамках конца XIX – начала XX в.³⁸ Влияние войны на аграрное произ-

водство восточных регионов России оставалось дискуссионной проблемой на протяжении всего этапа профессиональной советской историографии. П.И. Рощевский, С.А. Сидоренко и А.А. Храмов полагали, что война поставила сельское хозяйство региона на грань краха. В.Г. Тюкавкин сделал вывод об увеличении в годы войны посевных площадей и валовых сборов зерна, которое объяснил «наличием значительных резервов роста производства в кулацких и зажиточных середняцких хозяйствах», реализовавшихся благодаря благоприятной конъюнктуре (расширению рынка сбыта и повышению цен на хлеб)³⁹. Он также отметил, что война «внесла серьезное расстройство в развитие маслоделия» и привела к его падению⁴⁰. По мнению В.И. Пронина, посевные площади в регионе во время войны в целом выросли, достигнув своего максимума в 1917 г., а общая численность скота увеличивалась до 1916 г. включительно⁴¹. Л.М. Горюшкин считал, что зерновое производство в 1914–1917 г. в разных районах Сибири развивалось неравномерно, но в целом по региону увеличилось⁴². И.В. Островский, критически подойдя к опубликованным статистическим источникам, сделал вывод о том, что площадь посева в Западной Сибири на протяжении 1914–1916 гг. непрерывно сокращалась и лишь в 1917 г. выросла⁴³.

Применительно к периоду, начавшемуся после октября 1917 г., в традиционный круг исследовательских проблем, которые ставились и решались советскими историками, входили: реализация Декрета о земле в сибирской деревне, первые продовольственные мероприятия советской власти, аграрная политика антибольшевистских правительств и экономическое положение крестьянства в период «временной победы контрреволюции», аграрная и продовольственная политика советской власти «после разгрома колчаковщины», колхозное и совхозное строительство, переход к продналогу, социальная дифференциация сибирского крестьянства, динамика сельскохозяйственного производства⁴⁴. Данные проблемы обобщались в монографических работах⁴⁵, в том числе имеющих сквозной хронологический характер⁴⁶. Итоги исследования подводились в коллективных трудах фундаментального характера⁴⁷. Наиболее существенный вклад в изучение проблем аграрного развития Сибири в указанный период внесли Ю.В. Журов, В.И. Шишкин и Л.И. Боженко.

К достижениям советской историографии следует отнести введение в научный оборот большого массива фактического материала, к недостаткам – склонность к отбору фактов и аргументов, представлявших политику советской власти как правильную и единственно возможную. Наглядной иллюстрацией данной особенности советской историографии является господствующая в ней точка зрения о реставраторском характере аграрной политики антибольшевистских правительств, вос-

становивших «старую систему» земельных отношений⁴⁸. Советские историки особо подчеркивали негативное влияние «белого» террора и военных действий против партизан, сопротивлявшихся колчаковщине, на сельское хозяйство. Ю.В. Журов обосновал этот тезис на статистических материалах Енисейской губернии, хотя в рукописи диссертации привел и статистические данные для других регионов Сибири, не подтвердившие данное положение⁴⁹.

Дискуссионным в советской историографии являлся вопрос о периодизации кризиса сельского хозяйства Сибири. Ряд исследователей (А.К. Касьян, В.М. Кулешов) оценивали последствия колчаковщины как разрушительные, утверждали, что аграрное производство в 1920 г. находилось в катастрофическом состоянии⁵⁰. Е.М. Хенкин приводил статистические данные, свидетельствующие о том, что негативные тенденции в развитии крестьянского хозяйства в регионе проявились уже в 1920 г.⁵¹ По мнению Л.И. Боженко, в 1920 г. были достигнуты максимальные показатели развития полеводства и во многих отношениях оказался для крестьян успешным. Кризис, по его мнению, начался лишь в 1921 г., но не был глубоким, так как сибирское крестьянство обладало благодаря хорошим урожаям предшествовавших лет внушительными запасами и быстро восстановило свой производственный потенциал⁵². Н.Я. Гуцин также считал, что кризис в сельском хозяйстве Сибири развился в 1921 г., тогда как «1920 г. характеризовался сравнительно высоким уровнем производства»⁵³.

Различные точки зрения высказывались и по поводу времени начала выхода Сибири из аграрного кризиса. П.К. Редькин, В.Е. Чаплик закрепили в историографии тезис о быстром исправлении кризисной ситуации в сельском хозяйстве региона уже в 1922–1924 гг. благодаря усилиям правящей партии по снабжению семенами и сельскохозяйственной техникой, кооперированию и кредитованию беднейших хозяйств и ограничению хозяйственных возможностей кулаков⁵⁴. Л.И. Боженко и Н.Я. Гуцин полагали, что восстановление аграрного производства в Сибири началось в 1923 г.⁵⁵

Дискуссия развернулась и по вопросу об общей направленности социальной мобильности сибирского крестьянства в конце 1910-х – начале 1920-х гг. При этом некоторые ее участники ставили под сомнение тезис об осереднячивании сибирской деревни в эти годы. В.Е. Чаплик включал в состав кулачества в 1920 г. 18% хозяйств и на этом основании делал вывод о том, что социальные сдвиги, происшедшие среди крестьян Европейской России в 1917–1920 гг., не затронули сибирскую деревню. Снижение удельного веса крупнопосевных дворов к 1922 г. он также не считал показателем осереднячивания. По его мнению, кулаки умышленно сократили размеры посевных площадей, сохранив свой

производственный потенциал⁵⁶. Более ортодоксальной точки зрения придерживались Л.И. Боженко и Н.Я. Гушин, видевшие в перегруппировке крестьянских хозяйств в Сибири с 1917 по 1920 г. хотя и менее масштабный, чем в европейской части страны, но все же начавшийся процесс осереднячивания⁵⁷.

К концу 1980-х гг. взгляды Н.Я. Гущина изменились. В опубликованной в соавторстве с В.А. Ильиных монографии происходившие в сибирской деревне в 1921–1922 гг. социальные сдвиги определялись как «поравнение» крестьянских хозяйств на общем низком уровне без всякой увязки данного процесса с осереднячиванием⁵⁸. В.И. Шишкин, затрагивая данную проблему в историографическом очерке, указывал на разное соотношение между процессами осереднячивания и нивелировки в сибирской и российской деревне на рубеже 1910–1920-х гг. Если в России середнячество прирастало в основном благодаря хозяйственному подъему бедноты и батраков, то в Сибири – в результате перехода в эту категорию кулаков, «подрезанных» мероприятиями советской власти или сознательно сокративших размеры хозяйств⁵⁹.

На постсоветском этапе отечественной историографии аграрного развития Сибири изменились не только концептуальные подходы, но и круг тематических предпочтений историков. В число исследовательских приоритетов попали проблемы политической борьбы вокруг земельного вопроса в 1917 – первой половине 1918 г.⁶⁰, аграрной политики антибольшевистских правительств⁶¹, крестьянского повстанческого движения после восстановления советской власти⁶². К тематическим прорывам относится освещение государственной политики по регулированию продовольственных заготовок на территории Сибири в 1914–1919 гг.⁶³, противостояния государства и крестьянства в вопросе о лесопользовании⁶⁴, а также коммерческих заготовок сельхозпродуктов в начале 1920-х гг.⁶⁵ На новом концептуальном уровне продолжилось изучение продналоговых кампаний начала 1920-х гг.⁶⁶ Важное историографическое значение для понимания аграрных процессов имеет монография Н.Ф. Иванцовой, которая затронула различные аспекты истории западносибирского крестьянства в короткий, но очень важный отрезок времени – в 1917 – первой половине 1918 г. Новаторскими для своего времени стали ее утверждения об изначальной склонности советской практики управления к бюрократизации и диктату в отношении крестьянства⁶⁷.

В рамках исследования социальной мобильности крестьянства ревизии был подвергнут господствующий в советской историографии тезис о капиталистическом разложении крестьянства как преобладающей тенденции социальных процессов в сибирской деревне в начале XX в., в том числе и в годы Первой мировой войны⁶⁸. В.А. Ильиных также дока-

зал, что в 1917–1920 гг. основным направлением социальной мобильности крестьянства был переход в менее состоятельные группы. При этом отсутствуют основания для определения данного процесса как осереднячивания. В сибирской деревне действительно произошло сокращение числа зажиточных хозяйств, но в то же время доля бедноты не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Обеднячивание крестьянства, которое к 1920 г. проявилось лишь в начальной форме, значительно усилилось в конце 1920 – 1922 г. С 1923 г. доминирующим направлением социальных сдвигов в сибирской деревне стал переход в более состоятельные группы⁶⁹.

После относительного забвения данной темы в 1990-е гг. в 2000-е вновь заметно вырос интерес к анализу динамики развития сельского хозяйства. Большинство авторов, затрагивающих данную тему применительно к периоду Первой мировой войны, придерживаются мнения о наращивании в годы войны количественных показателей развития аграрного производства⁷⁰. Историографической новацией является исследование судьбы предпринимательских хозяйств в 1914–1920 гг.⁷¹ Проведен ретроспективный анализ отдельных отраслей сельского хозяйства и аграрного производства в регионах Сибири⁷².

Существенный вклад в изучение динамики сельскохозяйственного производства в годы Гражданской войны внес В.М. Рынков⁷³. Важное историографическое значение имеют выводы о более раннем начале рецессии сибирского животноводства и о наращивании производства зерна в 1918–1919 гг., сделанные на основе анализа новых статистических источников и критики уже введенных в научный оборот документов. Им также поставлено под сомнение общепринятое в историографии положение о больших запасах хлеба в крестьянских хозяйствах в 1920 г., накопленных в результате высоких урожаев предыдущих лет.

Среди работ, посвященных непосредственно сельскому хозяйству, следует отметить историко-статистическое обозрение В.А. Ильиных, который детально реконструировал динамику развития животноводства и полеводства в Сибири в 1920-е гг., в том числе и в начале десятилетия⁷⁴. Большое внимание он уделил критике статистических источников и выявлению в них наиболее достоверной информации.

Подводя итоги историографического обзора, следует отметить, что несмотря на наличие достаточно большого количества работ, в той или иной мере затрагивающих данную проблему, изученность ряда ее аспектов остается недостаточной. На данном этапе развития историографии возникла необходимость создания обобщающего труда.

---

¹ Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Отечественная история. 1998. № 6. С. 94–132.

² Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 54–55.

³ Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 г. // Статистический бюллетень. Новосибирск, 1927. С. 68.

⁴ См.: Ильиных В.А. Перспективные планы сибирских земельных органов середины 1920-х гг. как источник изучения аграрных и кооперативных концепций периода нэпа // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Новосибирск, 1996. Вып. 2. С. 99–100.

⁵ См.: Он же. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 29.

⁶ Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1921. Вып. 1. С. 27–29.

⁷ В «Сборнике статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 1: Сельское хозяйство» (Новосибирск, 1927) приняты следующие поправки на недоучет посевов по Сибири в целом: для 1916 и 1917 гг. – 10%, 1920 г. – 15, 1921 г. – 25, 1922 г. – 37, 1923 г. – 32,2, 1924 г. – 24,9% (с. 465).

⁸ Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг. М., 1930. С. 104–105, 140–141.

⁹ Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины... С. 69.

¹⁰ Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края. 1920–1928 гг. Новосибирск, 1930. Вып. 1: Полеводство и луговодство.

¹¹ См.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. С. 46.

¹² Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921.

¹³ Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926. Т. 5.

¹⁴ В 1921 г. из состава Алтайской губернии в Семипалатинскую были переданы Бухтарминский и часть Змеиногорского уездов, в Омскую губернию – Славгородский уезд, в Новониколаевскую губернию – Каменский и часть Барнаульского уездов (Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. С. 77).

¹⁵ Групповые итоги сельскохозяйственной переписи... С. 3.

¹⁶ Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства.

¹⁷ О принципах выделения сельскохозяйственных зон см.: Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 87.

¹⁸ Шишкин В.И. Становление советской государственной статистики в Сибири // Становление статистики в Сибири. Новосибирск, 2010. С. 9–17.

¹⁹ Илимский Дм. Материалы к вопросу о производительных силах Сибири. Томск. 1917; Соколов В. Сельское хозяйство в Сибири // Жизнь Красной Сибири (Омск). 1920. № 2. С. 7–12; М[ерхалев] Дм. Сельское хозяйство Сибири в 1920 г. // Красная Сибирь. 1921. № 1. С. 81–90; Кантышев И. Сельское хозяйство за пять лет // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 15–20; Толстухин В. Колхозы Сибири и их значение // Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б). 1923. № 63.

С. 13–20; Герасимов И. Сибирское молочное маслоделие (по материалам Сибрабкринна) // Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 63–69; Максимов В. К начинающейся землеустроительной кампании // Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 15–19; Марковский С.С. Эволюция и перспективы сельского хозяйства Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1925. № 2. С. 65–82; и др.

²⁰ Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство в Иркутской губернии в связи с естественно-географическими условиями. Краткий географический и статистико-экономический очерк. Иркутск, 1923; Материалы к познанию производственных сил Омской губернии. Омск, 1923; Нагнибеда В.Я. Сельское хозяйство Томской губернии. Томск, 1924; Гензель С.Г. Сельское хозяйство Новониколаевской губернии. Новониколаевск, 1924; и др.

²¹ Яровой И. Очерк сельского хозяйства Сибири: полевое хозяйство (перераспределение культур) // Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 81–90; Он же. Очерк сельского хозяйства Сибири: скотоводство // Там же. 1922. № 3. С. 1–14; Степаненко И.Ф., Комков М.П. Сибирское маслоделие. Новосибирск, 1928; Бар Г. Скотоводство в Сибирском крае // Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 1. С. 56–70; и др.

²² Мерхалев Д. Из итогов выборочного обследования крестьянских хозяйств в 1921 году // Труды Сибирского статистического управления. 1921. Вып. 4. С. 67–72; Красильников М. Экономические группы в сибирской деревне // Там же. 1922. № 2. Вып. 7. С. 185–192; Окушко Б.В. Крестьянское сельское хозяйство Приенисейского края и типы его организационного строения в 1917–1922 гг. (Опыт исследования). Красноярск, 1924. Ч. 1. Вып. 1: Внешние и внутренние характеристики элементов организации хозяйства; Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири. Новониколаевск, 1924; Брике С. Экономические процессы в сибирской деревне // Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 13–35; и др.

²³ Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921; Яровой И.В. Экономика сибирской деревни. Новосибирск, 1926; Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1927; Экономическая география Сибири. Новосибирск, 1928; и др.

²⁴ Общее состояние сельского хозяйства Томской губернии // ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 508. Л. 24–49; Краткий очерк состояния скотоводства в Енисейской губернии // Там же. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 781. Л. 1–20; и др.

²⁵ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. Параллельно с общесибирским перспективным планом были подготовлены погубернские перспективные планы развития сельского хозяйства, которые также содержали разделы с детальной характеристикой сельского хозяйства соответствующей губернии (Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. Омск, 1924; Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии. Омск, 1924; Перспективный план развития сельского хозяйства Томской губернии. Томск, 1926; Перспективный план развития сельского хозяйства в Иркутской губернии // ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 1361; Перспективный план восстановления сельского хозяйства Енисейской губернии на десятилетие 1924–1933 гг. // ГАКК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 103).

²⁶ Ансон А.А. Аграрное движение // Сибирская советская энциклопедия. М., 1929. Т. 1. Стлб. 13–15; Вегман В.Д. Земельная политика // там же. М., 1931. Т. 2. Стлб. 107–110; Ансон А., Хоробрых Ф. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне // там же. Стлб. 694–716; Козьмин Н. Земледелие // там же. Стлб. 112–127; Немьскин Б. Землеустройство // там же. Стлб. 136–145; Коллективные хозяйства // там же. Стлб. 810–811; Ершов В. Маслоделие // там же. М., 1932. Т. 3. Стлб. 310–323; и др.

²⁷ Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 гг. Пг., 1916; Масло. Торговля России маслом в связи с вопросом о снабжении маслом армии и населения /сост. Н.П. Коломийцев. М., 1916; Финстер Ю. Продовольствие и снабжение во времена колчаковщины // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920; Никаноров А. Реализация мясных заготовок // Продовольственный бюллетень. 1920. № 2–3. С. 11–12; Самсонов В. Сибирь как источник продовольствия. Новониколаевск, 1921; Он же. Три года продработы в Сибири // Жизнь Красной Сибири. 1922. № 3. С. 24–33; Монастырский Б. Четыре года продовольственной работы в Омской губернии // Красный путь (Омск). 1921. № 11–12. С. 30–35; Ботвиник Е.Г. Заготовки хлеба, масла и пушнины в 1923–24 г. и их регулирование // Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 79–85; и др.

²⁸ Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Стлб. 123.

²⁹ Сельское хозяйство Сибирского края. С. 102.

³⁰ Подробнее об этом см. гл. 2.

³¹ См.: Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. С. 46.

³² Мерхалев Д. Из итогов выборочного обследования... С. 70.

³³ Яровой И.В. Экономика сибирской деревни. С. 7.

³⁴ Брик С. Экономические процессы в сибирской деревне. С. 15.

³⁵ Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Стлб. 701.

³⁶ Аверьев А. Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 6. С. 24–45; № 8. С. 23–44.

³⁷ Сидоренко С.А. Сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Вопросы истории Урала и Западной Сибири: уч. зап. Курганского гос. пед. ин-та. Свердловск, 1966. Сб. 38. С. 310–318; Храмов А.А. О влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство Томской губернии // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969. С. 37–39; Рошецкий П.И. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Науч. тр. Тюменского ун-та. Тюмень, 1974. Т. 7. С. 24–55; и др.

³⁸ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Го-рюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967; Он же. Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; Трошин И.П. История развития скотоводства в Западной Сибири. Новосибирск, 1969; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983; и др.

³⁹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 309.

⁴⁰ Там же. С. 378.

---

⁴¹ Пронин В.И. Динамика уровня земледельческого производства в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // История СССР. 1977. № 4. С. 64; Он же. Скотоводство Сибири XIX – начала XX в. Барнаул, 1978. С. 114.

⁴² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 252.

⁴³ Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов как исторический источник // Крестьянство Сибири в период разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 117, 120.

⁴⁴ Касьян А.К. Строительство коллективных хозяйств в Омской губернии в период военного коммунизма (ноябрь 1919 – март 1921 г.) // Уч. зап. Омского пед. ин-та. Омск, 1957. Вып. 8. С. 67–91; Он же. Борьба трудящихся Омской губернии за ликвидацию последствий колчаковщины в сельском хозяйстве (конец 1919 – 1920 г.) // Уч. зап. Омского пед. ин-та. Омск, 1963. Вып. 20: Из истории Западной Сибири и Омской области. С. 68–89; Горюшкин Л.М. Сельское хозяйство Сибири в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, 1966. С. 46–69; Он же. Роль декрета о земле в установлении советской власти в сибирской деревне // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1967. № 11. Вып. 3; Он же. Деятельность советов Сибири по организации сельскохозяйственного производства в первой половине 1918 г. // Проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны в СССР. Томск, 1975; Заподовникова А. Крестьянский вопрос в Сибири (1918–1920 гг.) // Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока (Омск). 1967. № 8. С. 59–60; Литвин А.Л. Крах аграрной политики контрреволюции 1918–1919 гг. // Уч. зап. Казанского гос. пед. ин-та. Казань, 1969. Вып. 71. С. 224–227; Боженко Л.И. Землепользование и землеустройство крестьянских хозяйств Сибири (1920–1927 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 25–48; Он же. Состояние сельского хозяйства Сибири после освобождения от колчаковщины (1920 г.) // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины: материалы науч. конф. Томск, 1970. Вып. 2. С. 11–19; Он же. Сельское хозяйство Сибири накануне и после перехода к новой экономической политике (1920–1927 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 18. С. 18–39; Он же. К характеристике основных групп крестьянства Сибири после освобождения от колчаковщины // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 7. С. 81–104; Шагин Э.М. Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири в первые годы советской власти // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. III: История крестьянства советской Сибири. С. 107–115; Журов Ю.В. Партизанское движение и революционные преобразования в сибирской деревне (1918–1920 гг.) // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971. С. 48–54; Гушин Н.Я. Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 70–106; Шишкин В.И. Продовольственная политика советской власти и сибирское крестьянство (конец 1919 – январь 1920 гг.) // Бахрушинские чтения. 1969. Новосибирск, 1970. С. 15–39; Он же. Продовольственная кампания 1920/21 года // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 3. С. 124–140; Он же. К вопросу об аграрной политике советской

власти в 1920 г. // Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в советский период. Новосибирск, 1974. С. 3–25; Он же. Сибирская деревня накануне и в период Октября // Известия СО АН СССР. 1987. № 16. Вып. 3. С. 25–31; Зыкова В.Г. Земельные комитеты в Сибири в 1917 г. // Октябрь и Гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С. 79–83; Хенкин Е.М. К вопросу о кризисе крестьянского хозяйства Сибири в 1920–1922 годах // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 3. С. 141–150; и др.

⁴⁵ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978; Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. Ноябрь 1919 – март 1921 гг. Новосибирск, 1985; Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922 гг.). Красноярск, 1988; и др.

⁴⁶ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973; Белая З.И. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982; и др.

⁴⁷ История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.

⁴⁸ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 42; Крестьянство Сибири в период строительства социализма. С. 45.

⁴⁹ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 35–39; Он же. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 1974. С. 444, 453–454, 457–458.

⁵⁰ Кулешов В.М. Социально-экономическая и политическая обстановка в Сибири в период перехода от Гражданской войны к мирному строительству (конец 1919 – 1924 г.) // Труды кафедр обществ. наук Новосиб. электротех. ин-та. Новосибирск, 1961. Вып. 2. С. 4–5; Касьян А.К. Борьба трудящихся Омской губернии... С. 68–70.

⁵¹ Хенкин Е.М. К вопросу о кризисе крестьянского хозяйства Сибири в 1920–1922 годах // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 3. С. 145, 147.

⁵² Боженко Л.И. Сельское хозяйство Сибири накануне и после перехода к новой экономической политике (1920–1927 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 18. С. 18–31.

⁵³ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 57.

⁵⁴ Редькин П.К. Преображенная деревня. Начало технического перевооружения сибирской деревни и его социально-экономическое значение. Кемерово, 1974. С. 30; Чаплик В.Е. Сибревком – орган диктатуры пролетариата // Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома в 1919–1925 гг. Новосибирск, 1960. С. 36–38.

---

⁵⁵ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 63; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. С. 255.

⁵⁶ Чаплик В.Е. Новониколаевская губернская парторганизация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства (1920–1925 гг.). Новосибирск, 1964. С. 7–8, 31. В.Е. Чаплик относил к кулацким хозяйствам с посевом от 8 дес. и более, тогда как большинство историков – от 10 дес.

⁵⁷ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919–1927 гг.). Томск, 1969. С. 31; Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972. С. 83, 84; Крестьянство Сибири в период строительства социализма. С. 137.

⁵⁸ Н.Я. Гушин, В.А. Ильиных. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987.

⁵⁹ Историография крестьянства советской Сибири. С. 88.

⁶⁰ Черняк Э.И., Якимова Т.В. Материалы крестьянских съездов 1917–1918 гг. в Сибири (источниковедческие аспекты) // Из истории революций в России (первая треть XX в). Томск, 1996. Вып. 1. С. 196–205; Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск, 2001. С. 149–186; Якимова Т.В. Крестьянские съезды Западной Сибири в период установления советской власти (ноябрь 1917 – май 1918 гг.) // Октябрь и Гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С. 36–72; Шиловский М.В. Вопросы государственного переустройства в деятельности крестьянских съездов (март–декабрь 1917 г.) // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 109–122; Буянова Л.Л. Социальные стратегии крестьянства Западной Сибири в революции 1917 г. (по материалам крестьянских съездов) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 210–211; и др.

⁶¹ Гордеев О.Ф. Аграрная политика Временного сибирского правительства. Красноярск, 1993; Он же. Аграрные проблемы в Сибири и пути их решения (февраль 1917 – январь 1920 г.). Красноярск, 1997; Он же. Аграрная политика А.В. Колчака. Красноярск, 1998; Он же. Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в годы Гражданской войны (конец 1917 – 1920 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003; Он же. Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в период Гражданской войны (1918–1920 гг.). Красноярск, 2005; Лончаков Ю.Г. Земельные органы сибирской контрреволюции (1918–1919 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири. XVII–XX вв. Новосибирск, 1998. Вып. 3. С. 75–78; Он же. Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири // История «белой» Сибири: тез. регион. науч. конф. Кемерово, 1994. С. 71–73; Рынков В.М. Между Сциллой и Харидой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 – 1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г. Новосибирск, 2001. С. 99–137; и др.

---

⁶² Шишкин В.И. Антисоциалистическое вооруженное сопротивление в Сибири в 1920 г. (численность повстанцев) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 2. С. 85–103.

⁶³ Меньшиков В.Н. Общественная позиция Н.Л. Скалозубова по «масляно-му вопросу» в годы Первой мировой войны: социокультурный анализ // Социальные конфликты в истории России: материалы всерос. науч. конф. Омск, 2004. С. 135–138; Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004; Он же. Сельское хозяйство Западной Сибири в годы Первой мировой войны: опыт государственного регулирования // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. История. № 4. С. 71–77; Чедурова Е.М. Кредитная кооперация Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Войны в России: сравнительный анализ: материалы 47-й всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2007. С. 66–70; Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 г.). Барнаул, 2010. С. 18–47; и др.

⁶⁴ Рынков В.М. Революционный путь лесопользования: сводка донесений лесничих Алтайского округа летом 1917 года (публикация документа) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 19–23.

⁶⁵ Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996; Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа. 1921–1928 гг. Новосибирск, 2005; Дроздов А.В. Заготовительный рынок Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.): история становления и развития. Омск, 2002.

⁶⁶ Дианов А.Г. Влияние продналоговых кампаний 1921–1922 гг. на сельское хозяйство Алтайской губернии в освещении Советской рабоче-крестьянской инспекции // Актуальные вопросы истории Сибири: седьмые науч. чтения пам. проф. А.Б. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 140–141; Он же. Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции в период продналоговой кампании 1921 г. Ч. 1 // Омский науч. вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2010. № 1. С. 18–22; Он же. Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции... Ч. 2 // там же. 2010. № 2. С. 5–9; Шуранова Е.Н. Методы проведения первой продналоговой кампании // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 1. С. 279–282; Она же. Либерализация налоговой политики в отношении крестьянства в 1923–1924 гг. и реакция властей Сибири // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2006. № 1. С. 25–30.

⁶⁷ Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 г. М., 1992. С. 237.

⁶⁸ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 40–43.

⁶⁹ Там же. С. 45–50.

⁷⁰ Кротт И.И. Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 103–118; Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны; Кушнир Е.Н. Развитие сельского хозяйства в годы Пер-

---

вой мировой войны // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск, 2010. Вып. 14. С. 114–126; и др.

⁷¹ Кротт И.И. Ликвидация сельских предпринимательских хозяйств Западной Сибири в 1918–1920 гг. // Актуальные проблемы отечественной истории и историографии (XVIII–XXI вв.). Томск, 2007. С. 136–146; Он же. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010. С. 67–72; Назыров П.Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы Гражданской войны. Челябинск, 2009; и др.

⁷² Иваненко В.Е. История развития животноводства в годы «военного коммунизма» и нэпа в Зауралье (на материалах Тюменской области). Тюмень, 2005; Печерский В.А. Аграрное развитие Енисейской губернии после Гражданской войны (1920–1925 гг.) // Научное обозрение. 2007. № 3. С. 72–77; Плеханова А.М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. Улан-Удэ, 2011.

⁷³ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории. Новосибирск, 2008. Раздел III. С. 81–120; Рынков В.М. Сельскохозяйственное производство в Сибири в 1917 – начале 1920-х гг.: опыт анализа статистических данных // Экономическая история: Ежегодник. 2010. М., 2010. С. 263–297.

⁷⁴ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири...

Глава 1

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Особенности аграрного строя как совокупности реализуемых в сельском хозяйстве производственных отношений в значительной мере детерминируются системой землевладения и землепользования, регулируемой обычным правом или нормативно оформляемой государственной властью. Применительно к эпохе революционных преобразований существенную роль в формировании новых земельных порядков играло сельское самоуправление¹.

В начале XX в. вся сибирская земля находилась в верховной юрисдикции государства и делилась по владельческой принадлежности на казенную, кабинетскую, казачью, крестьянскую, городскую, церковную и частновладельческую. В 1913 г. в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Акмолинской, Семипалатинской и Забайкальской областях в хозяйственный оборот было введено (учтено) 239,9 млн дес.²

По подсчетам В.Г. Тюкавкина, сельскохозяйственный фонд на территории четырех губерний и двух областей (Акмолинской и Забайкальской) Сибири распределялся следующим образом: казенные земли – 35,3%, кабинетские – 7,2, казачьи – 8,1, частновладельческие – 0,5, крестьянские – 48,9%, в том числе на кабинетских землях – 12,2%³. В территориальных рамках будущего Сибирского края казенные земли занимали 162,7 млн дес., крестьянские наделы – 55 млн, кабинетские – 16,0 млн, частновладельческие – 0,5 млн, церковные – 0,3 млн, прочие (городские и ведомственные) – 0,4 млн дес.⁴

Под казенными подразумевались земли, которые формально не были переданы в личное или коллективное пользование. Большую их часть составляли неосвоенные лесные пространства, в том числе и бывшие ясачные земли, на которых проживали представители аборигенных народов, не причисленных к разряду оседлых. На пригодных для сельскохозяйственного использования казенных землях образовывались запасные участки, в перспективе предназначенные для наделения старожилов и переселенцев. Часть казенных угодий (так называемые казенно-оброчные статьи) сдавалась в аренду.

Частное землевладение, несмотря на ряд попыток его насаждения, в регионе было незначительным. В 1917 г. здесь насчитывалось 1194 частных сельхозпредприятия с площадью около 0,5 млн дес.⁵ Земли Сибирского и Забайкальского казачьих войск разделялись на три основные категории. Станичные земли были распределены между станицами, а внутри них – между дворами. Значительные площади выделялись в ка-

честве офицерских участков, закрепляемых за владельцами наследственно, что делало их близкими к частновладельческому. Необрабатываемые земли считались войсковым запасом.

Земли на Алтае и в Забайкалье находились в непосредственной собственности Короны и управлялись Кабинетом Его Императорского Величества. До 1861 г. свою собственность на землю Кабинет реализовывал путем взимания феодальной ренты с приписных крестьян, чьей обязанностью, помимо несения повинностей, возложенных на государственных крестьян, было исполнение вспомогательных работ (отработок) на заводах. После отмены обязательных отработок бывшие приписные юридически уравнились в правах землепользования с остальным крестьянским населением региона. При этом алтайские крестьяне свои наделенные земли получали не бесплатно, как на остальной территории региона, а должны были выкупать их в течение 49 лет. Леса и значительные массивы сельхозугодий, сохранившиеся в непосредственном ведении Кабинета, сдавались в аренду⁶.

Около половины всех земель сельскохозяйственного фонда находились во владении крестьян. Непосредственным держателем крестьянских земель выступала община. Пастбища находились в общем пользовании. Лесами в таежной зоне крестьяне распоряжались вольно, в лесостепных – с разрешения общины. Усадьбы передавались по наследству. Используемые под пашню угодья делились на подворные участки. До середины XIX в. в Сибири преобладала вольнозахватная форма крестьянского землепользования. Право на земельный участок определялось фактом его первичного захвата и целевого использования. После того как крестьянин прекращал его обрабатывать, участок мог занять любой желающий. Одновременно все большее распространение получало уравнильно-передельное землепользование. Данная форма землепользования касалась, прежде всего, угодий, которых в данной местности не хватало. Объектом практически повсеместного ежегодного передела являлись сенокосы. В Западной Сибири в районах ранней аграрной колонизации осуществлялось частичное поравнение или полный передел пашен⁷.

С момента своего образования сибирская крестьянская община являлась владельцем исторически сложившегося вокруг нее комплекса земель. При этом общинное землепользование в регионе было подвижным. Господствовавшая в основных сельскохозяйственных районах Сибири переложная система (см. гл. 2) предполагала постоянное вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земель и оставление старых.

С конца XIX в. государство встало на путь регулирования крестьянского землепользования. На большей части территории региона за общинами закреплялись земли из расчета наделения ею крестьян участком

в 15 дес. Угодья, превышающие данную норму, от общин отрезались и передавались в переселенческий фонд. Землю сверх установленной нормы отрезали у 20% крестьян-старожилов Сибири, их землепользование в Алтайском округе сократилось на 6%, в Енисейской губернии – на 10,5, в Иркутской губернии – на 16,3%⁸.

Нормы крестьянского землепользования распространялись и на большую часть «инородческого» населения. За исключением скотоводов Забайкалья и части кочевников казахских степей все остальные аборигены южных пригодных к земледелию районов Сибири переводились в разряд оседлых с наделением 15-десятинной нормой. В ходе землеустроительных работ и межевания площадь «инородческих» земель значительно уменьшилась: в Иркутской губернии – на 53%, в Забайкальской области – на 70, в Енисейской губернии – на 67, в Томской губернии – на 66, в Тобольской губернии – на 98, в целом по Сибири – на 71%. Большая часть отрезков использовалась для образования резервного переселенческого фонда⁹.

Существенное влияние на земельный строй Сибири оказало массовое аграрное переселение. Оно способствовало дальнейшему земельному утеснению и переходу от вольнозахватного к уравнильно-перedelьному землепользованию. С ним, в частности, связано и появление в регионе хуторского землевладения. Первые хутора в Сибири создавались по положению 1900 г., разрешавшему их устройство переселенцам из западных губерний России, но на небольших земельных участках¹⁰. Масштабы хуторского размежевания расширились во время столыпинской аграрной реформы. К 1916 г. на территории Енисейской губернии находилось 2449, Тобольской – 1258, Томской – 765, Иркутской – 45 хуторов¹¹. В целом же их удельный вес и в землепользовании, и в поселенческой сети оставался минимальным.

Следует отметить, что в первые годы осуществления столыпинской аграрной реформы на Сибирь не распространялись нормы, предусматривающие предоставление крестьянам права на выделение участка из общинного надела в частную собственность в форме хутора и отруба. Однако в 1910 г., во время поездки в Сибирь, П.А. Столыпин принял решение о распространении хуторского и отрубного разверстания общинных земель на регион. Принятые в 1911 г. законодательные акты предписывали выделять на хутора и отруба не менее трети переселенческого фонда. К 1916 г. по четырем сибирским губерниям из 10,1 тыс. участков, отведенных для единоличного пользования, заселили 5,5 тыс. Из всей массы новоселов в Азиатской России на хутора и отруба водворилось только 5%¹².

Параллельно проводилось размежевание старожильческих общин. К 1916 г. в Сибири ходатайства об этом поступили от 290 тыс. старо-

жильческих дворов (25% от их общего количества). Однако в конечном итоге в регионе было создано лишь 72 тыс. хуторов и отрубов на площади 2,6 млн из 30 млн дес., принадлежавших старожилам. В целом по региону на хутора и отруба выделили 9228 тыс. дес. (около 13% земель, подлежащих землеустройству). Однако в Сибири они находились не в частной собственности, как в европейской части России, а во владении. Разработка законопроекта о введении крестьянской частной собственности на землю в регионе началась в 1908 г. В марте 1914 г. соответствующее положение одобрила земельная подкомиссия IV Государственной думы, но с началом войны его принятие отложили¹³.

Распределение земельных угодий по губерниям и областям Сибири по землепользователям накануне Первой мировой войны приведены в табл. 1.1. По ее данным, площадь переселенческих участков, значительная часть которых не была заселена, существенно превосходила наделенные земли старожильского населения в Томской и Енисейской губерниях и областях Степного края.

Таблица 1.1
Распределение земельных угодий в Сибири в 1913 г. (тыс. дес.)

Губерния / область	Наделы старожилов	Земли коренного населения	Переселенческие участки	Казенные лесные дачи	Земли Кабинета	Частные владельцы
Тобольская	7361	–	4179	63263	...	277
Томская	3346	–	7423	34392	16000	26
Акмолинская	835	550	6514	2279	...	–
Семипалатинская	174	675	2307	3428	...	–
Енисейская	3009	–	4676	8527	...	173
Иркутская	3378	–	2324	8813	...	190
Забайкальская	3064	–	1041	29590	10000	287

Источник: Атлас Азиатской России. СПб., 1914. С. 28–34, 37–39.

Примечания: 1) В таблице не приведены данные о казачьем землевладении, составлявшем, согласно данным «Атласа Азиатской России», 7 млн дес. в Томской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областях (Сибирское казачье войско) и 10 млн дес. в Забайкальской области.

2) По переписи 1917 г., частновладельческих угодий имелось: в Тобольской губернии – 243 тыс. дес., Томской – 26 тыс., Енисейской – 71 тыс., Иркутской – 5 тыс., Семипалатинской области – 114 тыс., Акмолинской – 155 тыс. дес. На территориях Забайкальской области и Алтайской губернии статистические ор-

ганы частновладельческих земель не выявили (Черных А.В. К вопросу о частной земельной собственности в Сибири // Известия Министерства земледелия (Омск). 1919. № 3–4. С. 15).

Аграрный вопрос в Сибири стоял менее остро, чем в Европейской России. Однако, несмотря на относительно многоземелье, в сфере земельных отношений возникали противоречия, создающие почву для крестьянского движения. В регионе существовали селения, крестьянские наделы в которых были ниже нормы. Начавшиеся с 1896 г. землеустроительные работы сопровождались отрезанием земель у старожилов и аборигенов. На государственных землях 40% селений и на кабинетских – 57% не получили лесных наделов¹⁴. Недовольство крестьян на Алтае создавали выкупные платежи Кабинету и его оброчные статьи, сдаваемые в аренду по достаточно высоким расценкам.

Массовое аграрное переселение ускорило развитие аграрного производства в Сибири, но при этом способствовало нарастанию социальных противоречий в сфере землепользования. Переселенцы были недовольны тем, что старожилы имели более качественные сельхозугодья. Но и старожилы имели основания для недовольства. Переселенцам отдавали земли, которыми они ранее владели либо считали потенциально своими. Еще больше оснований для этого имело скотоводческое аборигенное население, лишившееся большей части ранее принадлежавших им угодий. Нарастающая земельная теснота создавала почву для внутридеревенских социальных конфликтов.

Формы крестьянского землепользования создавали основу для системы местного самоуправления и управления. Низовым звеном самоуправления являлась крестьянская община, которая выполняла свои традиционные поземельные, хозяйственные, податные, административные, судебные и социальные функции. В начале XX в. в регионе преобладали однодеревенские общины. Органами управления общиной являлись сельский сход и выбираемый им сельский староста. Вторым уровнем сельского самоуправления являлись волостные сходы, состоявшие из представителей сельских обществ, и выбранная ими администрация: волостной староста, волостное правление и волостной суд. В конце XIX в. была учреждена назначаемая государством должность крестьянского начальника, который осуществлял надзор за крестьянским общественным управлением и имел право отменять решения сельских и волостных сходов¹⁵.

Во время Первой мировой войны каких-либо изменений в сфере землевладения и сельского управления не произошло. После Февральской революции 1917 г. началось переструктурирование административного пространства. Временное правительство упразднило должность

крестьянских начальников. С марта по октябрь 1917 г. в регионе сформировалась густая сеть представительских органов крестьянства. За данный период было проведено 87 крестьянских съездов разного уровня. Их депутаты поддержали требования об отмене собственности на землю, передаче крестьянам кабинетских, частновладельческих, монастырских и церковных земель¹⁶. Особенностью Сибири являлось требование о прекращении переселенческой деятельности. Уже в марте 1917 г. было прекращено переселение и отведение новых участков в Семипалатинском переселенческом районе. Его свободные земли были предоставлены во временное пользование казахам¹⁷.

С конца весны и на протяжении всего лета 1917 г. в сибирской деревне начали формироваться новые органы власти, которые назывались комитетами общественной безопасности и порядка либо исполнительными комитетами. Последнее название стало наиболее распространенным. К концу лета они функционировали на волостном, а часто и на сельском уровне, но далеко не везде. Исследователи оперируют данными о максимум 424 волостных и сельских исполнительных комитетах¹⁸, в то время как волостей в Сибири насчитывалось не менее полутора тысяч. В конце апреля – мае 1917 г. состоялись уездные и губернские народные собрания, избравшие исполнительные комитеты соответствующего уровня. При этом вышестоящие этажи советской системы управления были сформированы тогда, когда ее нижний уровень только начал выстраиваться.

Параллельно с исполкомами на основании постановления Временного правительства от 17 июня 1917 г. в Сибири формировались земства. Эти органы создавались на основе всеобщего, тайного и равного избирательного права и поэтому могли считаться истинным представительством сельского населения. Как и другие структуры, порожденные революцией, они формировались в Сибири сверху вниз. Первоначально возникли временные земские управы в губерниях, областях и уездах, призванные подготовить выборы и создать условия для начала работы земских учреждений. Избирательная кампания по выборам в земские собрания началась в августе и прошла в соответствии с законодательством. Но при этом на волостном уровне состав исполнительного комитета, как правило, просто преобразовывался в волостную управу, получая более легитимные полномочия. В начале 1918 г. земства были ликвидированы, а их структуры и ресурсы были влиты в соответствующие отделы советов.

Одним из основных вопросов, который был поставлен перед созданными революцией органами верховной власти, являлся аграрный вопрос. Начавшееся на местах его стихийное решение усиливало актуальность данной задачи. В Сибири с весны 1917 г. происходили массовые

несанкционированные вырубки лесов, захваты земель общинами и отдельными крестьянами.

Постановлением от 21 апреля 1917 г. Временное правительство создало губернские/областные, уездные и волостные земельные комитеты, задача которых сводилась к подготовке земельной реформы. Первоначально функции этих органов ограничивались сбором сведений для будущей реформы и улаживанием текущих аграрных конфликтов.

К сентябрю 1917 г. в Сибири удалось сформировать 8 губернских/областных и 29 уездных земельных комитетов. Количество волостных земельных комитетов не поддается учету. Нормативная база, разрабатываемая на уровне губерний, областей и уездов, предусматривала решение большинства вопросов на местах. Вся система земельных комитетов функционировала таким образом, что масса конкретных решений принималась на волостном уровне. Уездные и губернские/областные комитеты в значительной степени играли роль апелляционной инстанции. Состав губернских и уездных комитетов быстро изменился в сторону усиления позиций сторонников умеренно-социалистических партий. Близкие к крестьянам-общинникам, они санкционировали стихийный земельный передел, редко проявляя собственную инициативу¹⁹. Волостные земельные комитеты избирались местными исполнительными комитетами, которые, в свою очередь, избирались на волостном крестьянском сходе. Нередко одни и те же люди заседали в исполнительных, продовольственных и земельных комитетах волости.

На местах земельные комитеты быстро вышли за отведенные законом пределы, оттеснив государственную администрацию от принятия решения по аграрным вопросам, и фактически превратились в один из проводников аграрной революции. Они становятся самостоятельными учреждениями, взявшими в свои руки распоряжение всеми землями сельскохозяйственного назначения²⁰. Принципиально то, что нормативные документы земельных комитетов изменили соотношение сил государственной администрации и выборных крестьянских органов. Действия представителей государства на местах рядом согласительных процедур ставились в зависимость от волостных земельных либо исполнительных комитетов.

Примером типичного механизма решения возникавших в ходе аграрных преобразований проблем является деятельность Томского губернского земельного комитета. К лету в его адрес поступила масса жалоб на захваты крестьянами причтовых (находящихся во владении лиц, служащих при приходских церквях) сенокосных, посевных и лесных участков. 7 июня 1917 г. комитет указал на недопустимость самовольных захватов, но при этом признал справедливым, если излишки при-

чтовых земель будут переданы нуждающимся односельчанам по решению местного земельного комитета. При этом последнему предстояло решать, какую часть причтовых земель считать излишками. Аналогичной была ситуация и со сдачей казенных оброчных статей в аренду местному населению. Если раньше они шли с торгов, то теперь распределялись по спискам, составленным земельными комитетами²¹.

Волостные органы уже с весны 1917 г. заняли ключевое место в регулировании аграрных отношений в сибирской деревне. Между тем, они не ставили своей задачей подготовку реформ, а непосредственно приступили к разрешению земельного вопроса, защищая прежде всего интересы крестьян своих волостей. Выдвинутые в комитеты представители местного населения стали подлинными лидерами крестьянских локальных сообществ, а не навязанными старой самодержавной или новой революционной системой.

Нельзя согласиться с мнением большинства советских историков о том, что Временное правительство и его местные органы стремились законсервировать аграрный строй, не обращая внимания на возмущение крестьян. Напротив, правительственные учреждения проявили готовность к компромиссу. Желая «выпустить пар» социальной напряженности, они руководствовались в своей деятельности принципом «отменить все аграрные мероприятия, вызывающие недовольство крестьян». Местные отделения Переселенческого управления, Управления земледелия и государственных имуществ и другие после революции получили инструкции максимально ориентироваться на запросы крестьян. Начальник Алтайского округа циркулярами 11 и 14 марта 1917 г. предписал сдать без торгов и повышения цен земли всем малоземельным крестьянам, отпустить бесплатно лес солдатским семьям, а остальному населению продавать его без торгов по существующим таксам²². В условиях быстрого обесценивания денег отказ от пересмотра такс делал платежи совершенно необременительными.

Руководство казенных лесничеств также должно было обеспечить необходимыми лесными и земельными угодьями наиболее нуждающихся крестьян. Арендные цены были снижены до символического уровня, льготы существенно расширены. Приостанавливалось принудительное взыскание арендных платежей. Борьба с земельными захватами предлагалась только через посредничество местных земельных комитетов. При этом сохранялось требование платности использования казенных угодий и общего контроля государства за земле- и лесопользованием. Уже 2 апреля 1917 г. Лесной департамент Министерства земледелия для предотвращения лесных порубок предписал максимально расширить отпуски леса населению, причем распределять лес, опираясь на местные крестьянские органы. Если эта мера не помогала, лесничим предлага-

лось обращаться к уездным комиссарам, прося их своим авторитетом воздействовать на крестьян. Была также объявлена амнистия за незаконные порубки леса, осуществленные до революции²³.

Как показал Д. Колинс, и правительство в столице, и местное руководство земельных органов обсуждали варианты скорейшего удовлетворения требований сибирского сельского населения о передаче ряда казенных земель в безвозмездное пользование крестьянства²⁴.

Крестьяне стремились создать сугубо сословные органы земельного саморегулирования. Сельские сходы с марта 1917 г. в массовом порядке принимали постановления о переходе казенных земель в распоряжение сельских обществ, заменяли лесную администрацию выборными представителями от местных крестьян. Подавляющая часть арендных статей стихийно перешла в безвозмездное пользование сельских обществ. Были попытки разделить среди общинников захваченные казенные лесные площади на равные участки. Источники сообщают, что многие члены волостных земельных комитетов сами являлись участниками самовольных порубок леса и земельных захватов²⁵.

Весной 1917 г. многие старожильческие общины вернули себе уголья, отрезанные в ходе землеустройства предыдущих лет. С образованием местных земельных комитетов старожилы либо легко получали санкцию на совершенные земельные захваты, либо игнорировали требования этих органов вернуть землю²⁶. С лесными наделами ситуация была сходной. По сообщениям лесничих Алтайского округа, все без исключений волостные земельные комитеты потребовали от органов лесопользования и лесоохраны осуществлять бесплатные отпуска леса для ремонта крестьянских усадеб. Население безвозмездно пасло скот на территории лесных дач. Весь сухой лес должен был отпускаться сельскому населению бесплатно независимо от целей заготовки. Во многих местах летом 1917 г. волостные комитеты открыли торговлю собственными лесными билетами. Более того, крестьяне препятствовали, а волостные органы запрещали коммерческое использование казенных лесных участков²⁷.

Так протекала стихийная приватизация земельного фонда, которую большевики называли национализацией. Но если учесть, что сельские общества большинства волостей явочным порядком ликвидировали церковное и школьное землевладение, изъяли у лесничих земельные участки, выделенные им в пользование казной, то очевидно, что крестьяне стремились «выжить» с земли всех, кто не принадлежал к их сословию.

Земельные комитеты и возникшие осенью 1917 г. земства активно поддержали устремления крестьян. Основное содержание инструкций земельных комитетов сводилось к тому, что регуляторами аграрных отношений становились сами крестьяне. Государственным учреждени-

ям необходимо было получать санкцию земельных комитетов на распоряжение земельными и лесными угодьями. Разбираясь в аграрных конфликтах, даже уездные и губернские земельные управы нередко исходили из необходимости ликвидировать предпринимательскую аренду, оставляя арендаторам только участок, достаточный для ведения потребительского хозяйства²⁸.

Губернские земельные комитеты сделали исключение для некоторых частновладельческих хозяйств, имевших культурное значение для сельского хозяйства Сибири. В частности, Алтайский и Томский комитеты разрешили сохранить в арендном пользовании земли хозяйствам, имевшим питомники скота, опытные и семенные поля. Следует отметить, что на местах эти постановления не исполнялись. Более того, именно местные волостные земельные комитеты принимали решения об изъятии угодий, сельскохозяйственного сырья и инвентаря у хозяйств, признанных культурными²⁹. Вмешательство уездных и земельных органов сводилось к попытке найти компромисс между интересами местного населения и правами владельцев или арендаторов. Именно поэтому захват ряда крупных частновладельческих хозяйств растянулся на несколько месяцев.

Наиболее активными участниками стихийных аграрных преобразований снизу являлись две группы крестьян. С одной стороны, о своих интересах заявили хозяйственные мужики, пользовавшиеся авторитетом на сельском сходе. Делопроизводство земельных комитетов свидетельствует о том, что инициаторами земельных захватов, а также несанкционированных заготовок казенного леса очень часто выступали зажиточные крестьяне, которые обладали возможностью заготовки больших объемов лесоматериала и вовлечения в сельхозоборот новых угодий³⁰. С другой стороны, отпущенные на сельскохозяйственные работы солдаты сибирских гарнизонов, а по мере развала армии – и дезертировавшие военнотруженики настойчиво ратовали за передел собственности и, как всегда, на сельском сходе играли роль своих, но многое повидавших и более и опытных людей³¹. К тому же, будучи комбатантами, они склонны были решать многие вопросы силой, и противостояние их воле на сходе могло быть небезопасно.

Спад крестьянского движения исследователи отметили в августе–сентябре 1917 г., связывая его с политическими процессами – концом двоевластия, корниловским выступлением. Действительные причины лежат на поверхности и кроются в начале сезона полевых работ, а также в том, что цикл земельных захватов завершился и большая часть стремившихся к расширению своих наделов крестьян получила желанные прирезки. Но эта фаза аграрной революции, сняв одни противоречия, выдвинула на повестку другие. С осени 1917 г. развернулись межсо-

словные столкновения среди сельских жителей Сибири. Очагами крупных конфликтов стали Степной край (казаки – киргизы/казахи), юг Енисейской губернии (крестьяне – казаки – хакасы), Забайкалье (старожилы – буряты). Противостояние разворачивалось по линии: переселенцы – старожилы, приписанные – не приписанные, земледельцы – скотоводы, арендодатели – арендаторы, демобилизованные солдаты – не служившие крестьяне. В результате стихийных аграрных преобразований социальное напряжение в деревне возросло.

Осенью 1917 г. земельные комитеты стали выполнять функцию социального амортизатора. Земельные конфликты разбирались на их заседаниях. К этому времени государственная администрация практически перестала играть роль властного центра, что существенно осложняло ситуацию. Противостояние пролегалось теперь уже между способными учитывать интересы разных сегментов населения уездными и губернскими земельными органами, с одной стороны, и, как правило, легко санкционировавшими любые крестьянские требования волостными органами – с другой. В крестьянском правосознании именно решения последних приобретали силу законных и исполнялись сельским населением.

Таким образом, к концу лета 1917 г. ситуация в сибирской деревне практически вышла из-под контроля местной администрации и зависела от позиции и действий местных органов, сформированных крестьянами. Вышестоящие органы успешно могли только санкционировать решения местных о наделении крестьян землей, захваченной у казны или у крупных землепользователей.

II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, объявивший 25 октября 1917 г. о переходе всей власти в стране к советам, принял Декрет о земле. В соответствии с декретом частная собственность на землю ликвидировалась. Вся земля, в том числе кабинетская, церковная и частновладельческая, подлежала национализации и уравнительному перераспределению³². Проходивший в конце ноября – начале декабря 1917 г. II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в первоначально принятой резолюции приветствовал ликвидацию частной собственности на землю, но передал право на решение земельного вопроса Учредительному собранию. Однако после ухода со съезда правых эсеров оставшиеся делегаты одобрили постановления II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, включая Декрет о земле, и приняли решение о создании объединенного ВЦИК. Отправлявшимся на места делегатам был дан наказ приступить к созыву местных крестьянских съездов³³.

Прошедшие в Сибири в начале 1918 г. крестьянские съезды поддерживали идею о социализации земли. По мнению Н.Ф. Иванцовой, осно-

ванному на анализе материалов таких съездов за период с марта по май 1918 г., советские органы не выработали общих положений аграрного законодательства, учитывающих условия региона³⁴. Отдельные примеры (Алтайский, Томский, Омский губернские земельные комитеты/отделы), однако, показывают, что детальная регламентация аграрных отношений на уровне губернии не являлась исключением. Другой вопрос, что все эти нормы оставались на бумаге. Отсутствовал и механизм проведения аграрной политики в жизнь. Есть и еще один аспект, который следует учитывать. В большинстве нормативных документов ключевую роль в регламентации земельных отношений призваны были играть волостные исполкомы или земельные комитеты, а также избранные населением комиссии по землеустройству³⁵. Уездные и губернские инстанции сохранили за собой функцию легитимации действий населения, утверждая решения местных органов.

В период становления советской власти в Сибири административная и правовая анархия имела тенденцию к дальнейшему усилению. Ситуация усугубилась непризнанием советской власти большинством уездных и губернских земельных комитетов. 13 января 1918 г. Томский губернский земельный комитет постановил принимать к исполнению директивы вышестоящих органов власти лишь в той мере, в которой они не противоречат интересам народа³⁶. После утверждения советской власти губернские и уездные земельные комитеты долгое время продолжали свою работу, хотя и не определяли ситуацию в деревне. Но в действительности губернские органы мало влияли на уездные, а уездные – на волостные. Каждый волостной комитет исходил из того, что он обладает почти суверенными правами по отношению к вышестоящим органам, и исполнял их указания лишь добровольно.

Земельные комитеты намеревались осуществить перераспределение земель между пользователями на основании разработанных ими осенью 1917 г. положений. Утверждение советской власти не поколебало этих намерений. В конце 1917 г. Томским губернским земельным комитетом была разработана инструкция для волостных земельных комитетов о порядке распределения земли. Устанавливался простой заявительный принцип для нуждающихся в земельных и лесных угодьях. При этом те владельцы и арендаторы, которые ранее сами обрабатывали землю, могли оставить за собой соответствующую часть участка в пределах средних норм землепользования в данной местности. Земли казенные, крупные частные владения, не имевшие культурного значения, монастырские, школьные, причтовые подлежали разделу³⁷.

Советская власть, видя противодействие своей политике со стороны уездных и губернских земельных комитетов, предприняла усилия по законодательному сужению их полномочий. 5 декабря 1917 г. СНК

РСФСР утвердил «Положение о земельных комитетах», в соответствии с которым в уездные комитеты вводилось по 10, а в губернские по 18 представителей от советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Такой шаг давал перевес просоветской части членов и позволял легально производить реорганизацию и ликвидацию земельных комитетов³⁸. Этот процесс растянулся на несколько месяцев.

Уездные и волостные земельные комитеты принимали решения о переходе в их распоряжение казенных земельных угодий. В полную противоположность с принципами работы переселенческого управления они использовали полученный земельный фонд главным образом для дополнительного наделения старожилов. Вопрос о водворении переселенцев на свободные колонизационные участки нередко стало решать местное сельское общество³⁹.

Особая ситуация складывалась на территории Сибирского казачьего войска, где на протяжении первой половины 1917 г. не запаханые арендаторами участки и не использованные хозяевами офицерские земли поступали в распоряжение Войсковой управы, которая сдавала их в аренду. Были, правда, случаи захвата ранее арендованной войсковой земли киргизским населением, жителями казачьих станиц и соседних крестьянских селений. Управа санкционировала подобные захваты путем передачи их в аренду новым хозяевам. Переаренда войсковых земель категорически воспрещалась. Войсковая управа отменила постановление Омского совдепа о национализации арендованных у войска земель, произведя фактически ее муниципализацию⁴⁰.

При советской власти окончательно оформилось радикальное решение проблемы лесопользования. В Томской и Тобольской губерниях ликвидировали лесничество, возложив охрану леса на местное население⁴¹. Вместо лесничеств были созданы земельно-лесные советы, предназначенные для регулирования лесопользования и борьбы с самовольными порубками.

Утверждения отечественных исследователей о том, что советы «много сделали для охраны лесов» и «полностью контролировали вопросы снабжения населения лесными материалами»⁴², не соответствуют действительности. Поток нормативных документов, регламентирующих порядок использования леса различными категориями населения, и угрозы применения штрафных санкций нельзя принимать за реальную деятельность. Хищение леса и его уничтожение в эти месяцы приняли прецедентный характер. Законопослушные в прошлом крестьяне, чтобы не чувствовать себя изгоями, тоже включились в массовые порубки. Широко было распространено именно коммерческое использование леса крестьянами безо всякой платы и без соблюдения нормативных предписаний. Зато появилось стремление жителей приборовых се-

лений охранять «свой» лес от посторонних порубщиков⁴³. Получая санкцию местного земельного совета, жители порой закрепляли за собой переселенческие участки исключительно с целью полной вырубki всех лесонасаждений, чтобы потом забросить их и вернуться на свой прежний надел. Земельно-лесные советы принимали решения о понижении таксовой стоимости леса и допустили к бесплатному сбору важенника все население.

Как справедливо отмечено вологодским исследователем В.А. Саблиным, общинников «в одинаковой степени раздражала и помещичья, и церковная, и монастырская земельная собственность, равно как и земля собрата-крестьянина, выделившегося из общины»⁴⁴. В Сибири эту ситуацию усугубили межсословные противоречия, поэтому значительное количество земельных захватов затронуло крестьянские хозяйства. Переселенцы настаивали на переводворении их на удобные земли, издавна занятые старожилами, крестьяне травили посеы и жгли сено в казачьих селениях⁴⁵. В Енисейской губернии осенью 1917 г. произошло объединение казачьих и инородческих земельных комитетов – совместно было надежнее противостоять действиям крестьян, тоже опиравшихся на свои земельные комитеты⁴⁶.

Следует отметить, что кардинальной разницы между курсом, проводимым земельными комитетами в начале 1918 г. и земельными отделами советов, не прослеживается. На волостном уровне обычно все заканчивалось переименованием одних органов в другие. Уездные и губернские органы претерпели некоторые кадровые перестановки, но продолжили, разве что более решительно, реализацию намеченных ранее мероприятий, невзирая на перемену названия и переход из ведения земств в подчинение советам. С другой стороны, с конца 1917 г. в директивных документах центральных органов советской власти появился охранительный тон. Как отметил П.Н. Першин, циркуляры Народного комиссариата земледелия осуждали огульный раздел земли и инвентаря крупных частных хозяйств, предписывая сохранение их единства и правильного управления как очагов агрикультуры. При разработке мероприятий по решению лесного вопроса комиссариат попытался опереться на специалистов лесного дела, среди которых широко была распространена идея национализации лесов. Но они понимали ее как гарантию против нарушения правил лесопользования и сверхнормативной рубки леса⁴⁷. Другое дело, что стремление восстановить государственный контроль за лесопользованием в Сибири не было реализовано по причине падения советской власти в регионе. Даже в европейской части страны эта тенденция постепенно и с трудом проявляла себя, встречая сопротивление крестьянского населения и созданных им местных земельных органов.

События революционного лихолетья усилили роль общины и волостного схода как главных регуляторов земельных отношений на местах. Исполнительные и земельные комитеты обычно лишь фиксировали мирские постановления. Многие чиновники отмечали, что именно сельский сход в 1917–1918 гг. принимал решение о наделении земель (в том числе казенной) безземельных. Эту тенденцию применительно к Алтаю четко зафиксировала как советская историография, однозначно называвшая общину главным революционным организатором крестьянства⁴⁸, так и постсоветские исследователи, отметившие рост значения общины, ставшей основным и наиболее авторитетным институтом деревни. По подсчетам А.А. Чиркова, из 326 выявленных им крестьянских выступлений в 95,8% организаторами выступила община и лишь в 1,5% – исполнительные комитеты⁴⁹.

В таких условиях резко усилилось размежевание между селениями и волостями, обладавшими неравномерными площадями полезных сельскохозяйственных угодий. Старожильческие сходы и съезды требовали, чтобы земельное уравнивание происходило исключительно в пределах волостей и категорически возражали против переселения крестьян из европейской части России и других сибирских регионов. Напротив, жители переселенческих поселков или те из коренных сибиряков, у которых при землеустройстве оказался недостаток угодий того или иного вида, настаивали на изменении волостных границ, прирезки земли за счет соседей. Стихийное земельное перераспределение нередко приводило к усилению экономического неравенства. В силу специфики мирской психологии само провозглашение требований воспринималось как санкция на их воплощение в жизнь. Более того, как правило, настроение сельского или волостного схода воплощал в виде своих решений местный земельный комитет или совет крестьянских депутатов. Сказывалась и общая земельная ситуация в Сибири. В Иркутской губернии старожильческое крестьянство и буряты провозглашали целые уезды закрытыми для сельскохозяйственного переселения, а уездные земельные комитеты/отделы подтверждали захваты переселенческих участков местным населением⁵⁰. Аналогичные решения принимались в Алтайской и Томской губерниях, Семипалатинской области, где противостояние казачьего и переселенческого населения стало одним из двигателей Гражданской войны в регионе⁵¹.

Подводя итоги земельных преобразований периода Февральской революции и первых месяцев претской власти, отметим, что очень трудно отделить анархические захваты земель от аграрных реформ. Граница между этими явлениями размыта правовой аморфностью и управленческой неэффективностью работы органов власти. Решения вышестоящих учреждений не выполнялись или выполнялись на местах с большими

искажениями. Осуществлявшиеся на местах мероприятия, как правило, входили в противоречие с вышестоящими директивами. Столь же сложно говорить о границе между дооктябрьским периодом революции и первыми месяцами советской власти. Если на уровне деятельности уездных и губернских органов они вычлениаются, то на местах смена власти выразилась в переименовании исполнительных комитетов в советы. Центральные органы пытались зафиксировать в нормативной базе то, что ранее местные органы делали без всякой санкции сверху. Но это означало лишь закрепление прежнего курса. Его смена и строительство более жесткой властной вертикали в Сибири практически не прослеживаются.

Главным содержанием данного этапа аграрной революции в Сибири стали: паралич государственных органов власти, как старых, сломленных революцией, так и новых, ею порожденных; перенесение центра влияния на уровень волостных и сельских крестьянских органов, усиление роли общины; фактическая стихийная ликвидация казенного и кабинетского землевладения; существенное уравнивание землеобеспечения крестьян в пределах селения или волости, резкое увеличение межселенных земельных конфликтов; прекращение выплаты крестьянами арендных платежей и налогов за землю.

В историографии нерешенным остается вопрос о масштабах увеличения площади земельных угодий сибирского крестьянства в результате земельных переделов, что объясняется различной методикой подсчетов и хаотичным состоянием источников. В литературе 1920-х гг. указывалось на то, что к населению перешло до 1 млн га различных земель и крестьянское землепользование увеличилось на 2%⁵². По мнению Л.М. Горюшкина, крестьянские наделы в Западной Сибири увеличились примерно на 4,6 млн дес. (на 8–9%)⁵³. При этом автор исходил из предположения, что крестьянам перешли все казенные арендные статьи, частновладельческие и церковные земли. Ю.В. Журов, разделяя методику подсчетов Л.М. Горюшкина, определяет количество земли, полученной крестьянами Сибири, в 5100–5150 тыс. дес.⁵⁴ По данным Омского уездного земства, в 1917/18 сельскохозяйственном году в уезде распределили 108 699 дес. земли из лесных дач и переселенческих участков, принадлежавших ранее казне, что составило около 20% всех сельхозугодий в уезде. Барнаульская уездная управа летом 1918 г. приводила сведения о 84 852 дес. земли, переданных при советской власти в дополнительное пользование безземельным, переселенцам и беженцам в пределах уезда, или 12% от общего числа сельскохозяйственных угодий в уезде⁵⁵. Оба эти факта свидетельствуют о масштабах переделов, значительно превосходивших даже самые смелые оценки. Но эти общие данные не позволяют учесть того факта, что часть земель крестьяне за-

хватывали и оспаривали друг у друга, а часть вывели из пользования предпринимателей.

После антибольшевистского переворота летом 1918 г. новая власть предприняла несколько акций, призванных стабилизировать земельные отношения и восстановить стимулы к наращиванию аграрного производства.

Постановлением Временного сибирского правительства от 6 июля 1918 г. все имения передавались прежним владельцам⁵⁶. В советской историографии его оценивали как полный отказ от завоеваний революции в угоду частным собственникам. В действительности трактовка данного постановления не может быть столь однозначной. Законодатели имели в виду не только частные имения, а все виды земельной собственности, кроме государственной. Для частных владений предполагалось сделать исключение, оставляя наиболее ценные хозяйства в распоряжении земств. Кроме того, с уже занятых участков захватившим их крестьянам разрешалось снять урожай. Таким образом, предусматривалась не немедленная отмена сложившихся в ходе революции аграрных отношений, а лишь их частичная и постепенная корректировка. Казенные земли в безусловном порядке возвращались в казну.

Земельные комитеты были распущены так же, как сельские и волостные исполкомы. Вместо земельных комитетов учреждались земельные советы в составе губернских и уездных земств⁵⁷. Волостных земельных советов не предусматривалось. Зато власти взялись за исполнение закона Временного правительства о земствах в Сибири и повсеместно сформировали волостные земства. Несмотря на стремление разорвать связь с советским прошлым, волостные земства, как правило, были прямыми наследниками исполкомов волостных советов. Как и полгода назад, при ликвидации земств советами, обычно дело ограничивалось переименованием сельских органов власти. Но именно земства в антибольшевистский период становились основным регулятором аграрных отношений на местах и проводником государственной политики.

Циркулярным распоряжением Министерства земледелия и колонизации Временного Сибирского правительства от 29 августа 1918 г. государство передавало земствам находившиеся ранее в ведении Переселенческого управления земли свободного колонизационного фонда для распределения среди нуждавшихся сельских жителей. Циркуляр предписывал наделять землей в первую очередь нуждающееся старожильческое и коренное население, затем уже прибывших в Сибирь переселенцев, придерживаясь очередности в зависимости от давности прибытия. В случае их неявки на участки к 1 октября 1918 г. зачисленные в предстоящее время за переселенцами доли считались свободными и

вновь поступали в свободный колонизационный фонд⁵⁸. 14 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство распорядилось прекратить прием переселенцев и беженцев в Сибирь из европейской части России. Возникшую паузу собирались использовать для решения аграрного вопроса в интересах сибирского населения⁵⁹.

Циркулярные инструкции, изданные в развитие постановления Временного Сибирского правительства от 29 августа 1918 г., возлагали решение многих принципиальных вопросов, связанных с распределением переселенческих земель, на губернские и уездные земельные советы. В частности, именно они решали судьбу казенных земель, захваченных местным или пришлым сельским населением в предшествующие месяцы. Они же занимались предоставлением казенных земельных участков во временное пользование сельскому населению и определяли размеры арендных платежей с них⁶⁰. В ведение земских учреждений передавалась инфраструктура переселенческого ведомства в районах, где переселение было признано в основном завершенным⁶¹.

Земства, получившие возможность реализации государственной аграрной политики, по своему идеологическому облику отличались преобладанием социалистически настроенных деятелей. Поэтому они склонны были существенно корректировать проводимый правительством курс на восстановление прав собственников. В частности, в ходе кампании по возвращению земельных участков прежним владельцам земства ориентировались на соблюдение интересов «трудового крестьянства». Летом 1918 г. они еще открыто говорили о необходимости продолжить начатую весной 1918 г. политику по распределению свободных земель между гражданами, чтобы реализовать решения Учредительного собрания о социализации земли. Проведенные летом–осенью 1918 г. уездные и губернские крестьянские съезды потребовали передать частные, кабинетские, казенные, казачьи и церковно-приходские земли в общенародное пользование для немедленного уравнительного распределения на основании Декрета ВЦИК от 5 января 1918 г. «О социализации земли»⁶². Это только укрепило уверенность земских органов в том, что их действия соответствуют народным чаяниям.

В 1919 г., по мере роста неудач на фронте, настроения в некоторых земствах эволюционировали в сторону открытого осуждения аграрной политики Российского правительства. Гласные и служащие земств высказывались в пользу легализации совершившихся при советской власти земельных захватов. Алтайский губернский совет по земельным делам в сентябре 1919 г. признал целесообразным изъять у арендаторов казенных земель участки, превышающие размер, необходимый для поддержания собственного хозяйства, а полученные земли распределить меж-

ду непричисленным населением. Совет предлагал сделать этот принцип общегосударственным⁶³.

Несмотря на оппозиционный настрой, именно земства должны были проводить постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. о возвращении имений. В составе земельных советов в августе–октябре 1918 г. были сформированы комиссии по возвращению прежним владельцам земельных угодий. Они действовали до середины 1919 г.

К началу 1919 г. в наиболее плотно населенных уездах юга Западной Сибири комиссии при земствах приняли решение о возвращении большинства захваченных участков прежним владельцам. При этом, как правило, захватчику разрешалось реализовать свое право на сбор урожая. Многие дела, связанные с захватами земель, поступали для рассмотрения в губернские и уездные по земельным делам советы. Возвращение земель встречало единичные случаи сопротивления⁶⁴, которые, как правило, не выливались в жесткое противостояние властям, мирившимся с упорством крестьян. Зато сельское население очень часто просто игнорировало негодные решения соответствующих органов власти и учреждений.

Разбираясь в земельных захватах 1917 – первой половины 1918 г., комиссии и советы выявили очень большое количество случаев, когда земли были отторгнуты у крестьянских хозяйств. Делопроизводство земельных отделов земств свидетельствует, что в общей массе земельных конфликтов значительное место занимали столкновения между соседними сельскими обществами из-за дележа надельных земель⁶⁵. Более того, в ходе разбора конфликтов, связанных с захватами земельных угодий у внутридеревенских арендаторов, нередко выяснялось, что пострадавшие являлись арендаторами средних по размерам участков трудового типа.

Законодательство, безусловно, предписывало восстановление собственности казны. Но что касается захваченных населением арендных земель и переселенческих участков, государственные органы лишь в нескольких случаях поставили вопрос о выселении захватчиков. Земства вставали на сторону неприписанных крестьян, настаивая на сохранении за ними земель хотя бы временно, до сбора урожая текущего года. Случаев массового выселения с казенных участков в Сибири не было. По крайней мере, источники указывают лишь на нереализованные намерения Министерства земледелия. В отношении же большинства захватчиков казна предполагала только восстановить сбор арендных платежей. При этом размер платежей до весны 1919 г. оставался на до-революционном уровне и в связи с падением ценности рубля не мог считаться обременительным для крестьян. Скорее, его следует признать

символической платой. В этом смысле позиция казны существенно не отличалась от позиции земств, которые так же, распределяя оказавшуюся в их распоряжении землю, предлагали взимать с нее земские платежи и специальный сбор, необходимый для содержания земского земельного аппарата, но строго следили, чтобы в платежах не возникала рентная составляющая.

Весной 1919 г. в аграрном курсе Российского правительства произошли перемены. 8 апреля были утверждены «Правила о порядке производства и сбора посевов на землях, не принадлежащих посевицам»⁶⁶, а 13 апреля – серия законодательных актов, разъяснявших порядок их применения⁶⁷. Новое законодательство предполагало оставить в прежнем состоянии все земельные захваты, совершившиеся к весне 1919 г., если эти земли не возвращены уже прежним владельцам по закону от 6 июля 1918 г. Право использования захваченных земель продлили еще на один год при условии регистрации и внесения арендной платы на счет государства. Арендные платежи равнялись, как правило, сумме поземельных налогов и были очень невелики. Но проведение в жизнь апрельских аграрных законов происходило очень медленно и оказалось прервано стремительным отступлением колчаковской армии⁶⁸. К лету 1919 г. большая часть прежних земельных захватов либо была легализована переводом земли во временную аренду за символическую плату, либо продолжала нелегально оставаться в распоряжении захватчиков.

Разрешение обработать захваченные земли в новом 1919/20 сельскохозяйственном году в некоторых местах было воспринято населением как санкция на легализацию дальнейших захватов. Управляющий Курганским уездом сообщал, что земли необщинного пользования, возвращенные в прошлом году прежним владельцам, под влиянием правил от 8 апреля 1919 г. снова подверглись захвату⁶⁹.

В 1919 г. в губернские и уездные по земельным делам советы продолжали поступать просьбы от крестьян о дополнительном наделении землей. Подходя к данному вопросу более строго, чем их предшественники, земельные комитеты, вникнув в суть дела, часто отклоняли подобные прошения на том основании, что просители в достаточном количестве наделены землей и даже имеют излишки⁷⁰. Но Министерство земледелия не поощряло строгость местных земельных советов. Очевидно, присутствовало понимание того, что в новых условиях недовольное дореволюционными земельными порядками население может составить социальную базу антибольшевистского движения только при условии толерантного отношения к уже осуществленным стихийным переделам сельскохозяйственных угодий. Поэтому начальник Главного переселенческого управления Н.К. Феодосьев настаивал на максималь-

но благожелательном отношении к крестьянам, самовольно захватившим земельные участки и желающим легализовать свои захваты⁷¹.

Иначе выглядела ситуация в сфере лесопользования. С лета 1918 г. правительство активно взялось за восстановление администрации лесничеств, лесной стражи. В октябре 1918 г. в Томской губернии вооруженные рейды по сбору штрафов за несанкционированное использование лесных материалов привели к столкновению крестьян с правительственными войсками и милицией⁷². Лесным департаментом Министерства земледелия к началу 1919 г. была намечена широкомасштабная программа по восстановлению порядка в лесопользовании. Она предполагала увеличение платы за рубку леса населением с целью поднять транзакционные барьеры и заставить крестьян взвешенно использовать доступные лесные ресурсы. Отпуск леса следовало осуществлять по строгому плану, считаясь с действительным состоянием лесонасаждений и хищнической вырубкой леса населением в предшествовавшие месяцы⁷³.

Но усилия правительства по наведению порядка в лесопользовании не были системными. Обзоры состояния лесного дела на местах, поступающие в Министерство земледелия и публиковавшиеся в прессе, свидетельствовали о продолжении зимой 1918–1919 гг. массовых незаконных порубок леса⁷⁴. В связи с этим 11 марта 1919 г. Российское правительство постановило создать специальные вооруженные летучие отряды лесной милиции. Ужесточались наказания за незаконные порубки леса⁷⁵. Принятые меры вели к сокращению нарушений лесного устава. Очевидно, что главная функция лесной администрации в этом случае была не фискальная, а экологическая.

Аграрная политика была одним из факторов вызревания антиколчаковских настроений, однако, не главным. Более существенное значение имели мобилизации в армию и мероприятия властей по борьбе с самогонварением. В структуре аграрных противоречий Западной Сибири лесной вопрос сыграл более важную роль, чем земельный. Но в целом крестьянство воспринимало аграрную политику контрреволюции негативно. Земельные органы эффективно действовали лишь вдоль Транссибирской магистрали и вблизи крупных городов. В глубинке преобладала саморегуляция земельных отношений, подчас силовыми методами. Борьба различных слоев крестьянства за земельные ресурсы сыграла важную роль в вызревании партизанского движения.

Очевидно, что с приходом к власти антибольшевистских правительств не произошло существенного сокращения размеров земель, находившихся в пользовании крестьян. Значительная часть принадлежавших казне и Кабинету участков, захваченных крестьянами в 1917 – начале 1918 г., вновь перешла на положение арендованных у казны. Но это не

легло крупным бременем на крестьянские хозяйства, крайне неаккуратно вносившие даже резко понизившиеся в реальном стоимостном выражении арендные платежи.

Во второй половине 1919 г. основная часть Сибири была занята Красной армией. Руководство регионом было возложено на Сибирский революционный комитет. За разработку и проведение земельной политики отвечал образованный в структуре Сибревкома Сибирский земельный отдел (Сибземотдел). Земельные отделы создавались также при губернских и уездных органах государственной власти. На местах была организована сеть ревкомов как органов чрезвычайного государственного управления, которые затем были заменены формируемыми путем выборов советами и их исполкомами. Выборы в сельсоветы на территории «Сибревкомовской Сибири» начались весной и завершились осенью 1920 г.⁷⁶ Сельские советы, формально провозглашенные органами местного самоуправления, фактически находились в жестком административном подчинении у вышестоящих государственных органов и были обязаны в первую очередь выполнять их директивы.

В соответствии с положениями принятого в 1922 г. Земельного кодекса регулирование земельных отношений из ведения сельсоветов исключалось. Теперь оно возлагалось на общину, получившую статус земельного общества. Последнее осуществляло руководство землепользованием своих членов, решало вопросы землеустройства, севооборота, производило переделы и наделение землей, распоряжалось угодьями общего пользования, осуществляло контроль над использованием земли. Высшим распорядительным органом земельного общества являлось общее собрание. На практике жесткого разграничения между решением земельных и иных вопросов местного самоуправления не существовало. Исполнение постановлений сходов по проблемам землепользования возлагалось на сельсоветы или непосредственно на их председателей. Последние часто решали земельные вопросы самостоятельно, исходя из требований вышестоящих органов управления.

После восстановления советской власти на территорию Сибири было распространено земельное право Советской России. Вся земля в стране формально находилась во «всенародном достоянии». Фактическим же ее собственником – единым и единственным – являлось государство. Владение землей осуществлялось на правах срочного или бессрочного пользования. Законодательно исключались купля-продажа, дарение и завещание земельных участков.

В 1920-е гг. земли распределялись на три основные категории: 1) непосредственного государственного распоряжения, включая леса; 2) городов, разных ведомств и учреждений; 3) трудового пользования. В состав государственного фонда помимо лесов входили земли государ-

ственных земельных имуществ (ГЗИ) и колонизационный фонд. На площадях ГЗИ располагались совхозы. Эти земли могли также сдаваться в аренду крестьянским общинам. Земли трудового пользования подлежали распределению между гражданами, желающими их обрабатывать своим трудом на основе уравнительного землепользования по зависящим от местных условий трудовым или потребительским нормам. Преобладающая часть земель сельхозназначения находилась в пользовании крестьян, а доминирующей формой крестьянского землепользования являлось подворно-общинное (в Сибири в 1921/22 г. – 92,7%). В отрубном пользовании в регионе находилось 5,8%, в хуторском – 0,5, в коллективном – 1% крестьянских земель⁷⁷.

В 1920 г. земли в «Сибревкомовской Сибири» (без территории Нарымского и Туруханского краев) распределялись следующим образом⁷⁸:

	тыс. дес.	%
Земли трудового пользования	56 186	23,9
Государственные земельные имущества	4114	1,7
Колонизационный земельный фонд	2984	1,3
Государственные лесные дачи	52 119	22,2
Земли городов, ведомств и учреждений	460	0,2
Земли нераспределенные (неосвоенные)	119 069	50,7
Итого	234 932	100,0

Основные принципы аграрной политики советского государства в Сибири были определены в декларации Сибревкома о порядке наделения и пользования землей от 6 марта 1920 г.⁷⁹ В Декларации объявлялось, что все казенные, кабинетские, войсковые, частновладельческие, офицерские и монастырские земли *«переходят в распоряжение Советской республики»*. Участки казенно-оброчных статей, арендуемые сельскими обществами, закреплялись за ними. *«Все трудящиеся деревни»* уравнивались в своих правах. Существовавшие ранее сословные и податные различия между казаками, инородцами, старожилами и переселенцами упразднялись. *«Земли фактического трудового использования»* оставались неприкосновенными и никаким урезкам не подлежали. Ограничению в пользовании землей подлежали *«только явно кулачские помещичьи хозяйства, обрабатывающие землю главным образом наемным трудом»*. Трудовым хозяйствам разрешались вспомогательный наем рабочей силы и аренда земли.

В решении лесного вопроса в регионе советская власть также проявила осторожность. В Сибири не решились проводить принятый в мае 1918 г. Декрет о лесах⁸⁰, который в частности предусматривал передачу всех крестьянских лесных наделов в государственную собственность.

Распоряжение такими лесами осталось в ведении волостных исполнительных комитетов. В феврале 1920 г. Сибревком обязал советские ведомства, учреждения и предприятия прекратить рубку леса в крестьянских наделах и возместить произведенные порубки выделом дополнительных участков из казенных дач⁸¹.

В соответствии с директивами Сибревкома ограничение землепользования зажиточных крестьян имело минимальный характер. Прежде всего были экспроприированы хозяйства кулаков, бежавших с белогвардейцами. Земля отрезалась лишь у незначительного количества наиболее крупных наличных зажиточных хозяйств. Не приписанные, малоземельные и безземельные крестьяне наделялись землей в пределах трудовых норм в основном за счет свободных наделных угодий, неиспользуемых переселенческих участков, бывших кабинетских и церковных земель, перешедших в государственный фонд. Излишки земли для их наделения изымались у крупных хозяйств лишь в тех районах, где не было свободных угодий. Резервом для дополнительного наделения являлись казачьи земли. Землепользование казаков в итоге уменьшилось почти вдвое. Однако это снижение произошло в основном за счет пустовавших и сдававшихся в аренду земель войскового или станичного запасов, а также офицерских наделов⁸². Важной стороной деятельности советских органов являлась легитимация сложившихся земельных отношений. Все ранее незаконно захваченные переселенческие участки по решению Сибревкома перешли окончательно к новым пользователям. Кроме того, отведенные для колонизации участки земли, занятые коренным населением Сибири, передавались ему обратно на основании самого факта пользования⁸³.

В соответствии с действующим на территории Советской России законодательством передаче крестьянам не подлежали угодья двух категорий землепользователей. Прежде всего, к ним относились фермы сельскохозяйственных школ, участки опытных станций, племенные рассадники, конные заводы, имения с технически развитым земледелием и животноводством. Эти хозяйства передавались в ведение государственных и общественных учреждений или преобразовывались в совхозы. Указанный круг примерно соответствовал понятию «культурное земледелие». Вторая категория – это частные хозяйства, владельцы которых по своему быту не отличались от крестьян, а само их хозяйство велось преимущественно трудом владельцев. Именно их пытались в свое время оградить от «черного передела» земельные комитеты Временного правительства и советы по земельным делам периода контрреволюции. После реставрации советской власти подобные хозяйства оказались в основном определены и учтены. В Омской губернии весной 1920 г. было взято на учет 257 частновладельческих хозяйств площадью

350 тыс. дес. Почти половину из них признали трудовыми и полутрудовыми. Ни земля, ни инвентарь в них не подвергались переделу. Только 139 из них национализировали⁸⁴.

Но соблюсти провозглашенные принципы в слабозаселенном регионе, где крестьянство отвыкло от контроля со стороны государственных органов и уже несколько лет разрешало земельные конфликты самостоятельно, оказалось сложно. Уже в ходе завершающей фазы партизанской борьбы против колчаковского режима наиболее острые очаги вооруженных столкновений стали аренной силовой разрешения земельного вопроса. На Алтае, в Томской и Енисейской губерниях переселенцы и безземельные захватывали земли старожилов⁸⁵. В конце 1919 – начале 1920 г. погрому со стороны местных крестьян подверглись многие частновладельческие хозяйства. Более того, сибревкомовская земельная политика встретила противодействие даже в некоторых губернских коммунистических организациях. Местные советские органы стремились вернуть землепользование в управляемое русло, но толерантно относились к устремлениям крестьян расширить свое землевание. В результате в одних местах директивы Сибревкома реализовывались и проводился курс на максимальное расширение посевных площадей, в других – на жесткое ограничение крупных хозяйств, в том числе и крестьянских.

Население спокойно реагировало на постановления Сибревкома и местных органов советской власти по земельному вопросу, так как в действительности перераспределение земель в 1920–1921 гг. носило стихийный характер и производилось самим населением без участия землеустроительных органов⁸⁶. В основном дело свелось к новому витку выравнивания земельных угодий между членами общины, в большинстве случаев никак не зафиксированного. Волостные и уездные власти активно участвовали только в перераспределении надельной земли между сельскими обществами. Особенно это проявлялось в местах чересполосного проживания различных категорий сельского населения. Таким образом, преобразования последнего этапа аграрной революции являлись продолжением процессов, происходивших в предшествующие годы.

Советские исследователи при подсчетах размеров увеличения крестьянских наделов в результате советских преобразований 1920 гг. обычно исходили из того, что все земли, перечисленные в Положении Сибревкома от 10 марта 1920 г., перешли в пользование крестьян. На этом основано утверждение, что крестьянству Алтайской, Томской, Омской, Семипалатинской и Енисейской губерний власть передала 2971 тыс. дес. бывших казенных, кабинетских и частновладельческих земель на условиях временного использования⁸⁷. Называются и другие

цифры. Например, М.К. Исхаков указал, что крестьяне Омской губернии получили под посев из свободных дополнительных земель свыше 500 тыс. дес.⁸⁸ В действительности, как показано в монографии В.И. Шишкина, перекройка земельных отношений носила куда более скромный характер⁸⁹. Лишь небольшая часть казенных и частновладельческих земель пошла на увеличение крестьянской запашки. Следует также учесть, что часть решений советских органов об отведении угодий гражданам явилась простым утверждением права использования на очередной сельскохозяйственный сезон тех земель, которые и ранее находились в легальном или нелегальном «захватном» пользовании сибирских крестьян и неприписанного сельского населения.

Определить площадь сельскохозяйственных угодий, полученных крестьянами за весь период аграрных преобразований, достаточно сложно вследствие ограниченности, неполноты источников. Выявленные источники хотя и не позволяют провести общий анализ изменения землепользования, но все же с очевидностью свидетельствуют, что размеры прирезок к наделной крестьянской земле были невелики. По 16 волостям Омской губернии, подвергнутым сплошному поземельному обследованию в 1922 г., крестьянские общины дополнительно получили 13,3 тыс. дес., или 1,7% от угодий, принадлежавших этим обществам в 1917 г., из них 46% было прирезано из других общин, 3% – из государственного фонда, 47% – из бывших монастырских и церковных земель. Более всего выросло наделное землепользование в Разумовской (3,2%) и Самарской (2,4%) волостях, а в трех волостях оно, наоборот, уменьшилось: Андреевской, Атрачинской и Называевской. В Енисейской губернии площадь наделной крестьянской земли к 1920 г. увеличилась на 17,1 тыс. (0,17%), в Иркутской – на 3,7 тыс. дес.⁹⁰

Характерной чертой советской аграрной политики на завершающей стадии Гражданской войны является то, что многие решения о перераспределении земли носили временный характер. Директивы Сибревкома предлагали выделять землю в том размере, в котором хозяйство может засеять, но только на текущий сельскохозяйственный год. После перехода к нэпу ситуация начала изменяться. Провозглашая новую экономическую политику, лидеры большевистского режима исходили из того, что основным актором восстановительных процессов народного хозяйства страны должно было стать крестьянство. Государство, в свою очередь, брало на себя обязательство содействовать этому процессу, оказав деревне организационную помощь.

Одним из базовых направлений аграрной политики являлось землеустройство, основной задачей которого являлось создание стабильных и оптимальных условий для ведения сельскохозяйственного производства. Коррективы были подвергнуты и идеологические установки зе-

мельной политики. Если с 1919 г. ее приоритетом являлось содействие переходу к коллективному социалистическому земледелию, то принятый в 1922 г. «Земельный кодекс» провозгласил равенство всех форм трудового землепользования (общинного, участкового, в том числе хуторского, и коллективного), предоставив крестьянам право свободного выбора⁹¹. Землеустройство в Сибири должно было устранить недостатки землепользования, к которым, по мнению экспертов, относились: 1) «крайняя неорганизованность и неустойчивость землепользования (22% всех состоящих в наделе у крестьян земель не имеют твердо установленных границ)»; 2) обусловленное многодворностью сибирских сел дальнеземелье, которое заключалось в большом расстоянии между двором и обрабатываемым участком; 3) межселенная чересполосица; 4) «крайне нецелесообразные границы землепользования». Недостатки землепользования в регионе усугублялись массовым наплывом неорганизованных переселенцев⁹².

Исходя из этого, Сибземотдел в качестве приоритетных определил следующие виды землеустроительных работ: *«а) сообщение землепользованиям устойчивости путем их оформления в порядке земельной регистрации, б) регулирование земельных отношений земельных обществ в целом (межселенное землеустройство), в) приближение населения к земле посредством разбивки многодворных селений на отдельные поселки, г) регулирование земельных отношений внутри земельных обществ (внутринаделное землеустройство) и д) устройство неприписного населения»*⁹³.

В начале 1920-х гг. наблюдался постоянный рост масштабов землеустройства. В 1921 г. в Сибири работы были проведены на площади 143 тыс. дес.⁹⁴, в 1922 г. – 1355 тыс., в 1923 г. – 3324 тыс., в 1924 г. – 6470 тыс. дес.⁹⁵ Соотношение различных форм землеустройства постоянно изменялось. В 1920–1921 гг. значительные усилия земельные органы уделяли выделу участков под государственные и коллективные хозяйства и общественные посевы⁹⁶. По нашей оценке, удельный вес данного вида работ в их общем объеме достигал 1/3. При этом коллективная запашка составляла 1% обрабатываемой площади.

По просьбе Сибземотдела СНК РСФСР 21 марта 1921 г. временно закрыл Сибирь для планового переселения и запретил самовольные переселения, поручив местным органам заняться подготовкой участков⁹⁷. Однако провести в жизнь это решение не удалось из-за массового движения беженцев из голодающих районов Поволжья. В этих условиях сибирские власти были вынуждены в срочном порядке заниматься устройством ранее и вновь прибывших переселенцев. На Алтае даже пришлось принять за основу сокращенную норму наделения землей в 4–5 дес. на душу вместо прежних 15 дес., а в Томской губернии – 4,5 дес.

на переселенца и 7,5 дес. на старожила. Вновь прибывавших размещали преимущественно в старожильческих населенных пунктах, уплотняя местное население без учета обеспеченности угодьями и усиливая недовольство сибирского крестьянства. Только в 1920 г. в Алтайскую губернию водворили 29,7 тыс. едоков, зачислили к заселению еще 64 тыс. В Омской губернии зачислено и водворено около 60 тыс. чел., в Томской – 40 тыс. чел., в Енисейской – 5 тыс. чел., в Семипалатинской – 3 тыс. чел.⁹⁸

В 1922–1924 гг. из 11 149 тыс. дес. устроенных земель 4379 тыс. приходилось на земельную регистрацию, 6371 тыс. – на работы на «землях трудового пользования», 275 тыс. – на устройство государственного земельного фонда, 124,1 тыс. дес. – на отвод земель городам, учреждениям и предприятиям. В рамках устройства крестьянских наделных земель (без учета их регистрации) удельный вес работ по «разбивке селений на поселки и выделы выселков» составлял 32,9%, внутриселенному устройству – 35,2, межселенному землеустройству – 7,3, разверстанию на хутора и отруба – 2,5, отводу земель колхозам – 2,1%⁹⁹.

Основным видом устройства сельхозугодий в указанные годы являлось внутриселенное, заключающееся в «переделах на срок» и «разбивке на поля и широкие полосы». Существенную роль играли отводы земель выселкам и частям селения. При этом в степных районах Омской и Алтайской губерний, где преобладали крупные селения, их доля достигала 70%. Улучшению агрикультуры способствовала разбивка общинных наделов на поля севооборота. При небольшой доле в общем объеме землеустроительных работ (4,4% в 1921–1925 гг.) в Славгородском и Каменском уездах они составляли около половины¹⁰⁰.

Незначительные размеры площадей, выделенных под хутора и отруба, связаны как с неизжитым негативным отношением к ним со стороны партийных и советских функционеров, так и с общинными традициями самих селян. Следует иметь в виду, что в рамках внутриселенного землеустройства часто осуществлялся отвод временных отрубов. Если под хутора и постоянные отруба в 1922–1924 гг. в регионе было выделено 157 тыс. дес., то под отруба на срок с выделением единого пахотного участка – 1082 тыс. дес. При этом срок, на который временный отруб передавался дворохозяйству, колебался от 12 до 24 лет¹⁰¹.

Реальные потребности населения существенно превышали объемы проводимого землеустройства. Основным сдерживающими фактором являлась введенная в годы нэпа его платность. Сельскохозяйственный кризис начала 1920-х гг. привел к падению платежеспособности сибирских крестьян. Ограниченными в кадровом отношении были местные земельные органы. Чтобы стимулировать расширение землеустроитель-

ных работ, власти пошли на введение целевого кредитования землеустройства. В соответствии с утвержденным Сибревкомом Положением о местном землеустроительном капитале он формировался за счет средств Сельхозкредита (40%), Сибземуправления (30%) и губисполкомов (30%)¹⁰². Для того чтобы снять кадровый дефицит, Президиум Сибревкома в 1923 г. разрешил использовать труд частных землемеров, работавших по найму общин¹⁰³.

В первой половине 1920-х гг. в распределении крестьянских земель по формам землепользования произошли некоторые изменения. Сократилась доля коллективного (с 1% в 1921/22 г. до 0,6% в 1924 г.) и отрубного (с 5,8 до 4,8%) землепользования и соответственно вырос удельный вес общинного надела (с 92,7 до 94,2%)¹⁰⁴. В условиях глубокого кризиса сельского хозяйства начала 1920-х гг. многие хозяева постоянных отрубов предпочли перейти под юрисдикцию общины. Соотношение форм крестьянского землепользования в губерниях Сибири в 1924 г. приведены в табл. 1.2. Наиболее высокий удельный вес отрубов был зафиксирован в Омской и Томской губерниях (13,0 и 8,9%), хуторов – в Томской и Енисейской губерниях (1,0 и 0,7%).

Таблица 1.2

Соотношение форм крестьянского землепользования
в губерниях Сибири в 1924 г., %

Губерния	Хутор- ская	Отрубная	Коллек- тивная	Общин- ная	Смешан- ная
Омская	0,15	13,0	0,56	86,2	–
Новониколаевская	0,1	0,1	1,2	98,6	–
Томская	1,0	8,9	1,1	89,0	–
Алтайская	0,3	0,5	1,2	98,0	–
Енисейская	0,7	1,2	0,2	94,8	3,1
Иркутская	–	–	0,04	99,96	–
Сибирь	0,4	4,8	0,6	93,6	0,6

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 74.

Параллельно с решением проблемы создания устойчивого землепользования советская власть в регионе решала задачу регулирования лесопользования. Проведение целостной политики в данном вопросе осложнялось межведомственными противоречиями. Охрана лесов возлагалась на лесные подотделы земельных отделов. Обеспокоенные многолетней хищнической вырубкой леса в 1917–1920 гг., они не только пытались бороться с несанкционированной эксплуатацией лесных богатств, но и стремились восполнить потери, минимизируя текущее ле-

сопользование. Бедой лесного ведомства стало сокращение штатов из-за отсутствия средств на содержание служащих. Оно достигло пика в 1922 г., что не позволяло бороться с незаконными порубками, которые, по данным земорганов, достигли «колоссальных» масштабов. Ситуацию осложняло и проведенное советской властью разоружение лесной охраны. В результате, как сообщает источник, *«в некоторых из ленточных боров образовались перерывы в 1–2 версты, на которых развиваются обширные пески»*¹⁰⁵.

Но основным препятствием на пути к установлению системы эффективного лесопользования являлись лесные комитеты совнархозов, которые отвечали за снабжение лесом советских учреждений, организаций и предприятий. В их обязанность входила организация поставок топлива, лесных и строительных материалов. В условиях топливного кризиса они стремились увеличить поставки леса, сокращая накладные расходы путем организации заготовок в ближайших от потребителя лесах, не считаясь с вопросами лесоохраны. При этом лескомы, решая задачу снабжения топливом городов и транспорта, игнорировали нужды местного сельского населения, что, в свою очередь, способствовало увеличению самовольных крестьянских порубок¹⁰⁶.

Переход к нэпу и преодоление топливного кризиса способствовали налаживанию планомерной лесоохраны. Лескомы лишились монопольного права на лесозаготовки и были переведены на хозрасчет. Многие предприятия и учреждения были сняты с обязательного гособеспечения лесоматериалами и древесным топливом. Утвержденный на 1921/22 хозяйственный год план разработки леса затем существенно сократили (в Алтайской губернии, например, трехкратно¹⁰⁷). В сентябре 1922 г. хозяйственное использование леса изъяли из ведения местных совнархозов, подчинив целиком земельным органам. Созданные лесосечные комиссии провели работу по закреплению части лесного фонда для удовлетворения нужд местного населения. Введенный в 1923 г. лесной кодекс¹⁰⁸ предусмотрел передачу «трудовым землепользователям» лесных участков «местного значения». Лесную стражу вновь вооружили, ее материальное положение стало улучшаться, все это способствовало налаживанию охраны лесов. По данным Сибземотдела, в 1922/23 г. в регионе было зарегистрировано 29 176 самовольных порубок объемом 45 тыс. куб. саж. срубленного леса, в 1923/24 г. число зафиксированных порубок увеличилось до 48 362, а их объем возрос незначительно – до 49 тыс. куб. саж. Это свидетельствовало, что *«надзор стал деятельнее, а порубки мельче»*. В 1924/25 г. порубок зарегистрировали почти столько же, что и в прошлом – 48 746. При этом масса срубленного леса уменьшилась до 41 тыс. куб. саж.¹⁰⁹

Таким образом, земельный вопрос на протяжении всего исследуемого периода находился в фокусе взаимодействия крестьянского социума и власти. Разрешение накопившихся в данной сфере противоречий являлось одной из центральных задач сменявших друг друга политических режимов. Однако определяющую роль в земельных преобразованиях сыграл крестьянский социум, добившийся реализации своих целевых установок. Результаты осуществленной крестьянством общинной революции в конечном итоге были вынуждены признать и победившие в Гражданской войне большевики.

---

¹ См.: Carol S. Leonard. *Agrarian Reform in Russia: The Road from Serfdom*. Cambridge University Press, 2011. P. 125–188.

² Включены земли, отведенные крестьянам, переселенческие участки, частновладельческие земли и лесные казенные дачи (Атлас Азиатской России. СПб., 1914. С. 28–34, 37–39).

³ Тюкавкин В.Г. *Сибирская деревня накануне Октября*. Иркутск, 1966. С. 25.

⁴ *Экономическая география Сибири*. Новосибирск, 1928. С. 196.

⁵ *Земельный вопрос в Сибири*. М., 1919. С. 29.

⁶ *Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 591–592.

⁷ Там же. С. 593.

⁸ *Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории*. Новосибирск, 2008. С. 23.

⁹ *Историческая энциклопедия Сибири*. Т. I. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Там же. Т. III. С. 457.

¹² Там же. Т. III. С. 190–191.

¹³ Там же. Т. I. С. 34.

¹⁴ Там же. Т. II. С. 197.

¹⁵ Там же. Т. III. С. 367; Т. II. С. 194–195.

¹⁶ Черняк Э.И., Якимова Т.В. *Материалы крестьянских съездов 1917–1918 гг. в Сибири (источниковедческие аспекты) // Из истории революций в России (первая треть XX в)*. Томск, 1996. Вып. 1. С. 196–205; Черняк Э.И. *Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года)*. Томск, 2001. С. 149–186; Зыкова В.Г., Якимова Т.В. *Общественно-политическая жизнь сибирского крестьянства в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни Сибири*. Томск, 1992. С. 25–31; Якимова Т.В. *Крестьянские съезды Западной Сибири в период установления советской власти (ноябрь 1917 – май 1918 гг.) // Октябрь и Гражданская война в Сибири: история, историография, источниковедение*. Томск, 1993. С. 36–72.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 6. Д. 21. Л. 21а.

¹⁸ Зыкова В.Г. *Крестьянские исполнительные комитеты в период Октябрьской революции // Вопросы истории социального и экономического развития Советской Сибири*. Томск, 1986. С. 4.

- ¹⁹ Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 г. М., 1975. С. 130–144, 185–233.
- ²⁰ Аграрные преобразования и сельское хозяйство... С. 42.
- ²¹ ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- ²² Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1975. С. 91; Жидков Г.П. Крестьянство Алтая от Февраля к Октябрю (К истории краха кабинетского землевладения) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. II. С. 107.
- ²³ ГАТО. Ф. Р-240. Оп. 1. Д. 203. Л. 3–3 об.; Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 11. Л. 7–7 об.
- ²⁴ Collins D.N. Cabinet, Forest and Revolution in Siberian Altay to May 1918 // *Revolutionary Russia*. Vol. 4. 1991. № 1. P. 1–27.
- ²⁵ ИсАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 29. Л. 36; ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 11. Л. 25 об.; Рощевский П.И. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959. С. 42.
- ²⁶ ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 25. Л. 39.
- ²⁷ Там же. Д. 11. Л. 22; ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 5. Л. 122–123, 149–156, 167.
- ²⁸ Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Приложение. С. 152.
- ²⁹ Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1992. С. 97.
- ³⁰ ИсАОО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–6; Рынков В.М. Революционный путь лесопользования: сводка донесений лесничих Алтайского округа летом 1917 г. (публикация документа) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 2. С. 19–23; Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 247–248; Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 г.). Бийск, 2004. С. 68, 85–87.
- ³¹ Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1: От реформы к революции. С. 438–439; Баталов А.Н., Ким В.В., Чижов Н.Г. К вопросу об использовании большевиками Западной Сибири солдат для работы среди крестьян Алтая в период подготовки и проведения Великого Октября // *Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм*. Барнаул, 1969. С. 52–54.
- ³² Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 17–20.
- ³³ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. М., 1996. С. 193–213; История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. С. 37.
- ³⁴ Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство... С. 195.
- ³⁵ Горюшкин Л.М. Деятельность Советов Сибири по организации сельскохозяйственного производства в первой половине 1918 г. // *Проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны в СССР*. Томск, 1975. С. 374.
- ³⁶ ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–12.
- ³⁸ Горюшкин Л.М. Роль декрета о земле в установлении советской власти в сибирской деревне // *Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук*. 1967. № 11. Вып. 3. С. 100.

-
- ³⁹ Аграрные преобразования и сельское хозяйство... С. 52.
- ⁴⁰ Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство... С. 200–201.
- ⁴¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 745. Л. 63.
- ⁴² Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство... С. 205–206.
- ⁴³ Тяпкин М.О., Поляков С.Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири в XVII – начале XX в. Барнаул, 2003. С. 183.
- ⁴⁴ Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России (1917–1921 гг.). Вологда, 2002. С. 40.
- ⁴⁵ Шулдяков В.А. К вопросу о взаимоотношениях сибирских казаков и казахов в период Гражданской войны: военно-политический аспект // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. III междунар. науч. конф. Омск, 2003. С. 129–130; Он же. Енисейское казачество в революции и Гражданской войне: некоторые вопросы изучения // История белой Сибири: материалы VI междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 113–114; Сушко А.В. Конфликты между крестьянами и «иногородцами» в годы революции и Гражданской войны на территории Сибири // Социальные конфликты в истории России: материалы II Всерос. науч. конф. Омск, 2006. С. 296–303; Он же. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009. С. 51, 58–60; Рынков В.М. Аграрный вопрос и межнациональные отношения в Забайкалье в 1918–1919 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 37–41.
- ⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 11. Л. 88 об.
- ⁴⁷ Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 2: Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции. С. 100–101.
- ⁴⁸ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 240.
- ⁴⁹ Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 г.). Бийск, 2004. С. 83.
- ⁵⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 4. Д. 63. Л. 36–37, 53–53 об., 70.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 745. Л. 64–65; Д. 746. Л. 6; Рынков В.М. Гражданская война в Семиречье в зеркале антибольшевистских документов // Степной край Евразии. С. 127.
- ⁵² Экономическая география Сибири. С. 199; Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Стлб. 109.
- ⁵³ Горюшкин Л.М. Претворение в жизнь Декрета о земле в Западной Сибири в конце 1917 – первой половине 1918 г. // Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. Новосибирск, 1965. С. 25.
- ⁵⁴ Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 13.
- ⁵⁵ Омское уездное земское собрание. Чрезвычайная сессия. 3–5 июля 1918 года. Омск, 1918. С. 64–65; Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство... С. 198–199.
- ⁵⁶ Правительственный вестник. 1918. 16 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 2. Ст. 22.

- ⁵⁷ Правительственный вестник. 1918. 17, 18 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 4. Ст. 42.
- ⁵⁸ ГАИО. Ф. 171. Оп. 4. Д. 81. Л. 48–48 об.; ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. Д. 138. Л. 8.
- ⁵⁹ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири... С. 59.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. Д. 138. Л. 14.
- ⁶¹ Там же. Д. 135. Л. 279–279 об.
- ⁶² Барабинская степь (Каинск). 1918. 25 сент.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 222. Л. 4–5; Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 7 сент.
- ⁶⁴ Рощевский П.И. Борьба крестьян Тобольской губернии против контрреволюции летом–осенью 1918 г. // Уч. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. Т. V. Кафедра истории. Вып. 2. Тюмень, 1958. С. 48–53.
- ⁶⁵ ГААК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 312. Л. 3–64.
- ⁶⁶ Правительственный вестник. 1919. 13 апр.
- ⁶⁷ Там же. 17 июня.
- ⁶⁸ См.: Рынков В.М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 – 1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г. Новосибирск, 2001. С. 99–137.
- ⁶⁹ ГАТ. Ф. И-722. Оп. 2. Д. 13. Л. 3 об.
- ⁷⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 4. Д. 91. Л. 40–90, 143–145.
- ⁷¹ Там же. Л. 195.
- ⁷² Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.): сб. документов. Томск, 1957. С. 370.
- ⁷³ Известия Министерства земледелия. 1919. № 1. С. 18–19; № 9–10. С. 13–18; Правительственный вестник. 1919. 7 мая, 26 июня; СУР [Р]П. 1919. № 12. Ст. 1884. № 16. Ст. 258, 260.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 34. Л. 167–167 об.; Труд (Минусинск). 1918. 6 нояб.; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 2 февр.
- ⁷⁵ Правительственный вестник. 1919. 1 мая; 27 июня; 2 окт.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства. 1919. № 16. Ст. 259; Известия Министерства земледелия. 1919. № 9–10. С. 38.
- ⁷⁶ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 64.
- ⁷⁷ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С. 145.
- ⁷⁸ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 46.
- ⁷⁹ Сибирский революционный комитет (Сибревком): август 1919 – декабрь 1925 гг.: сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 275–279.
- ⁸⁰ СУ РСФСР. 1918. № 42. Ст. 522.
- ⁸¹ Советская Сибирь. 1920. 21 февр.
- ⁸² Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 45.

---

⁸³ Советская Сибирь. 1920. 8 сент.

⁸⁴ Касьян А.К. Борьба трудящихся Омской губернии за ликвидацию последствий колчаковщины в сельском хозяйстве // Уч. зап. Омского пед. ин-та. Омск, 1963. Вып. 20: Из истории Западной Сибири и Омской области. С. 8; Он же. Социально-экономическое развитие Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 – 1928 гг.). Омск, 1976. С. 19; Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 гг.). Омск, 2010. С. 219–222.

⁸⁵ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 гг.). Новосибирск, 1985. С. 119.

⁸⁶ Боженко Л.И. Землепользование и землеустройство крестьянских хозяйств Сибири (1920–1927 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 29.

⁸⁷ Заповодникова А. Крестьянский вопрос в Сибири (1918–1920 гг.) // Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока (Омск). 1967. № 8. С. 160; Боженко Л.И. Землепользование и землеустройство... С. 28; и др. При этом исследователи ссылаются обычно на «Краткий отчет Сибревкома I Сибирскому краевому съезду советов» (Новониколаевск, 1925. С. 18–19).

⁸⁸ Исхаков М.К. Земельные отношения и землеустройство в первые годы советской власти в Западной Сибири (1920–1921 гг.) // Труды Омск. сельхоз. ин-та. Омск, 1958. Т. 29, вып. 1. С. 7.

⁸⁹ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 129–132.

⁹⁰ Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 48–49.

⁹¹ СУ РСФСР. 1923. № 26. Ст. 304.

⁹² Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 63.

⁹³ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1615. Л. 10.

⁹⁴ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. С. 144.

⁹⁵ Максимов В. К начинающейся землеустроительной кампании // Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 17.

⁹⁶ Отчет о деятельности Сибирского революционного комитета (Сибирского областного экономического совета) Совету труда и обороны с 1 июля по 1 октября 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 39.

⁹⁷ Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь–июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 51.

⁹⁸ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 60–61; Д. 221. Л. 8–9; Д. 867. Л. 5, 48 об.; Д. 959. Л. 8; Д. 1004. Л. 1. Ф. Р-1229. Оп. 1. Д. 142. Л. 40.

⁹⁹ Максимов В. К начинающейся землеустроительной кампании. С. 15, 17.

¹⁰⁰ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. С. 148; Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. М., 1978. С. 40–41.

¹⁰¹ Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 77, 78.

¹⁰² ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1615. Л. 9.

---

¹⁰³ Дубовский Г.Я. Организация работы и финансовое положение земельных органов Сибири в 1922–1925 гг. // Омский научный вестник. 2003. № 4. С. 36. В мае 1925 г. работу частных землемеров запретили, опасаясь, что они не будут проводить необходимую советским земорганам классовую линию.

¹⁰⁴ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. С. 145.

¹⁰⁵ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–2.

¹⁰⁶ Там же. Л. 2–3; Соколов В.Н. Сибирь: к производственному плану сельского хозяйства. Омск, 1921. С. 32.

¹⁰⁷ Отчет Алтайского губернского совета народного хозяйства за 1921–1922 гг. Барнаул, 1923. С. 79.

¹⁰⁸ СУ РСФСР. 1923. № 58. Ст. 564.

¹⁰⁹ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 579. Л. 3 об.; Лесное хозяйство Сибирского края. Перспективный план. Новосибирск, 1926. С. 51.

Глава 2

ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

С начала российской аграрной колонизации основной сферой приложения труда сибирских крестьян являлось земледельческое хозяйство¹, специализирующееся на выращивании зерновых культур (хлебов), которые составляли основу питания как сельского, так и городского населения Сибири и России в целом. Помимо имевших продовольственное значение пшеницы, озимой и яровой ржи в набор основных сельскохозяйственных растений входил овес, используемый преимущественно как фураж для рабочего скота. Существенно меньшее место на сибирской пашне занимали ячмень, гречиха, просо, горох, а также другие продовольственные и технические культуры (картофель, овощи, конопля, лен).

В конце XIX в. изменялось соотношение сельскохозяйственных культур. В Западной Сибири увеличивался удельный вес яровых, в первую очередь пшеницы и овса, вытеснявших рожь, которая имела преимущественно потребительское назначение. В 1895 г. доля пшеницы в Тобольской и Томской губерниях составляла соответственно 30 и 41%, овса – 29 и 25, ржи – 30 и 25%. В Восточной Сибири по-прежнему преобладала рожь: в Енисейской губернии – 40,5%, в Иркутской – 57, в Забайкальской в 1897 г. – 55%. В целом зерновые и зернобобовые занимали в перечисленных губерниях 95% пашни и более².

Во второй половине XIX – начале XX в. в степных и лесостепных районах Сибири преобладали залежная и паро-залежная системы земледелия. При залежной (переложной) системе истощившая свои ресурсы пашня оставлялась на длительный срок без обработки (в залежь) и вновь вовлекалась в оборот после естественного восстановления плодородия. В паро-залежной системе для этого использовали не только залежь, но и чередование посева с паром. В малоосвоенных степных районах Сибири во второй половине XIX в. использовалась переложная система без применения пара. На вновь заселяемых лесных землях применялись методы, характерные для подсечно-огневой системы. Относительное малоземелье в районах старого заселения Тобольской губернии вынуждало крестьян переходить к трехполью. В освоенных лесных районах Восточной Сибири применяли двух-, трехпольные севообороты с унавоженным паром³.

Зерновое производство в суровом сибирском климате связано с известным риском. Капризы погоды имеют свои закономерности. При-

мерно раз в десять лет климатические условия были особенно благоприятны для земледелия. С такой же частотой, обычно вскоре после высоких урожаев, повторялись катастрофические недороды, длившиеся иногда два года подряд. В степных и лесостепных районах Сибири основной причиной периодических неурожаев являлись сильные засухи. В засушливые годы на поля нападала кобылка (сибирский вид саранчи), уничтожавшая остатки урожая. Большой урон полеводству наносили поздние весенние (июнь) и ранние осенние (сентябрь) заморозки, градобитие, наводнения. Катастрофический недород мог привести к нехватке продовольственных, фуражных и семенных запасов и поставить крестьянское хозяйство на грань выживания. Для того чтобы этого не допустить, крестьяне в благоприятные годы создавали страховые запасы зерна. Роль страховки играло и увеличение запашки. В неурожайный год сбор с дополнительно введенной в сельхозоборот пашни мог частично компенсировать потери. В годы, следовавшие за недородами, земледельцы, испытывавшие дефицит семян, сокращали товарную часть посевов. Вследствие этого объемы поставлявшегося на рынок хлеба оказывались крайне неравномерными и метеозависимыми.

В начале XX в. в сельском хозяйстве Сибири произошли существенные сдвиги. Сооружение Транссибирской магистрали позволило увеличить масштабы аграрного переселения в регион. За счет труда новоселов и старожилов посевные площади в крае (без учета Забайкалья) увеличились с 1978 тыс. дес. в 1897 г. до 4193 тыс. в 1907 г. и 7603 тыс. дес. в 1914 г. В целом за указанные годы посев вырос в 3,8 раза. Более 2/5 общего прироста (2505 тыс. дес.) приходилось на Томскую губернию, принявшую половину переселенцев. Здесь посевные площади увеличились в 2,8 раза, в Акмолинской области – в 7,2, в Енисейской губернии – в 1,9, в Тобольской – в 1,4, в Иркутской – в 1,1 раза. Доля зерновых культур в 1914 г. составляла 95,1%. В структуре производства зерновых преобладала пшеница, удельный вес которой в общей площади посева увеличился с 36,6 (1901–1905 гг.) до 45,4% (1911–1915 гг.). Доля ржи, напротив, снизилась – с 26,1 до 15,8% соответственно. Среднегодовые валовые сборы зерновых в 1911–1915 гг. выросли по сравнению с первым пятилетием XX в. в 1,6 раз (со 148 млн до 237 млн пуд.)⁴. Ведущее место в зерновом хозяйстве занимала Томская губерния, на долю которой в 1913 г. приходилось 45,6% засеянной пашни. Удельный вес Тобольской губернии составлял 19,7%, Акмолинской и Семипалатинской областей – 12,5 и 4,5%, Восточной Сибири – 17,6% (в том числе Енисейской губернии – 7,9%, Иркутской – 5,1, Забайкальской области – 4,6%) (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Посевные площади в Сибири в 1913–1917 гг., тыс. дес.

Губерния / область	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Тобольская	1532,7	1631,5	1669,9	1702,1	1716,5
Томская	3544,1	3861,0	3629,8	3307,6	3861,2
Енисейская	614,5	590,9	609,7	625,9	697,9
Иркутская	392,5	372,7	324,9	425,0	398,1
Забайкальская	357,9	351,3	333,8	428,0	457,7
Акмолинская	973,0	1146,9	1178,0	1324,1	1528,3
Семипалатинская	353,1	–	–	439,0	482,0

Источники: данные по Семипалатинской области: Сельское хозяйство России в XX веке: стат. сб. / под ред. Н.П. Огановского. М., 1923. С. 91; Акмолинской области: Тюкавкин В.Г. Сибирь накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 303; остальные данные: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 252.

Данные о состоянии полеводства в 1913 г. на территории Сибирского края приведены в табл. 3 и 7 Приложения. Площадь полевого посева в этом году составила 5950,3 тыс. дес. В структуре посева абсолютно преобладали зерновые – 96,6% общей площади. Главной культурой в регионе оставалась пшеница, на долю которой приходилось 49,0% посевных площадей. Второй по значению и месту в валовом производстве культурой являлся овес – 27,2%. Третье место со значительным отрывом от второй позиции занимала рожь – 13,5%. Остальные зерновые культуры в структуре посева были представлены минимально. Удельный вес ячменя составлял 4,4%, крупяных (проса и гречихи) – 1,5%.

Урожайность хлебной нивы в начале XX в. в регионе оставалась неустойчивой. Самые высокие урожаи яровой ржи, пшеницы и овса в Юго-Западной Сибири пришлось на 1903 г. (56, 67 и 75 пуд./дес.), 1906 г. (55, 60 и 70 пуд.), самые низкие – на 1900 г. (12, 17 и 25 пуд.), 1901 г. (1819 и 17 пуд.) и 1911 г. (24, 36 и 37 пуд./дес.)⁵. Следствием катастрофических недородов стали голодовки, охватившие обширные районы Сибири в 1900–1901 гг. и 1911–1912 гг. В 1911–1912 положение усугублялось тем, что крестьяне-переселенцы страховых запасов продовольствия не имели⁶.

Касаясь в обобщающих работах вопроса динамики посевных площадей в регионе в годы Первой мировой войны, историки, как правило, обращаются к статистическим сведениям, представленным В.Г. Тюкавкиным⁷ или Л.М. Горюшкиным⁸. Поскольку в их материалах есть некоторые отличия⁹, при составлении табл. 2.1 мы использовали в основном

работу Л.М. Горюшкина (данные по Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниям и Забайкальской области), опубликованную позднее. Отсутствующие в ней данные по Акмолинской области были взяты из монографии В.Г. Тюкавкина, а по Семипалатинской области – из сборника статистических сведений под редакцией Н.П. Огановского. Реконструируя изменения посевных площадей, упомянутые выше ученые опирались на опубликованные в статистических изданиях сведения, которые, в свою очередь, основывались на данных Центрального статистического комитета (ЦСК) для 1913–1915 гг. и материалах сельскохозяйственных переписей для 1916 и 1917 гг.

Согласно табл. 2.1 площадь посева в Сибири (без Семипалатинской области) сократилась в 1915 г. на 2,6%, а в 1916 г. и 1917 г. увеличилась на 0,9 и 10,8% соответственно. При этом в Тобольской, Енисейской губерниях и Акмолинской области посевы наращивались ежегодно, в Забайкальской области – сократились в 1915 г., а затем стали расти, в Иркутской губернии – уменьшились в 1915 г., увеличились в 1916 г. и вновь уменьшились в 1917 г., в Томской губернии – сокращались два года подряд и лишь в 1917 г. увеличились. В 1917 г. пашни в Сибири (без Семипалатинской области) засеяли на 8,9% больше, чем в 1914 г. В Томской губернии посевные площади по сравнению с довоенным максимумом¹⁰ практически не изменились, а в остальных губерниях и областях выросли.

Введенные в научный оборот В.Г. Тюкавкиным и Л.М. Горюшкиным сведения позволили им сделать вывод об увеличении посевных площадей в годы Первой мировой войны. Тезис о стимулировании войной зернового хозяйства Сибири разделяют и большинство современных исследователей¹¹.

Общепринятые выводы поставил под сомнение детально изучавший данную проблему И.В. Островский. По его мнению, сведения о площади посевов, зафиксированные сельхозпереписями, превышают данные ЦСК (по Томской губернии на 15%), но показывают не реальный прирост посевов, а лишь более точную их фиксацию. Исследователь полагал, что посевные площади в Западной Сибири на протяжении 1914–1916 гг. непрерывно сокращались. Особенно большим был недосев в 1916 г. И лишь в 1917 г. посевы действительно выросли¹². Данный вывод подтверждается материалами текущей сельскохозяйственной статистики, опирающейся на опросы сельских корреспондентов, которая фиксировала более значительное сокращение посевных площадей. Так, эксперты зафиксировали почти 30%-ное уменьшение посевной площади в Томской губернии в 1915–1916 гг.¹³ Современники били тревогу по поводу острейшего кризиса зернового хозяйства, указывали на его многочисленные проявления и призывали принять экстренные меры.

Если в приведенные в табл. 2.1 данные для 1914–1915 гг. внести указанный И.В. Островским 15%-ный повышающий поправочный коэффициент, то мы получим принципиально иную динамику посевных площадей, размеры которых в регионе в целом в 1917 г. будут меньше, чем в 1914 г.

Комментируя точку зрения И.В. Островского, следует отметить, что ведущие специалисты статистических органов в середине 1920-х гг. пришли к выводу, что первичные материалы сельскохозяйственных переписей также не вполне точно отражают реальные размеры посевных площадей, поскольку их респонденты – крестьяне – приуменьшали размеры засеянной им пашни. В связи с этим в опубликованные в статистических сборниках данные о посевах стали вноситься поправки на их недоучет (см. Введение). Для переписей 1916 и 1917 гг. эксперты Сибкрайстатуправления приняли 10%-ный повышающий поправочный коэффициент. На такую же величину они повысили и имеющиеся в их распоряжении сведения о посевах за 1913 г.¹⁴ В результате в территориальных рамках Сибирского края для 1913, 1916 и 1917 гг. была получена следующая динамика полевого посева (тыс. дес.)¹⁵:

1913 г.	5950,3
1916 г.	5814,3
1917 г.	6470,8

Согласно вышеприведенным данным посевные площади в 1916 г. уступали показателям 1913 г. на 2,3%, а в 1917 г. превосходили их на 8,7%. Если же при этом учесть, что посев 1914 г. в границах губерний и областей, большая часть территорий которых впоследствии вошла в Сибирский край, был больше, чем в 1913 г., на 8,1% (см. табл. 2.1), то мы получим 10%-ное снижение посевных площадей в 1916 г. по сравнению с 1914 г. и незначительное (менее 1%) превышение уровня этого года в 1917 г.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о существенном снижении площади посева в границах Сибирского края в 1915 и 1916 гг. и ее увеличении в 1917 г. При этом показатели 1917 г. если и превосходили довоенный уровень, то минимально. Подобные результаты в указанных территориальных рамках определяли показатели по Томской губернии, зерновое хозяйство в которой имело в целом отрицательную динамику¹⁶. В то же время ситуация в остальных районах Сибири была, по нашему мнению, лучше, чем в Томской губернии. Посевы в них за годы войны выросли.

Разница в динамике посевных площадей привела к изменению удельного веса регионов Сибири: в Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях в 1917 г. по сравнению с 1913 г. он сократился до

42,2, 18,8, 7,6 и 4,3% соответственно, а в Акмолинской, Семипалатинской и Забайкальской областях увеличился до 16,7, 5,3 и 5,0% (см. табл. 2.1). Доля Алтайской и Томской губерний после раздела последней в 1917 г. составляла 29,5 и 12,8%¹⁷.

На уровень производства зерновых в Сибири во время Первой мировой войны одновременно влияли как сдерживающие, так и стимулирующие его развитие факторы общерегионального и локального характера. На годы войны пришлась адаптация большинства столыпинских переселенцев к климатическим условиям Сибири. Своё хозяйство завели крестьяне, прибывшие в регион накануне войны. Посевы увеличивали зажиточные жители деревни, которые держали в своих руках значительную часть рабочего скота, сельхозмашин и активно использовали наемную рабочую силу солдаток, не приписанных переселенцев, беженцев, военнопленных. Стимулом к расширению производства зерновых стало нарастание спроса. В хлебе и зернофураже в огромных и все более возрастающих объемах нуждалась армия. В связи с изменением структуры питания постоянно увеличивалась потребность горожан в хлебопродуктах.

Потребности в хлебопродуктах промышленного населения Восточной Сибири в довоенный период в значительной степени обеспечивались за счет относительно дешевого западносибирского зерна, вывоз которого за Урал сдерживался так называемым Челябинским тарифным переломом. В годы войны хлебные потоки из Западной Сибири были перенаправлены в европейскую часть России. Восточные районы Сибири в связи с этим были вынуждены перейти на самообеспечение, расширяя запашку. На ситуацию в Тобольской губернии влияла близость промышленного Урала, а также потребности собственных северных территорий. Крестьянские хозяйства Акмолинской области (в своем большинстве переселенческие) были более крупными и обладали потенциалом дальнейшего роста.

К причинам, сдерживающим развитие зернового хозяйства, относилась, прежде всего, нехватка рабочей силы, вызванная призывом в армию большей части мужчин наиболее работоспособных возрастов. Во время войны происходило нарастающее сокращение обеспеченности крестьянских хозяйств сельхозмашинами (см. гл. 6). К сокращению посевных площадей в 1916 г. привел дефицит семян, вызванный неурожаем предыдущего года. В 1915 г. крестьяне Западной Сибири собрали 30,5 пуд. зерновых с десятины¹⁸. В Юго-Западной Сибири урожайность озимой и яровой ржи, пшеницы и овса составляла 37, 28, 33 и 37 пуд./дес., уступая средним многолетним значениям 6, 10, 11 и 6 пуд./дес. соответственно. Низким был урожай и в Восточной Сибири. Сбор перечисленных культур с десятины составлял 23, 16, 23, 25 пуд. и

27, 26, 29 и 26 пуд. В Змеиногорском и Минусинском уездах недород имел катастрофический характер¹⁹. В 1916 г. поздние заморозки и летняя засуха привели к пониженному сбору хлебов также в Томской и Тобольской губерниях.

Базовыми факторами, которые вызвали сокращение посевных площадей в регионе в целом, стали для 1915 г. хозяйственно-психологический шок от массовой мобилизации, для 1916 г. – предшествующий недород. Увеличению размеров обрабатываемой пашни в 1917 г. способствовали растущий спрос на хлеб, адаптация большинства крестьянских хозяйств к военным условиям, начавшиеся земельные захваты.

Детальные сведения о структуре, удельном весе и особенностях размещения посевных площадей в сельскохозяйственных зонах Сибири²⁰ в 1916 г. приводятся в таблицах, помещенных в приложение к настоящей работе (см. Приложение, табл. 3, 5, 6, 7, 8).

Основной земледельческой зоной Сибири была центральная. На ее долю приходилось 38,3% посевных площадей, 44,6% посевов пшеницы, 40,0% овса, 13,9% ржи. Зона занимала ведущее место в производстве ячменя: 46,7% посевных площадей, отведенных под данную культуру. В структуре посевов преобладала пшеница – 59,6%. Более четверти площадей – 26,4% – занимал овес. Рожь размещалась на 4,5% (озимая – на 2,8%), ячмень – на 5% запашки. Доля крупяных составляла 0,8%.

Существенную роль в производстве продукции растениеводства играла юго-западная зона (степной и предгорный Алтай): 35,5% всех посевов, 43,4% посевов пшеницы, 35,8% овса, 21,9% ячменя и всего лишь 2,5% ржи. В структуре посевов преобладала пшеница – 62,5%. Более четверти площадей – 25,7% – занимал овес. Рожью (на 9/10 – яровой) было занято всего 0,9% пашни. Удельный вес ячменя составлял 2,5%, крупяных – 3,1%.

Третьей по значимости земледельческой зоной являлась среднесибирская. На ее территории размещалась большая часть посевов ржи – 47,6%. Удельный вес зоны в посевной площади овса достигал 13,2%, ячменя – 11,2, пшеницы – 7,5, в общей площади посевов – 14,8%. В структуре посевов ведущее место занимали рожь – 40,2% (озимая – 31,6, яровая – 8,6%), пшеница – 26,1 и овес – 22,7%. Доля ячменя составляла 3,1%, крупяных – 1,8%.

Заметную роль в производстве ржи занимала восточная зона (Иркутская губерния) – 25,0%. Ее удельный вес в посевах ячменя составлял 9,5%. В производстве остальных культур зона была представлена незначительно. Доля в общей посевной площади не превышала 5,6%. В структуре посевов преобладала рожь – 35,9% (озимая – 22,4, яровая – 13,5%), овес занимал 14,8%, пшеница – 14,5, ячмень – 7,0, крупяные – 2,0% посевов.

Удельный вес северо-западной зоны в общей посевной площади составлял 5,4%, посевах ржи – 10,9, ячменя – 8,9, овса – 7,4, пшеницы – 2,6%. В структуре посевов преобладали овес – 34,8%, рожь – 25,1 (озимая – 21,0, яровая – 4,1) и пшеница – 24,8%. Ячмень занимал 6,8%, крупяные – 0,2%.

Южная зона (Горный Алтай) имела животноводческую специализацию. Ее доля в общей посевной площади была немногим больше 0,4%.

Особый интерес представляют структурные особенности зернового хозяйства в регионах, впоследствии не вошедших или вошедших частично в состав Сибирского края. Эти данные позволяют реконструировать материалы сельхозпереписи 1917 г. В Тобольской губернии доля ржи в общем посеве составляла 8,6%, пшеницы – 47,8, овса – 37,0, ячменя – 3,2, крупяных – 0,3%. Самый высокий в Сибири удельный вес ржи (на 98% яровой) имела Забайкальская область – 47,7, пшеницы – Акмолинская область – 71,0%, крупяных – Семипалатинская область – 9,2%. Пшеница в Забайкалье размещалась на 17,4% площадей, овес – на 19,3%. Там же сеяли относительно много крупяных – 6,9%. Доля ржи в Степном крае не превышала 1,0%²¹.

По данным Л.М. Горюшкина, валовые сборы зерновых в Сибири (без Акмолинской области) в годы Первой мировой войны составляли (млн пуд.)²²:

1914 г.	387,8
1915 г.	204,2
1916 г.	260,3
1917 г.	416,5

По нашему мнению, указанный выше размер урожая 1914 г. является заниженным. Увеличение площади посева в 1917 г., даже по оптимистичной оценке (см. табл. 2.1), не могло компенсировать существенно более низкой урожайности хлебной нивы. В территориальных рамках Сибирского края урожайность озимой и яровой ржи, пшеницы и овса в 1914 г. составляла 58, 53, 57 и 62 пуд./дес., а в 1917 г. – 49, 46, 45 и 60 пуд./дес. соответственно (см. Приложение, табл. 9). Еще менее достоверной представляется информация о валовых сборах, введенная в научный оборот В.Г. Тюкавкиным. У него урожай хлебов с учетом Акмолинской области в 1914 г. (366,7 млн пуд.) меньше сбора не только 1917 г. (599,1 млн), но и 1916 г. (379 млн пуд.)²³. Данные Л.М. Горюшкина (см. выше) за 1916 и 1917 гг. соотносятся (с учетом разницы территориальных рамок) со сведениями, опубликованными ЦСУ СССР в 1924 г., в соответствии с которыми валовой сбор в регионе в 1916 г. составлял 240,4 млн пуд., в 1917 г. – 387,5 млн пуд. (см. Приложение, табл. 11).

Структура посевов в годы войны изменилась незначительно. В Западной Сибири в годы войны увеличился удельный вес пшеницы и уменьшился – ржи: в Томской губернии с 52,4 и 5,8% в 1913 г. до 55,4 и 4,5% в 1917 г. соответственно²⁴. В Восточной Сибири наращивание посевов происходило в основном за счет ржи. В итоге по региону в целом (в границах Сибирского края) доля пшеницы выросла за те же годы с 49,0 до 50,6%, а ржи – снизилась с 13,5 до 11,0% (см. Приложение, табл. 7).

Динамика сельского хозяйства в годы Гражданской войны относится к числу наименее исследованных проблем сибирской историографии. На советском этапе ее развития превалировал подход, основанный на сопоставлении материалов сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Период же 1918–1919 гг. для исследователей являлся своеобразной *tabula rasa*, которая в силу отсутствия статистических источников заполнялась общими рассуждениями о негативном влиянии аграрной политики контрреволюции на состояние производительных сил сибирской деревни. Столь надежных источников, как сельхозпереписи, для данного периода действительно нет. Однако более глубокая поисковая работа в архивах позволила выявить ряд документов, на основании критического анализа которых можно судить об общих тенденциях развития зернового производства в 1918–1919 гг.

Относительно представительный корпус источников обнаружен для 1918 г. Статистическое управление Акмолинской областной земской управы сообщило в Министерство земледелия Российского правительства, что крестьянские посевы в губернии возросли с 1081 тыс. дес. в 1917 г. до 1179 тыс. дес. в 1918 г., то есть на 9%²⁵. Обобщенные данные добровольных сельских корреспондентов по уездам Томской и Алтайской губерний дают следующее увеличение посевных площадей в 1918 г. (%)²⁶:

Барнаульский уезд	25,1
Бийский уезд	20,6
Змеиногорский уезд	27,2
Каменский уезд	18,1
Славгородский уезд	17,8
Каинский уезд	10,4
Кузнецкий уезд	17,0
Мариинский уезд	17,0
Новониколаевский уезд	25,5
Томский уезд	7,2

При больших поуездных колебаниях прирост посевных площадей отмечался во всех перечисленных уездах. В Алтайской губернии они увеличились на 21,4%, в Томской – на 12,1, по Алтайско-Томской части Сибири в целом – на 16,6%.

О сдвигах в зерновом производстве в 1917–1918 гг. можно судить, сравнив данные о площади посева основных зерновых культур в ряде губерний и областей Сибири в 1918 г., выявленные в фонде Д-146 Сибирского статистического управления ГАНУ (см. Введение, с. 7), с материалами сельскохозяйственной переписи 1917 г. (табл. 2.2). Согласно приведенным в таблице сведениям площадь, занятая четвертью основными зерновыми культурами, в Алтайской губернии выросла на 27,2% (в том числе пшеницей – на 23,8, овсом – на 31,6), в Семипалатинской области – на 22,4 (в том числе пшеницей – на 17,8, овсом – на 51,7), в Енисейской губернии – на 1,4, а в Иркутской губернии уменьшилась на 5,5%.

Таблица 2.2

Площадь посева основных зерновых культур
в губерниях и областях Сибири в 1917 и 1918 гг., тыс. дес.

Губерния / область	Пшеница		Рожь		Овес		Ячмень	
	1917	1918	1917	1918	1917	1918	1917	1918
Алтайская	1651,5	2045,1	24,9	34,0	752,8	990,5	57,8	94,2
Енисейская	212,6	215,6	241,7	245,6	171,8	173,6	23,8	23,9
Иркутская	661,0	635,8	208,2	192,1	71,7	69,0	29,1	27,9
Семипалатин- ская	328,4	387,0	5,7	5,3	71,2	108,0	17,9	24,2

Источник: данные за 1917 г.: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 68, 80; данные за 1918 г.: ГАНУ. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–4.

Примечание: Для 1917 г. в источнике приводятся данные о посевах в Алтайской и Енисейской губерниях только в хозяйствах крестьянского типа.

Менее достоверна информация о посевных площадях в 1919 г. По сведениям Канторы сельскохозяйственных складов Переселенческого управления, в этом году намечилось их сокращение в Тобольской губернии и Забайкальской области. Тот же источник информирует об увеличении посева в Томской и Алтайской губерниях и отсутствии каких-либо заметных сдвигов в остальных регионах Сибири²⁷. Оговоримся, что здесь мы пользуемся не точными статистическими материалами, а лишь приблизительным прогнозом, сделанным до сбора урожая. Сравнение выявленных в фонде Сибирского статистического управления сведений о посевных площадях в 1918 г. (см. табл. 2.2) с данными за 1919 г., приведенными в докторской диссертации Ю.В. Журова²⁸, показывает, что в 1919 г. в Алтайской губернии посевы ржи выросли на 17,5%, пшеницы, овса и ячменя – уменьшились на 0,4, 5,8 и 14,3% соответственно. Поскольку удельный вес ржи в структуре посева на Алтае не превышал 1%, то вышеприведенные данные позволяют утверждать, что площадь посева в губернии в 1919 г. сократилась. В Иркутской гу-

бернии фиксируются минимальные изменения: пашня, занятая рожью, увеличилась на 2,0%, пшеницей – на 0,4%, овсом – осталась прежней.

В соответствии с данными Сибземеотдела, которые указаны в табл. 2.3, общая площадь посева в Алтайской губернии в 1919 г. превышала показатели 1917 г. на 22,9%. Если при этом учесть, что по приведенным выше сведениям, основанным на сообщениях добровольных корреспондентов и данных Сибстатуправления, посев в губернии в 1918 г. вырос на 21,4 и 27,2% соответственно, то в 1919 г. засеянная на Алтае пашня либо сократилась, либо незначительно выросла. Информация Сибземеотдела по Иркутской губернии в целом подтверждает зафиксированные выше тенденции по данной губернии: посев 1919 г. уступал уровню 1917 г. на 4,1%²⁹. Сопоставление статистики урожайности с имеющимися данными о размерах валового сбора (см. ниже) позволяет сделать вывод о снижении в 1919 г. посевных площадей по региону в целом по сравнению с 1918 г. Тем не менее мы считаем, что в 1919 г. в Сибири пашни засеяли больше, чем в 1917 г.

Таблица 2.3

Посевные площади в Алтайской губернии в 1917 и 1919 гг. (тыс. дес.)

Уезд	1917 г.	1919 г.
Барнаульский	606,5	802,2
Каменский	408,1	491,2
Славгородский	553,6	684,9
Змеиногорский	599,6	704,1
Бийский	516,1	617,2
По губернии	2683,9	3299,6

Источник: ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 182. Л. 33.

В 1918 г. основным движителем расширения обрабатываемой пашни стали возвратившиеся домой фронтовики. Возможность для этого создавали земельные захваты конца 1917 – начала 1918 г. (см. гл. 1). С точки зрения крестьян, посев, произведенный на обретенной земле, легитимировал право на владение ею. Практика не противоречила крестьянскому правосознанию. Во второй половине 1918 – 1919 г. случаев изъятия из обработки возделанных земель не выявлено. Напротив, местные земельные органы антибольшевистских правительств обычно предоставляли право на снятие урожая даже с незаконно захваченных и засеянных участков³⁰. В 1919 г. сдерживающим фактором для увеличения запашки являлись мобилизация крестьян в колчаковскую армию и уход части сельских жителей в партизанские отряды.

Несмотря на увеличение посевных площадей и относительно высокие урожаи (см. ниже), многие потребляющие районы Сибири из-за ло-

кальных недородов во время Гражданской войны испытывали острый дефицит хлебопродуктов. Ю.В. Журов зафиксировал сведения о продовольственных затруднениях в Березовском, Сургутском, Енисейском, Киренском уездах в 1918 г., Тобольском, Мариинском, Томском, Красноярском, Канском, Ачинском, Иркутском и Балаганском уездах в 1919 г.³¹ Основной причиной возникновения подобной ситуации стал транспортный кризис, который не позволял обеспечить бесперебойное снабжение городского и промышленного населения, а также крестьян неурожайных районов.

Достаточно сложной, с точки зрения обеспечения репрезентативной источниковой базой, является проблема определения размеров урожая, собранного в 1918 и 1919 гг. Для 1918 г. в нашем распоряжении имеются выявленные в фонде Д-146 ГАНУ сведения о валовом сборе четырех основных зерновых культур³² по всем губерниям и областям региона, включая Степной край (табл. 2.4). В соответствии с данным источником его объем по всем перечисленным регионам составлял 440,5 млн пуд., а без областей Степного края – 380,2 млн пуд. Если признать эти данные достоверными, то зерна в 1918 г. в Сибири в целом, а также Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях собрали больше, а в Тобольской губернии и Забайкальской области меньше, чем в предыдущем году. Предположение об увеличении сбора в 1918 г. в перечисленных губерниях подтверждается зафиксированным выше наращиванием посевных площадей и вполне удовлетворительной урожайностью зерновых. Сбор с десятины в границах Сибирского края в этом году превышал показатели предыдущего по яровой ржи (на 5 пуд.), пшенице (на 2 пуд.), не изменился по озимой ржи и был ниже по овсу (на 6 пуд.) (см. Приложение, табл. 9).

Таблица 2.4
Валовые сборы основных зерновых культур в Сибири в 1918 г., тыс. пуд.

Губерния / область	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень
Акмолинская	27848,6	362,6	8317,7	1587,8
Семипалатинская	15119,5	201,9	5519,0	1013,0
Тобольская	28947,9	5106,8	21155,0	2095,2
Томская	46004,9	14870,0	42287,7	3258,8
Алтайская	97598,3	1563,9	47882,2	4051,1
Енисейская	12538,9	11424,3	11148,3	1275,7
Иркутская	2740,3	8719,8	3770,9	1777,3
Забайкальская	2185,7	6948,0	2756,0	482,9
Итого	232984,1	49197,3	142836,8	15541,8

Источник: ГАНУ. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–4.

Погода в 1919 г. в целом благоприятствовала труду земледельцев. Согласно статистике урожайности, в 1919 г. на сибирских полях созрел относительно высокий урожай. По данным С.Г. Гензеля, предполагаемый сбор с десятины в целом по региону (50 пуд./дес. озимой ржи, 59 пуд. яровой ржи, 53 пуд. пшеницы и 59 пуд./дес. овса) превышал показатели четырех предыдущих лет и уступал лишь уровню хлеботородного 1914 г. (см. Приложение, табл. 9). Н.П. Огановский на территории Томской губернии (в границах 1921 г.) зафиксировал рекордный урожай пшеницы и овса: 80 и 87 пуд./дес. (см. Приложение, табл. 10).

В фонде Сибстатуправления выявлены данные о валовом сборе основных зерновых и крупяных культур в 1919 г. на территории Омской, Семипалатинской, Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в объеме 449,8 млн пуд. (табл. 2.5). При сравнении этих данных со сведениями, приведенными в табл. 2.4, мы получим снижение урожая зерновых в 1919 г. по сравнению с 1918 г. в Алтайской, Томской, Енисейской губерниях и Семипалатинской области и увеличение лишь по Иркутской губернии.

Таблица 2.5

Валовые сборы зерновых культур в Сибири в 1919 г., тыс. пуд.

Губерния / область	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Крупяные
Алтайская	100070,9	1461,0	35269,0	5731,0	3867,0
Омская	83748,3	2523,2	44948,6	4990,0	367,8
Семипалатинская	19052,6	334,0	4270,4	1006,9	1747,2
Томская	38120,0	9884,0	42028,0	4285,0	797,0
Енисейская	7232,2	11819,3	4447,5	764,8	354,6
Иркутская	3904,2	9716,8	4786,0	1820,3	469,7

Источник: ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 179. Л. 17 об.–20.

Примечание: в документе сведения приведены с поузездной разбивкой.

Тезис о снижении валового сбора в 1919 г. подтверждается данными (на материалах Алтайской губернии), введенными в научный оборот Ю.В. Журовым (табл. 2.6), однако диссонирует со сведениями о высокой урожайности зерновых. Хлеба с десятины посева в Сибири должны были собрать достаточно много. Объяснить указанное противоречие может лишь более существенное сокращение количества засеянных десятин, нежели это было зафиксировано в вышеприведенных источниках. Следует также отметить, что урожай, как это обычно бывает в Сибири, был неравномерным. Высокоурожайные районы чередовались с территориями со средним сбором и даже недородом. Так, Н.П. Огановский зафиксировал в 1919 г. высокий урожай пшеницы в Томской

(см. выше) и Иркутской (60 пуд./дес.) губерниях, более низкий – в Енисейской (52 пуд.), Омской (51,4 пуд.) и Алтайской (48,1 пуд.) и неурожай в Тюменской губернии (36 пуд./дес.). При этом урожайность хлебной нивы в Тюменской и Енисейской губерниях в 1919 г. была ниже, чем в 1918 г., а на Алтае практически не изменилась (см. Приложение, табл. 10).

Таблица 2.6

Валовой сбор зерновых в Алтайской губернии в 1917–1919 гг., тыс. пуд.

Год	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Крупяные	Итого
1917 г.	60591,9	1233,6	35099,7	1797,0	2874,2	101596,4
1918 г.	100063,6	1423,0	53444,6	5626,5	4929,6	165487,3
1919 г.	97162,2	1478,0	47761,5	4588,0	2855,8	153845,5

Источник: Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны: дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 1974. С. 457.

Фактический валовой сбор в 1919 г. был ниже, чем определенный на корню. На лето и осень 1919 г. пришлось активные боевые действия Красной армии и партизан против Белой армии, совпавшие во многих местах со сроками уборки хлебов и сева озимых. Многие работники находились в составе противоборствующих армий либо были мобилизованы советской властью на обслуживание ее нужд. Отступление «белых» сопровождалось уходом на восток части крестьянских семей и особенно казачьего населения, покидавшего постоянные места проживания подчас целыми станицами³³. Часть полей осталась необранной. В некоторых районах под снег ушло от четверти до половины посевов. Значительно большее, чем обычно, количество сжатого хлеба осталось необмолоченным³⁴.

Сибирские ревкомы, несмотря на военные действия и неразбериху первых месяцев восстановления советской власти, достаточно оперативно реагировали на сложившуюся проблему и принимали для спасения урожая меры мобилизационного характера, вполне соответствовавшие ситуации. Все брошенные поля были объявлены собственностью государства. Для проведения на них, а также на полях крестьян, призванных в Красную армию, срочных сельхозработ на местах были организованы специальные «уборочные» дружины (см. гл. 6). Уборка проводилась до тех пор, пока поля не покрывались снегом.

Уборочные дружины работали интенсивно. Однако установить точно, какая часть посевов была в итоге убрана, а сколько ушло под снег, невозможно. Поэтому в отношении амбарного, а не корневого сбора хлебов в 1919 г. источники очень осторожны и предлагают исходить из минимального прироста товарных излишков.

Сохранение и даже наращивание прошлогодних размеров посева стало одной из важнейших установок Сибревкома в 1920 г. Этому должны были способствовать относительно либеральная, для периода «военного коммунизма» аграрная и продовольственная политика региональной власти в Сибири. Полный запрет аренды земли и найма рабочей силы не вводился. Земельные наделы основной массы зажиточных крестьян перераспределению практически не подвергались. В землепользовании ограничивались лишь наиболее крупные хозяйства. Малоземельные и безземельные крестьяне наделялись землей за счет свободных угодий (см. гл. 1). Курс Сибревкома на максимальное дополнительное заделание земель под пашню всех нуждавшихся подкреплялся организацией хлебозаготовок в конце 1919 – начале 1920 г., которые проводились методом «самотека», т.е. добровольных поставок крестьянами.

Однако продовольственная политика не стала стимулом к расширению посевных площадей. Галопирующая инфляция в сочетании с ограничением свободы торговли ставили под сомнение необходимость наращивания товарного производства сельхозпродуктов, не находящихся сбыта. К сокращению посевных площадей крестьян могло подтолкнуть и повсеместное отсутствие сельскохозяйственных орудий (см. гл. 6), а в отдельных районах – недостаток семян.

Весной 1920 г. впервые в истории Сибири организация посева была признана государственной задачей. Для ее решения были созданы Междуведомственный комитет по организации посевной площади (Сиборгасев) при Сибревкоме и его подразделения при губернских и уездных ревкоммах. Они должны были собрать сведения о засеваемой площади и причинах, ограничивающих возможности крестьянского хозяйства. На самом деле весной 1920 г. абсолютное большинство сибирских крестьян не испытывало нужды в семенах, имея значительные запасы от прошлых урожайных лет. Проблемы возникали лишь в деревнях, расположенных в зоне активных боевых действий, в колхозно-совхозном секторе, а также на территориях с локальными недородами. Но раньше дефицит семян, возникающий в неурожайных районах, восполнялся через закупки на рынке, который теперь пришлось заменить сложным распределительным аппаратом. Результаты его работы едва ли могли существенно повлиять на ситуацию. Так, потребность в семенах яровых культур по Сибири определялась в 4492 тыс. пуд. От продорганов же было получено и распределено сельхозотделами 1321 тыс. пуд.³⁵ Материальные возможности для улучшения ситуации с сельхозмашинами и инвентарем у советской власти также были невелики (см. гл. 6).

Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1920 г., обработанной без поправок на недоучет, на территории Сибирского края было засеяно 5742,6 тыс. дес., что было меньше, чем в 1917 г., на 2,4%

(см. Приложение, табл. 5). Внесение же в материалы переписей поправочных коэффициентов давало не сокращение посевных площадей, а их рост на 2,6% (см. Приложение, табл. 3). Это позволило исследователям сделать вывод о выполнении советской властью поставленных задач в аграрной сфере региона. Однако при этом сравнивались показатели двух переписей, а ситуация в период между ними не учитывалась. По нашей оценке, основанной на вышеприведенных данных об изменениях посевных площадей в 1913–1919 гг., посев 1920 г. в регионе в целом уступал показателям и 1918, и 1919 гг. и незначительно превышал уровень 1914 г. В Иркутской губернии в 1920 г. пашни засеяли меньше, чем в 1917 г.³⁶ Тем не менее органам власти «Сибревкомовской Сибири» в 1920 г. удалось не допустить резкого падения размеров обрабатываемой пашни. Значительно больший недосев имела Тюменская губерния, на территории которой летом 1919 г. велись активные боевые действия между Красной и Белой армиями. По данным В.И. Иваненко, посевная площадь в губернии в 1920 г. сократилась на 14% даже по сравнению с 1916 г.³⁷ Ситуацию в Зауралье в 1920 г. существенно осложнил недород предыдущего года.

В 1920 г. на территории Сибирского края в поле было засеяно (с учетом поправок) соответственно на 11,6%, 14,2 и 2,6% больше, чем в 1913, 1916 и 1917 гг. Овса в 1920 г. в регионе засеяли на 27, пшеницы на 14% больше, чем в 1913 г. Посевы ржи, напротив, уменьшились на 13%. Прирост посевных площадей в 1920 г. по сравнению с 1917 г. был достигнут за счет основной фуражной культуры – овса (+17%). Размеры пашни, занятой пшеницей, остались практически неизменными, а ржи – несколько снизились. Меньше в 1920 г. засеяли крупяных. Соответствующие сдвиги произошли и в структуре посевных площадей. Наиболее значимым их итогом за период с 1913 по 1920 г. стало увеличение доли овса (с 27,2 до 30,6%) и сокращение доли ржи (с 13,5 до 10,4%). По сравнению с 1913 г. удельный вес овса и пшеницы в 1920 г. вырос на 3,4 и 0,6 п.п., ржи – сократился на 3,1 п.п.; по сравнению с 1917 г. удельный вес пшеницы и ржи в 1920 г. снизился на 1 и 0,6 п.п., овса – вырос на 3,8 п.п. Несколько увеличилась (на 0,7 п.п.) и доля зерновых культур в целом. Опережающее наращивание овсяного клина определялось высоким армейским спросом на зернофураж.

Удельный вес пшеницы, овса, ржи и ячменя в Юго-Западной Сибири составлял 57,4, 32,1, 2,9 и 3,8%, в Восточной Сибири – 32,9, 27,7, 31,6 и 3,2%. Максимальных значений достигала доля пшеницы на территории Славгородского (67,4%), Рубцовского (61,6%), Каменского (61,1%) и Омского округов (60,3%). Посевы ржи в перечисленных округах практически отсутствовали: 0,7, 0,2, 1,8 и 1,5% соответственно. Относительно высокую долю овса в Новониколаевском (40,6%), Кузнецком (36,6%)

и Бийском (38,5%) округах³⁸ можно объяснить повышенным спросом на фураж в Новониколаевске, на шахтах и заводах Кузбасса и в Горном Алтае при перевозках грузов.

По данным Сибземотдела, в 1920 г. сельхозкультурами было занято (без поправок на недоучет) в Омской губернии 1753,5 тыс. дес., в Алтайской – 1438,7 тыс., в Новониколаевской – 100,2 тыс., в Томской – 528,1 тыс., в Енисейской – 756,0 тыс., в Иркутской – 257,5 тыс. Доля указанных губерний в общей посевной площади «Сибревкомовской Сибири» составляла 30,6, 25,1, 17,5, 9,2, 13,2 и 4,5% соответственно. По сравнению с 1917 г. посевы увеличились в Томской и Енисейской губерниях, в Алтайской – остались практически неизменными, в остальных губерниях снизились (табл. 2.7). Сопоставление показателей за 1917 и 1920 гг. по сельскохозяйственным зонам Сибири (см. Приложение, табл. 5) позволяет зафиксировать незначительный рост посевных площадей в среднесибирской и юго-западной зонах, а в остальных зонах – сокращение. Наиболее существенное снижение посевов произошло в восточной зоне (на 18%). Указанная направленность количественных сдвигов по отдельным зонам не изменится, если мы введем в вышеприведенные данные единую общесибирскую поправку на недоучет (10% для 1917 г. и 15% для 1920 г.). Изменился удельный вес сельскохозяйственных зон в общей площади посева. Ведущее место заняла юго-западная зона (40,1%), отодвинув на второе место центральную (34,1%).

Таблица 2.7

Посевные площади в Сибири в 1917–1924 гг., тыс. дес.
(по данным Сибземотдела)

Губерния / область	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Омская	1856,0	1753,5	1331,1	881,5	899,3	843,7
Алтайская	1433,0	1438,7	956,0	742,2	904,8	1011,0
Ойротия	22,3	19,7	17,6	15,0	17,9	21,0
Новониколаевская	1052,2	1002,4	547,0	446,2	597,9	745,7
Томская	483,8	528,1	353,9	293,7	462,2	486,3
Енисейская	717,2	756,0	482,5	399,0	553,1	653,8
Иркутская	314,0	257,5	257,0	235,6	244,6	278,5

Источники: сведения по Иркутской губернии и Ойротии: Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 102; сведения по другим территориям за 1920, 1921 и 1922 гг.: ГАНУ. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 128. Л. 40 об.; за 1917, 1923 и 1924 гг.: там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 12.

Примечание: поправки на недоучет посевов в источниках не внесены.

Сохранение посевной площади в «Сибревкомовской Сибири» на относительно высоком уровне не смогло компенсировать последствий неурожая 1920 г. Основные зернопроизводящие районы Юго-Западной Сибири поразила сильнейшая засуха, которая привела к катастрофическому недороду. В XX в. урожайность пшеницы и овса ниже, чем в этом году (22 и 29 пуд./дес.), была только в 1901 и 1902 гг. В Славгородском уезде сбор яровых зерновых составил 16 пуд./дес. По данным Н.П. Огановского, в Омской губернии пшеницы и овса собрали по 19,0 и 14,6 пуд./дес. В Восточной Сибири недорода не было, однако урожайность пшеницы и овса существенно уступала средним многолетним значениям (на 12 и 11 пуд./дес.), была немного меньше их по яровой ржи (на 2 пуд./дес.) и превышала – по озимой ржи (на 5 пуд./дес.)³⁹. К климатическим невзгодам добавилась кобылка (саранча), повредившая в регионе 191,4 тыс. дес. посева⁴⁰.

Д.Н. Мерхалев, оценивший валовой сбор 1920 г. в 147,8 млн пуд., указывал, что урожай не достаточен для воспроизводства, и без использования 78,4 млн пуд. продовольственного и 49,4 млн пуд. фуражного хлеба из остатков прежних лет не обойтись⁴¹. По данным ЦСУ, в этом году в Сибири, включая Тюменскую губернию, собрали 245,4 млн пуд. зерна. На территории Западной Сибири урожай 1920 г. был меньше показателей 1917 г. в 1,7 раза (см. Приложение, табл. 11).

Между тем советская власть, выждав, когда посевные работы будут близки к завершению, перешла от методов «самотека» к продрозверстке. Тем не менее изъятие зерна до конца лета 1920 г. не было тотальным. У крестьян оставались страховые запасы, часть из которых они пустили на расширение озимого посева. Озимые в итоге разместили на 466,4 тыс. дес., что на 4% превышало показатели 1919 г. (см. Приложение, табл. 4).

Осенью 1920 г. началась продовольственная кампания 1920/21 г., в рамках которой правительство поставило перед партийными и советскими органами Сибири беспрецедентную задачу – изъять в деревне все хлебные излишки. Сбор продрозверстки стал фоном, определявшим результаты аграрной политики. Изъятие производилось практически безвозмездно и сопровождалось массовым насилием по отношению к сельским жителям. Катастрофический недород в наиболее хлебных уездах Сибири и сверхнормативное изъятие в них зерна привели к возникновению дефицита семян. Уже 1 ноября 1920 г. на совещании заведующих подотделами Сибземотдела заведующий Сиборгасевым заявил, что 60% семенного фонда пришлось вывезти в европейскую часть России, а потребность в семенах в Омской и Алтайской губерниях удовлетворена лишь наполовину⁴². В Калачинском и Тюкалинском уездах Омской гу-

бернии из-за нехватки продовольственного зерна весной–летом 1921 г. разразился голод⁴³.

Работа по распределению семенного материала считалась важнейшим условием успеха следующей посевной кампании. Формально в 1921 г. власть сделала ставку на самоорганизацию населения. Губернские и уездные оргасевы ликвидировали, а вместо них в феврале были сформированы губернские и уездные комитеты по улучшению и расширению обработки земли (посевкомы). Состав волостных посевкомов был выборным, и в апреле для их создания в Сибири провели избирательную кампанию⁴⁴. На основании сельхозпереписей 1916, 1917 и 1920 гг. были составлены предварительные планы посевов по каждой культуре с их разверткой по губерниям, уездам, волостям и селениям. Затем планы утвердили на съездах и конференциях с участием представителей крестьянства. Причем в ряде случаев прозвучали предложения увеличить план посева. В целом по Сибири плановое посевное задание составляло 7648 тыс. дес., что на 481 тыс. дес. превышало первоначальное⁴⁵. Но на деле никакого единения крестьянства и власти не было. Вся кампания проводилась по плану, утвержденному Сибпосевкомом 2 марта 1921 г. Он исходил из того, что запроектированная площадь должна быть засеяна независимо ни от каких обстоятельств. На проведение посевной кампании направили 1460 коммунистов, призванных предотвращать сокращение посевов⁴⁶.

Более масштабной в 1921 г. была и выдача семян из государственного фонда. По Сибири было распределено 5,1 млн пуд.⁴⁷ 31 января Сибревком постановил забронировать 6 млн пуд. семенного зерна, выделяя его в процессе заготовок и заблаговременно распределяя по районам в соответствии с потребностью⁴⁸. Партийные инструкторы усиленно вели работу по созданию семфондов на местах. На помощь им приходили продотряды. Они занимались бронированием части зерна, оставшегося после выполнения продразверстки в качестве семенного. С крестьян брали расписки с обязательствами засеять это зерно, а в случае сомнения в его целевом использовании ссыпали в общественные амбары. Всего внутриселенные и внутриволостные семенные фонды насчитывали к лету 1921 г. 22 612 тыс. пуд. (без сведений по Томской губернии)⁴⁹. Вместе с государственной ссудой это не превышало 40% от среднего количества зерна, резервировавшегося крестьянами под семена до революции.

Несмотря на предписания Сибревкома о создании семфонда за счет местных ресурсов, для выполнения разверстки продорганы усиленно использовали запасы, забронированные на семена. Специальная инструкция строжайше запрещала заготовку семян до полного выполнения продразверстки. После этого крестьянам предписывалось столь же

строго выполнять разверстку на семена будущего года, она становилась абсолютным приоритетом по отношению к формированию личных продовольственных и кормовых запасов.

Все отчуждаемые у крестьян семена должны были ссыпаться в общественные амбары. Так называемые излишки зерна, оставшиеся в хозяйствах после выполнения разверстки, изымались для перераспределения между дворами или селениями, испытывавшими дефицит семян. Изъятые семена оплачивались по твердым, очень низким ценам и выдавались нуждавшимся хозяйствам в качестве натуральной ссуды. Получатели семян давали обязательство засеять ими определенную плановую площадь. Его невыполнение каралось судом революционного трибунала и наказывалось конфискацией движимого имущества. Возвращать ссуду государству надлежало из следующего урожая с начислением 12%. Выдаваемое зерно предлагалось самостоятельно вывозить на расстояние десятков, а иногда даже сотен километров⁵⁰.

Согласно инструкции по организации весенней посевной 1921 г. по волостям следовало объявить, что никакие заявления о недостатке семян приниматься в расчет не будут, и это обстоятельство не снимает с крестьян ответственности за полный засев⁵¹. Партийные директивы изначально ориентировали посевокомы на то, что семенной хлеб принадлежит не сельскому обществу, а государству и должен перераспределяться между волостями⁵². Известны случаи, когда зерно, ссыпанное после выполнения продразверстки в общественные амбары, насильственно вывозили за пределы волости, оставляя население полностью без семян. Именно так произошло в апреле 1921 г. в Бердской волости⁵³. Пункты ссыпки и хранения семян, становясь объектом ненависти крестьян, подвергались разгрому по всей Сибири⁵⁴.

Часть семенного зерна пришлось получать из фонда Сибревкома и даже из европейской части России. Семена были очень плохого качества, с низкой всхожестью. Служащие земельных органов жаловались на всеислие продовольственных работников, которые распределяли семенной фонд в зависимости от выполнения продразверстки, а не исходя из потребностей крестьянских хозяйств⁵⁵. Среди советских служащих широко распространилось мнение, что большинство крестьян просят семена на всякий случай, имея достаточно запасов, чтобы произвести сев самостоятельно⁵⁶.

Едва ли можно согласиться с Л.И. Боженко, утверждавшим, что благодаря усилиям Сибревкома и местных органов советской власти впервые за всю историю сибирской деревни крестьянство получило от государства семена в столь большом количестве и на льготных условиях⁵⁷. В действительности произошло нечто прямо противоположное. У крестьянства безвозмездно изъяли часть семенного материала, после чего

государство занялось его перераспределением, но уже в качестве займа, причем передавало на места семена низкого качества, что наряду с погодными условиями стало одним из факторов неурожая текущего года. Но ситуация ухудшилась еще до уборки хлебов, так как продовольственная и семенная кампании оставили многие хозяйства и целые селения без запасов.

В отличие от озимой, яровая запашка 1921 г. завершилась существенным снижением. По сведениям Сибземотдела, пашни в этом году (без поправок на недоучет) засеяли на 31,5% меньше, чем в предыдущем (в Новониколаевской губернии – на 45,4%, в Енисейской – на 36,2, в Алтайской – на 33,9, в Томской – на 33,0, в Омской – на 24,1%). В Иркутской губернии посев практически не снизился (см. табл. 2.7). Ситуация в последней объясняется относительно меньшим изъятием ресурсов по продразверстке, а также тем, что стимулом к сохранению посевов в Приангарье стал внутренний спрос, степень удовлетворения которого за счет поставок из Западной Сибири снизилась. Основная масса хлеба из западных губерний региона направлялась в европейскую часть России.

Обработка результатов весеннего опроса крестьянских хозяйств позволила сделать вывод о том, что посевная площадь в регионе снизилась не на треть, а на четверть (на 25,2%) (см. Приложение, табл. 5). С учетом же внесенных поправок на недоучет в поле в 1921 г. в Сибири засеяли на 1281 тыс. дес. (19%) меньше, чем в предыдущем году, в том числе зерновых культур – на 1372,1 дес. (21,7%). Максимальным (и в относительных, и в абсолютных величинах) стало падение посевов овса – на 911 тыс. дес., или на 44%. Удельный вес данной культуры в структуре посевных площадей снизился с 30,6 до 21,0%. Не менее значимым для итогов кампании явилось сокращение пшеничного поля, составившее 543 тыс. дес. (–16%). Заметно (в относительных величинах) сократились посевы яровой ржи и ячменя – соответственно на 16 и 18%. Напротив, посевные площади, занятые крупяными культурами, существенно выросли: проса – в 4,5, гречихи – 1,4, крупяных в целом – в 3 раза. Доля зерновых культур в полевом посеве сократилась (с 95,4 до 92,6%), а технических и картофеля – увеличилась (см. Приложение, табл. 4, 7).

В изданных в 1926 г. «Материалах по характеристике сибирского сельского хозяйства» (см. Приложение, табл. 5), в которые не были введены поправки на недоучет, зафиксировано существенное снижение посевов в центральной (на 38,9%), среднесибирской (на 34,0%) и северо-западной (на 28,9%) сельскохозяйственных зонах. На менее значительное сокращение запашки в юго-западной зоне (на 12,5%) повлияли результаты посевной кампании в Славгородском уезде. По оперативным данным Омского губземуправления, посевная площадь на его территории в 1921 г. уменьшилась лишь на 6,2%⁵⁸. В Иркутской губернии (во-

сточной зоне) принципиальных изменений размеров посевов не зафиксировано (99,8%). Если мы введем в данные по этой зоне поправки на недоучет, то получим увеличение посевных площадей по сравнению с 1920 г. Проведение подобной операции по остальным зонам несколько уменьшит величину сокращения посевов.

Но главным фактором, определившим в итоге хлебный баланс Сибири, стал второй подряд катастрофический недород. В Западной Сибири по большинству культур урожайность была еще ниже предыдущей: яровой ржи – на 3 пуд./дес., овса – на 2 пуд./дес. Резко сократилась урожайность озимой ржи (с 35 до 23) пуд./дес. И лишь по пшенице она несущественно выросла (на 1 пуд./дес.). Особенностью недорода 1921 г. был его общерегиональный характер. Сильный неурожай распространился и на Восточную Сибирь. В XX в. на ее территории урожайность озимой и яровой ржи ниже, чем в этом году (38 и 32 пуд./дес.) была только в 1900, 1901 и 1909 гг., овса (35 пуд./дес.) – в 1901 и 1915 гг., пшеницы (35 пуд./дес.) – в 1901 г.⁵⁹ По данным изданных в 1930 г. «Материалов по текущей сельскохозяйственной статистике», в которые, в отличие от данных, опубликованных С.Г. Гензелем, поправочные коэффициенты не вносились, самые низкие показатели урожайности пшеницы были зафиксированы на территории Омского, Славгородского и Ачинского округов (6,1, 15,8 и 15,9 пуд./дес.), озимой ржи – Омского и Тарского округов (10,9 и 12,0 пуд.), яровой ржи – Канского округа (11,3 пуд.), овса – Омского, Тарского и Канского округов (6,7, 10,7 и 15,9 пуд./дес.)⁶⁰. В условиях сильной засухи «кобылка опустошила выгоны, пустоши и покосы, набросилась на хлеба», повредив в целом по региону до 400 тыс. десятин зерновых⁶¹. Наряду с «Сибревкомовской Сибирью», неурожай постиг сопредельные Зауралье и Северный Казахстан.

По предварительным оптимистичным оценкам, валовой сбор зерна в Сибири оценивался в 148,7 млн пуд., а по более пессимистичным, с учетом локального полного невызревания зерна, – в 128,8 млн пуд.⁶² Сибземотдел после пересчета поступивших данных повысил объем убранного хлеба до 184,5 млн пуд., что составляло около 80% от внутрисибирских потребностей⁶³. ЦСУ в итоге оценило валовой сбор в сибирских губерниях, включая Тюменскую, в 179,3 млн пуд. При этом в Западной Сибири зерна в 1921 г. собрали в 1,3 раза, а Восточной Сибири – в 1,5 раза меньше, чем в предыдущем году (см. Приложение, табл. 11). Следовательно, из текущего урожая невозможно было выделить достаточные семенные запасы, а для снабжения городов требовалось сократить потребление сельского населения.

Несмотря на снижение производства, Сибирь получила завышенное задание по сбору продналога 1921/22 г. (см. гл. 3). При этом следует иметь в виду, что по разверстке изымался не только хлеб урожая 1920 г.,

но и значительные его запасы, образовавшиеся у крестьян за годы Гражданской войны, а по натуральному налогу – только то зерно, которое было собрано осенью 1921 г. Причем взимался налог не менее драконовскими методами, чем продразверстка. Сверхнормативное изъятие зерна привело к дефициту продовольствия и нехватке семян.

Весной 1922 г. голод охватил Тарский, Ялуторовский и Ишимский уезды Тюменской губернии, Славгородский уезд – Алтайской, Татарский уезд – Омской губерний. Летом к ним добавились Тюкалинский и Омский уезды. В Енисейской губернии голод заставлял крестьян убирать несозревший хлеб⁶⁴. В Новониколаевской губернии массовый голод поразил Каинский и Новониколаевский уезды. По официальным данным, здесь голодало 206,5 тыс. чел. «Советская Сибирь» 29 июня 1922 г. в связи с этим отмечала: «Ужасы местного голодающего населения, которое в свое время оказывало помощь поволжанину, теперь достигли ужасов Поволжья». Многие крестьяне бросали свои дома и имущество и бежали в более благополучные районы края.

Озимая кампания, которая прошла еще до активного сбора продналога, вновь оказалась успешной. Площадь пашни, занятая озимой рожью, в 1922 г. увеличилась, с учетом поправок, на 21% (с 450,3 до 544,0 тыс. дес.) (см. Приложение, табл. 4). По мнению экспертов, наращивание посевов данной культуры объяснялось не столько ее более высокой засухоустойчивостью, сколько «боязнью земледельца дальнейшего сокращения площади посевов, могущего быть вследствие недостатка семматериала яровых»⁶⁵.

Попытки земельных органов восполнить дефицит семян были фактически сведены на нет действиями продовольственных органов. В 1921 г. в ряде губерний Сибири по инициативе земельных и советских органов силами крестьян была организована так называемая государственная запашка. Произведенное на ней зерно предназначалось для образования местных неприкосновенных семенных фондов. В Алтайской губернии площадь госзапашки составила около 10 тыс. дес., засеянных главным образом пшеницей и овсом. Однако собранный с этих участков урожай был изъят по требованию губпродкома в счет погашения натурального налога⁶⁶.

В декабре 1921 г. Сибревком и Сибземотдел возбудили перед центром ходатайство об отпуске 4,5 млн пуд. семян для нужд яровой посевной кампании. В феврале 1922 г. Наркомпрод разрешил Сибпродкому выделить для этих целей 2,3 млн пуд. зерна из поступившего в счет натурального налога. 20 марта Наркомпрод распорядился об отпуске еще 1,6 млн пуд. Из этого транша первоначально было распределено 965 тыс. пуд., так как Сибпродком заявил, что выделение всего намеченного объема отрицательно скажется на поставках сибирского зерна в

европейскую часть страны. В конечном итоге Наркомзем добился отпуски оставшихся 635 тыс. пуд. Однако наступившая весенняя распутица задержала доставку семян на места. Впрочем, и первая часть второго транша также не была своевременно распределена⁶⁷.

В своем отчете в Сибревком заведующий Сибземотдела, приводя вышеперечисленные и другие примеры «хозяйственного вандализма» продорганов, писал: «<...> над разрушением сельского хозяйства кроме империалистической и гражданской войн и стихийных бедствий немало поработали и продовольственники со своими неумелыми подходами к населению и бесхозяйственными приемами»⁶⁸.

Падение ярового посева весной 1922 г. продолжилось. По данным губземуправлений, общая площадь посева в регионе составляла 3104,8 тыс. дес. Сибпродком нарисовал несколько более оптимистичную картину – 3310 тыс. дес.⁶⁹ По сведениям Сибземотдела, в регионе засеяли 2944 тыс. дес., что было на 24% меньше площади посева, зафиксированной этим ведомством в 1921 г. (см. табл. 2.7). Сравнение итогов 1922 г. с показателями обработанных материалов весеннего опроса крестьянских хозяйств предыдущего года (без поправок) увеличивает глубину падения посевов до 32,1% (см. Приложение, табл. 5). Отчасти столь низкие результаты явились следствием массового сокрытия крестьянами посевов от продовольственных органов. Для 1922 г. эксперты установили самый высокий поправочный коэффициент – 37,2%⁷⁰. Однако и с его внесением размер сокращения оставался впечатляющим – 25,4%.

В 1922 г., с учетом поправок, яровые культуры были размещены на площади 3452 тыс. дес., что на 29,5% уступало результатам 1921 г. В итоге площадь полевого посева и посева зерновых в 1922 г. в регионе снизилась на 25,4 и 25,5% и составила 4080,1 и 3700 тыс. дес. соответственно (см. Приложение, табл. 4).

Максимальным (и в относительных, и в абсолютных величинах) стало падение посевов пшеницы – на 1095 тыс. дес., или на 39%. Площади, занятые овсом, сократились еще на треть (на 362 тыс. дес.). Увеличились темпы снижения посевов яровой ржи и ячменя – до 40 и 36% соответственно. И лишь по крупяным был зафиксирован двукратный рост. При этом посевы проса возросли в 2,3 раза, гречихи – в 1,4 раза. Соответствующие изменения произошли в структуре посевов. Уменьшилась доля пшеницы (с 51,2 до 41,4%), а крупяных – увеличилась, главным образом за счет проса, с 4,3 до 12,2%. Расширение площадей, занятых озимой рожью, доля которой увеличилась с 6,4 до 13,3%, обеспечило рост удельного веса ржи в целом (с 8,3 до 13,3%).

В «Материалах по характеристике сибирского сельского хозяйства» (см. Приложение, табл. 5, 6), в которые не были введены поправки на

недоучет, зафиксировано значительное уменьшение посевных площадей в степном и предгорном Алтае, центральной и северо-западной зонах (на 37,1, 35,3 и 28,2% соответственно) и некоторое снижение темпа сокращения в среднесибирской зоне (на 21,0%). В восточной зоне зафиксировано не столь существенное, как в других зонах, уменьшение посева (на 8,2%). Если мы введем в данные по восточной зоне поправки на недоучет, то получим не сокращение, а небольшое увеличение посевных площадей по сравнению с 1921 г. Проведение подобной операции по остальным зонам несколько уменьшит величину сокращения посевов.

Главным итогом двухлетнего развития зернового хозяйства в Сибири в целом стало резкое сокращение посевных площадей (на 41,6%). При этом площадь озимого сева увеличилась на 22%, а ярового – уменьшилась на 44%. В абсолютных величинах максимальные размеры падения дала пшеница, посеvy которой сократились на 1624,8 тыс. дес., или на 49%. В относительных величинах наиболее глубоким стало снижение посевов овса – 38% от уровня 1920 г. Яровая рожь и ячмень дали почти двукратное сокращение посевных площадей. Озимой ржи осенью 1921 г. посеяли на 26% больше, чем осенью 1919 г. Посевы ржи в целом уменьшились на 3%. Площадь посева проса выросла в 10 раз, гречихи – в 2, крупяных культур в целом – в 6,4 раза.

Существенные изменения произошли в структуре посевов. Базовым трендом развития земледелия стало замещение пшеницы и овса рожью и крупяными культурами. Доля овса и пшеницы уменьшилась (соответственно с 30,6 до 19,1% и с 49,6 до 41,4%), а крупяных – увеличилась, главным образом за счет проса (гречихи – с 0,6 до 1,9%, проса – с 0,6 до 10,4%). Расширение площадей, занятых озимой рожью, доля которой увеличилась 6,4 до 13,3%, обеспечило рост удельного веса ржи в целом (с 10,4 до 16,7%). Технические культуры и картофель несколько потеснили зерновые культуры, удельный вес которых сократился с 95,4 до 92,5%.

По данным «Материалов по характеристике сибирского сельского хозяйства» (см. Приложение, табл. 5, 6), посевы в 1922 г. снизились по сравнению с 1920 г. в центральной зоне на 60,4%, в северо-западной – на 48,9, в среднесибирской – на 47,9, в юго-западной – на 45,0, в восточной зоне – на 8,3%. Рекордное сокращение посевных площадей отмечено в центральной зоне. Наиболее существенно на ее территории уменьшились посевы овса, пшеницы. Площади, занятые озимой рожью, увеличились более чем в полтора раза, но за счет существенного сокращения посевов ярицы ржаное поле в целом уменьшилось. Рекордным в зоне стало и увеличение посевов крупяных. Доля пшеницы в посевных площадях сократилась с 54,3 до 43,8%, овса с 32,3 до 20,1%, ржи выросла с 5,5 до 12,3%, крупяных с 0,4 до 14,3%.

Почти половину посевных площадей потеряли среднесибирская и северо-западная зоны. Максимальный уровень падения в них также дали овес и пшеница. Наиболее ощутимым для общего результата в среднесибирской зоне стало сокращение посевов ржи – как яровой, так и озимой. В северо-западной зоне ржаное поле также уменьшилось. Площади, занятые крупяными культурами, в перечисленных зонах увеличились соответственно в 2 и 3,7 раза. Итогом структурных сдвигов стало превращение ржи в основную зерновую культуру. Ее удельный вес в посеве в северо-западной зоне вырос с 24,3 до 41,2%, в среднесибирской – с 31,0 до 43,3%. Доля пшеницы при этом снизилась соответственно с 28,4 до 16,8% и с 32,3 до 24,0%, овса – с 36,1 до 22,2% и с 26,3 до 16,3%.

На 45% сократились посевы на Алтае. Значительные потери площадей, занятых овсом и пшеницей, отчасти были компенсированы увеличением посевов крупяных. Удельный вес пшеницы в посевной площади снизился с 60,3 до 56,1%, овса – с 32,0 до 20,1%, крупяных – увеличился с 1,3 до 15,3%, ржи – с 0,5 до 1,1%.

Минимальное сокращение посевов зафиксировано в восточной зоне. При этом площади, засеваемые рожью и овсом, уменьшились, а пшеницей и крупяными – увеличились. Если мы введем в данные по восточной зоне поправки на недоучет, то получим увеличение посевных площадей по сравнению с 1920 г. Проведение подобной операции по остальным зонам в целом не повлияет на вышеуказанные тенденции. При этом глубина падения размеров посевов станет меньшей. Уменьшатся и цифры, фиксирующие прирост посевов отдельных культур. Величины удельного веса культур в общей структуре посевов введение поправок не изменит.

Третьего подряд катастрофического недорода Сибирь избежала. В Восточной Сибири был собран средний урожай. Однако в Западной Сибири урожайность яровых культур оказалась существенно ниже средних многолетних значений (по яровой ржи и овсу – на 9 пуд./дес., пшенице – на 13 пуд./дес.). В то же время, если судить по данным С.Г. Гензеля, очень высоким оказался подесятинный сбор проса: 55 пуд./дес. в Западной Сибири и 75 пуд./дес. в Восточной Сибири⁷¹. По данным «Материалов по текущей сельскохозяйственной статистике», наиболее низкие показатели урожайности пшеницы были зафиксированы на территории Барабинского, Славгородского и Новониколаевского округов (9,2, 14,4 и 15,1 пуд./дес.), овса – Рубцовского и Славгородского округов (20,2 и 21,8 пуд./дес.), озимой ржи – Барабинского округа (20,1 пуд./дес.)⁷².

Относительное увеличение урожайности не смогло компенсировать резкого сокращения посевной площади. По данным ЦСУ, валовой сбор зерновых в Сибири 1922 г., включая Тюменскую губернию, составил

153 млн пуд., что на 14,7% уступало показателю предыдущего года. В Западной Сибири урожай хлебов снизился на 17,6%, а в Восточной Сибири фактически остался неизменным (см. Приложение, табл. 11). Несмотря на снижение натурального налога 1922/23 г., во многих местах продовольственная и семенная кампании опять проводились за счет запасов, необходимых для питания крестьян. Местности, охваченные голодом в прошлом году, после уплаты продналога обычно оказывались обречены на новый голодный год. На Алтае, в Омской и Тюменской губерниях, в Прибайкалье и Забайкалье весной и летом населению пришлось вновь питаться травой и суррогатами хлеба⁷³.

В аналитических обзорах 1920-х гг. общепризнанными причинами глубокого спада зернового производства и сельского хозяйства в целом в начале десятилетия назывались «хозяйственно-экономическая разруха», связанная с последствиями империалистической и Гражданской войн, сверхнормативное отчуждение сельхозпродукции по продразверстке и продналогу, «расстройство и ликвидация рыночных отношений и свободного товарооборота», серия недородов и низких урожаев⁷⁴. В то же время многие ведущие специалисты сибирских земельных органов считали одной из основных причин рецессии «органический кризис» сибирского земледелия, который стал следствием эволюции систем земледелия на территории региона.

В работах создателей данной теории⁷⁵ констатировалось, что массовое крестьянское переселение в начале XX в., повлекшее многократное увеличение посевов, несло существенные агротехнологические издержки. Следствием значительного увеличения посевов стало сокращение свободных целинных земель, что приводило к вовлечению в полевой оборот не восстановившей плодородия залежи. На терявшей свое плодородие пашне земледельцы были вынуждены переходить от возделывания высокоценных твердых пшениц к производству менее качественных мягких и расширению посевов так называемых «серых» хлебов – ржи, овса, ячменя. Кроме того, массовая распашка залежи, которая использовалась для выпаса скота, сужала базу для развития кормопроизводства и создавала препятствие для расширенного развития наиболее товарной отрасли сибирского сельского хозяйства – маслоделия. Дальнейшее земельное утеснение оборачивалось переходом от парозалежной системы земледелия к безнадежно к тому времени устаревшему трехполью, что, собственно, в ряде районов Сибири уже произошло. А трехпольные севообороты не создавали надежной базы для получения стабильно высоких урожаев зерновых и технических культур. В «Материалах по характеристике сибирского сельского хозяйства» приводились следующие данные о степени «распаханности», «залежно-

сти» и «парования» пашни в сельскохозяйственных зонах региона (табл. 2.8).

Таблица 2.8

Особенности систем земледелия в сельскохозяйственных зонах
Сибири в 1917 г.

Показатель	I	II	III	IV	V
На 100 дес. удобной без-лесной площади дес. посева	25,3	38,2	45,1	21,3	45,0
На 100 дес. площади, пригодной для обработки, дес. пашни	46,5	78,2	83,3	83,1	99,7
На 100 дес. посева дес. залежи	77,3	89,4	97,1	24,1	11,1
На 100 дес. посева дес. пара	46,9	31,7	14,7	53,4	66,9

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. С. 241.

Комментируя приведенные в таблице данные, ее составитель И.С. Шилдаев констатировал, что восточная зона сохранила «лишь жалкие остатки залежей» и уже «пережила» залежную систему, центральная, юго-западная и восточносибирская зоны «близки к тому, чтобы исчерпать запас земли, пригодной к пашне» и лишь северо-западная зона «сохраняет запасы пригодной к пашне площади путем сильно развитого парования». Во всех зонах «залежи являются уже краткосрочными, так площадь их меньше посевной площади»⁷⁶, тогда как в классической залежной системе земледелия размер залежи должен существенно превышать площадь посева. Главным доказательством кризиса залежной системы для сторонников данной теории являлось систематическое снижение урожайности. По данным И.И. Осипова, средняя урожайность зерновых на территории Омской губернии (в границах 1924 г.) в 1910–1914 гг. и в 1915–1919 гг. была ниже, чем в 1905–1909 гг., на 19 и 31% соответственно⁷⁷.

Преодолеть «органический кризис» сибирского земледелия и предотвратить сползание к трехполью, по мнению представителей омской агрономической школы, можно только путем постепенного и повсеместного перехода к травопольной системе земледелия, повышение плодородия в которой достигается за счет введения в севообороты значительного клина сеяных трав (до 50% пашни). Травополье позволяло увеличить урожайность без применения дорогостоящих минеральных удобрений и способствовало решению кормового вопроса. Искусствен-

ная травяная залежь также создавала благоприятные условия для выращивания твердой пшеницы и льна. Следует отметить, что в сельскохозяйственной науке того времени существовали альтернативные взгляды на перспективы сибирского земледелия⁷⁸. Оппоненты считали, что парозалежная система в ряде районов Сибири не исчерпала своего потенциала, а перспектива перехода к трехполью является слишком отдаленной, чтобы учитывать ее в агрономической практике.

Осенью 1922 г. озимые культуры в регионе разместили на площади 846 тыс. дес., что более чем в 1,5 раза превышало показатели предыдущего года. Прирост был достигнут за счет существенного расширения посевов озимой ржи (на 297,4 тыс. дес.). Площадь, занятая озимой пшеницей, увеличилась с 4 тыс. до 4,9 тыс. дес. (см. Приложение, табл. 4).

Позитивные сдвиги, произошедшие в рамках озимого сева, были закреплены в ходе весенней сельскохозяйственной кампании. По сведениям Сибзема, площадь посева (без поправок на недоучет) увеличилась на 22% (в том числе в Томской губернии – на 57,4%, в Енисейской – на 38,6, в Новониколаевской – на 34,0 в Алтайской – на 21,9, в Иркутской – на 3,8 и в Омской губернии – всего лишь на 2%) (см. табл. 2.7).

С учетом поправок, яровые культуры были размещены на площади 4018 тыс. дес., что на 16% превышало результаты 1922 г. В итоге полевой посев в 1923 г. в регионе увеличился на 22% (864 тыс. дес.) и составил 4863,8 тыс. дес. (см. Приложение, табл. 4). Крупные культуры и рожь, имеющие преимущественно потребительский характер, обеспечили более чем 2/3 общего прироста полевого посева. При этом посевы гречихи выросли в 2,4 раза, проса – в 1,6, озимой ржи – в 1,5 раза. Заметный вклад в приращение запашки внес овес (+14,7%). Увеличение посевов пшеницы было минимальным и в абсолютных (+1,1%), и в относительных величинах (19,3 тыс. дес., или 2,2% от общего прироста полевого посева). Пашня, занятая яровой рожью, уменьшилась на 3,6%. Соответствующие изменения произошли в структуре посевов. Доля пшеницы снизилась с 41,4 до 35,1%, доля ржи выросла с 16,7 до 20,0%, крупных – с 12,2 до 16,6%.

По данным «Материалов по характеристике сибирского сельского хозяйства» (см. Приложение, табл. 5), наиболее существенное приращение посевов отмечено в северо-западной зоне (+58,5%). Далее следовали среднесибирская (+46,9%) и центральная (+40,7%) зоны. Значительно отставала от них юго-западная зона (+10%). Низкий прирост на Алтае объяснялся неурожаем предыдущего года в Славгородском уезде. Зафиксированное увеличение площадей в восточном районе было минимальным (+3,8%). В случае введения в вышеприведенные данные поправок на недоучет прирост посевных площадей по восточной зоне будет сведен к нулю, а по остальным зонам несколько снизится.

Росту посевных площадей способствовало относительное сокращение тяжести налогообложения, стремление крестьян выбраться из кризиса, наличие у них семян, оставшихся после урожая прошедшего года. Распоряжение семенными фондами было изъято из ведения продорганов и передано земельным органам, которые стремились к подбору более качественного посевного материала. В озимую кампанию сибирским крестьянам из государственного фонда было выдано 327 тыс. пуд. ржи. Объем распределения семян в яровую кампанию составил более 3 млн пуд., в том числе 1,89 млн – из госфонда, 975 тыс. – из фонда Сибревкома и 260 тыс. пуд. – из запасов губисполкомов⁷⁹. Помимо этого была открыта натуральная семенная кредитная линия. С 1923 г. стало налаживаться денежное кредитование крестьянских хозяйств. Увеличился объем продаж сельхозтехники и инвентаря. Проведенные летом 1922 г. профилактические мероприятия по борьбе с саранчой⁸⁰ позволили значительно снизить ущерб от нее в 1923 г.

В Восточной Сибири погода способствовала наращиванию аграрного потенциала. Урожайность большинства культур повысилась и существенно превышала средние многолетние значения (озимой ржи – на 7 пуд./дес., пшеницы – на 6 пуд., овса – на 4 пуд./дес.) и лишь по яровой ржи – уступала (3 пуд./дес.). В Западной Сибири, напротив, урожай оказался еще более низким, чем в 1922 г. (овса – 35 пуд./дес., яровой ржи – 28 пуд., пшеницы – 30 пуд./дес., что было ниже средних показателей на 14, 10, 14 пуд.) (см. Приложение, табл. 9). Наиболее низкие показатели урожайности пшеницы были зафиксированы на территории Славгородского, Рубцовского, Омского и Каменского округов (9,2, 13,7, 14,8 и 16,3 пуд./дес. соответственно), овса – на территории Омского, Рубцовского и Каменского округов (10,5, 10,7 и 14,1 пуд./дес.)⁸¹.

Валовой сбор основных зерновых культур на территории «Сибревкомовской Сибири» в 1923 г., по нашим подсчетам, вырос по сравнению с предыдущим годом на 21% в основном за счет восточных районов. При этом ржи собрали на 64%, а пшеницы только на 4% больше, чем в 1922 г.⁸² Объем выращенного урожая был меньше показателей 1917 г. почти наполовину. Во многих хлебопроизводящих районах юго-западной части края продовольственная ситуация оставалась тяжелой. К началу 1924 г. голод опять охватил Славгородский уезд Омской губернии и Рубцовский уезд Алтайской губернии, Акмолинскую губернию Казахской АССР⁸³. Отдельные проявления голода фиксировались в Сибири до весны 1925 г.⁸⁴

В 1924 г. масштабы государственных мер по стимулированию аграрного производства расширились еще больше. Размеры семенной помощи, оказанной сельскому населению Сибири, увеличились на 39%, в том числе в наиболее пострадавшей от прошлогоднего неурожая Ом-

ской губернии – на 87%. Заявка земельных органов региона на выдачу семян из госфонда была удовлетворена на 91,5%. Существенно улучшилось качество выдаваемых семян. Общая сумма денежных кредитов, выданных крестьянам, выросла с 0,5 млн руб. в 1923 г. до 5 млн руб. в 1924 г., объем продаж сельхозтехники и инвентаря – с 800 тыс. руб. до 1,5 млн руб.⁸⁵ Увеличился масштаб землеустроительного, агрономического и зооветеринарного обслуживания деревни. Восстанавливалась и развивалась сельскохозяйственная кооперация. Налаживалось товароснабжение деревни через постоянно растущую сеть потребительской кооперации.

Осенью 1923 г. озимые культуры в регионе разместили, с учетом поправок, на 1030,6 тыс. дес., что на 22% превышало показатели предыдущего года. Прирост по-прежнему был достигнут за счет расширения посевов озимой ржи (на 184,7 тыс. дес.). Площадь, занятая озимой пшеницей, сократилась с 4,9 тыс. до 4,5 тыс. дес. В 1924 г. яровые культуры были размещены на площади 4060,7 тыс. дес., что лишь на 1,1% превышало результаты 1923 г. В итоге полевой посев увеличился на 4,7% (227,5 тыс. дес.) (см. Приложение, табл. 4).

Наиболее позитивным итогом года стало значительное увеличение площадей, занятых пшеницей, составившее 375,6 тыс. дес. (+21,3%). 22%-ное приращение посевов озимой ржи в абсолютных величинах (184,7 тыс. дес.) уступало этому показателю. Рост овсяного поля оказался более скромным (+7,7%). Посевы ячменя и яровой ржи снизились (соответственно на 24,4 и 6,2%). На результаты кампании в целом повлияло почти двукратное сокращение посевов крупяных культур (главным образом проса), минимизировавшее общий прирост пашни, занятой яровыми. Соответствующие изменения произошли и в структуре посевов. Доля пшеницы увеличилась (с 35,1 до 40,9%), ржи – несколько повысилась (с 20,0 до 22,6%), а крупяных – резко сократилась (с 16,6 до 8,4%).

По сведениям Сибземотдела, общий прирост площади посевов в регионе в 1924 г. (без учета поправок) составил 9,8%. В Алтайской, Ново-николаевской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях она увеличилась на 11,7, 24,7, 5,2, 18,2 и 13,9% соответственно, а в Омской губернии уменьшилась на 6,2% (см. табл. 2.7). На ситуацию в Омской области повлиял недород 1923 г. в ее основных зернопроизводящих уездах. Темпы приращения посевных площадей снизились по всем зонам, особенно значительно – по северо-западной, среднесибирской и центральной. Исключение составляла восточная зона, где в 1924 г. зафиксировано увеличение посевов. В Западной Сибири прирост в центральной зоне (+9,8%) несколько превышал показатели юго-западной (+6,5) и северо-западной (+5,7%) зон (см. Приложение, табл. 5). В случае введения в вышеприведенные данные поправок на недоучет

прирост посевных в каждой из сельскохозяйственных зон несколько снизится.

О степени восстановления зернового хозяйства можно судить, сравнив данные за 1924 и 1920 гг. Увеличившись по сравнению с 1922 г., размеры полевого посева в 1924 г. почти на четверть (23,3%) уступали показателям 1920 г. (см. Приложение, табл. 5, 6). В 1924 г. овса в регионе было засеяно в 2,1 раза, пшеницы в 1,3 раза меньше, чем в 1920 г. Существенно сократились площади, занятые ярицей и ячменем. Прирост посевов озимой ржи составил 138%. Еще более впечатляющим оказалось увеличение посевных площадей, отведенных под крупяные культуры (+446%). Изменилась структура посевов. Удельный вес ржи повысился с 10,4 до 22,6%, крупяных – с 1,2 до 8,4% (проса – с 0,6 до 5,8%), пшеницы – снизился с 49,6 до 40,9%, овса – с 30,6 до 18,9%. За счет увеличения посевов технических культур и картофеля доля зерновых культур в целом сократилась с 97,3 до 94,0%. Существенно вырос удельный вес ржи на территории традиционно пшеничных округов: Омского – с 2,5 до 26,0%, Каменского – с 1,8 до 10,5%, Славгородского – с 0,1 до 7,3%. В Новониколаевском округе ржи в 1924 г. посеяли больше, чем пшеницы. В итоге доля ржи увеличилась по сравнению с 1920 г. с 6,2 до 32,9%, а пшеницы – снизилась с 48,7 до 24,6%⁸⁶.

По сведениям Сибземагдела (без поправок на недоучет), посевная площадь в 1924 г. составляла от уровня 1920 г. в Иркутской губернии 108,2%, в Томской – 92,1, в Енисейской – 86,5, в Новониколаевской – 74,4, в Алтайской губернии – 70,2%. Наиболее сложной ситуация была в Омской губернии, посевы в которой уступали показателям 1920 г. на 52% (см. табл. 2.7). Размеры посевов (с поправками на недоучет) в основных сельскохозяйственных зонах Западной Сибири существенно уступали показателям 1920 г. (в центральной – почти на треть, в юго-западной – на четверть). В среднесибирской зоне количественные параметры полеводства были близки к восстановлению (90,3%). В северо-западной и восточной зонах площадь посевов в 1924 г. незначительно превысила уровень четырехлетней давности (на 0,6 и 1,2% соответственно)⁸⁷.

В 1924 г. в Восточной Сибири собрали высокий урожай. Сбор с одной десятины превышал показатели предыдущего года (по озимой ржи – на 2 пуд, яровой ржи – на 12, пшенице – на 11, овсу – на 5 пуд.), а также средние многолетние значения (по овсу, озимой и яровой ржи – на 9 пуд.), а по пшенице – вообще оказался рекордным – 69 пуд./ дес. В Юго-Западной Сибири урожайность пшеницы и овса была относительно низкой. Превосходя по обоим культурам показатели 1923 г. на 7 пуд., она уступала средним значениям также на 7 пуд. В то же время сбор озимой ржи оказался достаточно высоким, что подтверждало пра-

вильность стратегии крестьян на расширение ее посевов (см. Приложение, табл. 9). На большей части Степного Алтая 1924 г. вновь был недоуродным. Средний сбор пшеницы в Славгородском, Рубцовском и Каменском уездах составлял 12,3, 14,5 и 13,8 пуд./дес., овса – 6,8, 12,7, 12,5 пуд./дес.⁸⁸ Валовой сбор основных зерновых культур в 1924 г., по нашим подсчетам, в целом по региону увеличился по сравнению с 1923 г. на треть, но по-прежнему существенно уступал докризисному уровню (показателям 1917 г. – на 30%)⁸⁹.

Зерновое хозяйство на протяжении всего исследуемого периода являлось базовой отраслью аграрной экономики Сибири. Массовое аграрное переселение привело к существенному увеличению его масштабов. Экстенсивное поступательное развитие отрасли, преодолевшей спад начального этапа Первой мировой войны, продолжилось в конце 1910-х гг. Даже разрыв хозяйственных связей, затруднивший сбыт продукции и поставки сельскохозяйственной техники в регион, не дестабилизировал ситуацию. Напротив, на фоне высоких урожаев зерновых, сопровождавших первое революционное трехлетие, происходило дальнейшее расширение посевных площадей. В то же время сверхнормативное изъятие зерна государством в рамках продразверстки и продналога в начале 1920-х гг., совпавшее с чередой неурожаев, вызвало обвальное падение зернового производства. При этом непродуманные, отягощенные «классовым подходом» меры экономической помощи деревне позитивного влияния на ситуацию в отрасли не оказали. Снижение уровня налогового-податного обложения крестьянского хозяйства в сочетании с расширением рыночных механизмов регулирования аграрной экономики способствовало восстановлению отрасли, начавшемуся в 1923 г.

---

¹ В 1913/14 г. удельный вес земледелия в стоимости регионального валового сельскохозяйственного продукта составлял 71% (Белая З.И. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982. С. 213).

² Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 48.

³ Там же. Т. I. С. 592.

⁴ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 303, 307, 308; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 34–36.

⁵ Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 г. // Статистический бюллетень. Новосибирск, 1927. С. 69.

⁶ Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. С. 396.

⁷ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 303.

⁸ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 252.

⁹ Приведенные в монографии В.Г. Тюкавкина и в 3-м томе «Истории крестьянства Сибири» показатели совпадают по большинству позиций, за исключением данных за 1916 г. по Иркутской губернии и за 1917 г. – по Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниям и Забайкальской области.

¹⁰ Довоенным максимумом для Сибири мы считаем уровень 1914 г. в силу абсолютного преобладания в регионе ярового посева – более 90% пашни засеяли весной 1914 г., т.е. еще до начала войны.

¹¹ См.: Кротт И.И. Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1918 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 104; Кушнир Е.Н. Развитие сельского хозяйства в годы Первой мировой войны // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск, 2010. Вып. 14. С. 120–126; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 40. Основанный на статданных, введенных в научный оборот Л.М. Горюшкиным, вывод о поступательном развитии зернового производства в годы Первой мировой войны был сделан и одним из авторов данной монографии (см.: Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 40; Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность) / Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А. [и др.]. Новосибирск, 2002. С. 236).

¹² Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов как исторический источник // Крестьянство Сибири в период разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 117, 120.

¹³ Соболев А. Очередные задачи экономической политики Западной Сибири // Сельскохозяйственная жизнь (Омск). 1917. № 6. С. 8; Томская губерния. Томск, 1917. С. 19.

¹⁴ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 465.

¹⁵ Там же. С. 37. Данные за 1914–1915 гг. в «Сборнике статистико-экономических сведений» отсутствуют.

¹⁶ На долю территории, входившей в Томскую губернию в границах будущего Сибирского края, приходилось более половины посевных площадей.

¹⁷ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 70, 82.

¹⁸ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 253.

¹⁹ Приложение, табл. 9; Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины... С. 81, 83.

²⁰ Географические рамки сельскохозяйственных зон приведены во Введении (с. 10).

²¹ Погубернские итоги Всероссийской... С. 68, 69, 80, 81.

²² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 253.

²³ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 308.

²⁴ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 40.

²⁵ Известия Министерства земледелия (Омск). 1919. № 1. С. 22.

²⁶ Нагнибеда В.Я. Виды на урожай хлебов и трав в Алтайско-Томской части Сибири в 1918 г. // Статистико-экономический бюллетень (Томск). 1919. № 14–16. С. 123.

²⁷ Русь (Омск). 1919. 9 авг.

²⁸ Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны: дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 1974. С. 445–446. Сверить данные Ю.В. Журова с источником его информации не удалось. Указанная им архивная легенда не соответствует современной нумерации. Тщательное изучение дел использованного советским историком архивного фонда Сибстатуправления также не привело к положительным результатам.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 186. Л. 11.

³⁰ См.: Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории. Новосибирск, 2008. С. 56–68; Рынков В.М. Восстановление землевладельческих прав в Сибири во второй половине 1918 – первой половине 1919 г.: законодательство и практика // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2.

³¹ Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны. С. 106.

³² Удельный вес пшеницы, ржи, овса и ячменя, вместе взятых, в общем валовом сборе зерновых превышал 90%.

³³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 29 об.

³⁴ Там же. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 59. Л. 171–172.

³⁵ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 219. Л. 24–24 об.

³⁶ По данным сельхозпереписей, площадь посева в Иркутской губернии в 1920 г. уступала показателям 1917 г. на 18% (без поправок на недоучет) и на 14,3% – с поправками. По сведениям губземотдела, в 1920 г. посев в губернии сократился по сравнению с 1919 г. на 12% (Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 102; ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 186. Л. 11).

³⁷ Иваненко В.И. Сельское хозяйство Тюменской (Тобольской) губернии в 1914–1922 гг. // Аграрная модернизация России в XIX–XX вв.: реформы, проблемы, перспективы. Оренбург, 2012. С. 166.

³⁸ Сборник статистико-экономических сведений... С. 11, 25, 38.

³⁹ Приложение, табл. 9, 10; Гензель С. Движение урожая с одной казенной десятины... С. 69, 86.

⁴⁰ Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 219.

⁴¹ М[ерхалев] Дм. Сельское хозяйство Сибири в 1920 г. // Красная Сибирь (Омск). 1921. № 1. С. 49.

⁴² ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 198. Л. 9.

⁴³ Сельское хозяйство Сибири в XX веке. С. 32.

⁴⁴ Красная Сибирь. 1921. № 1. С. 68–69.

⁴⁵ Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь–июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 57; Красная Сибирь. 1921. № 1. С. 70–71.

⁴⁶ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 854. Л. 38–38 об.

⁴⁷ По другим данным, дающим поуздную сводку по основным видам хлебов, только потребность в семенах яровых составляла 5211 тыс. пуд., озимых –

123 тыс. пуд. (там же. Д. 412. Л. 8–8 об.). Вошедшее в историографию утверждение о том, что семенная ссуда в 1921 г. составила 4,5 млн пуд. (см.: Горюшкин Л.М. Сельское хозяйство Сибири в восстановительный период 1921–1925 гг. // Сибирь в период строительства социализма. Новосибирск, 1966. Вып. 6. С. 56; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период: 1921–1925. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С. 218), основано на более поздних сводных данных Сибревкома, вероятно, являющихся неполными (см.: Краткий отчет Сибирского революционного комитета Первому Сибирскому краевому съезду советов. Новониколаевск, 1925. С. 13).

⁴⁸ Жизнь Красной Сибири. 1921. № 3–4. С. 39.

⁴⁹ Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь–июнь 1921 г. С. 58.

⁵⁰ Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД: документы и материалы: в 4 т. М., 2000. Т. 1: 1918–1922 гг. С. 607; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1124. Л. 60; Д. 971. Л. 1–7.

⁵¹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 854. Л. 59.

⁵² Алтай в восстановительный период. Барнаул, 1960. С. 30.

⁵³ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 845. Л. 18–19.

⁵⁴ Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. Т. 1. С. 610.

⁵⁵ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 61. Л. 26 об., 29 об., 38 об., 40 об.; Д. 198. Л. 9 об.

⁵⁶ Там же. Д. 374. Л. 138.

⁵⁷ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. С. 216–217.

⁵⁸ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 393. Л. 2.

⁵⁹ Приложение, табл. 9; Гензель С. Движение урожая с одной казенной десятины... С. 69.

⁶⁰ Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края. 1920–1928 гг. Новосибирск, 1930. Вып. 1: Полеводство и луговое хозяйство. С. 91–101.

⁶¹ Сельское хозяйство Сибири в XX веке. С. 219.

⁶² Сурнов И. Перспективы посевной кампании в 1923 г. // Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 14.

⁶³ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 40.

⁶⁴ Шуранова Е.Н. Голод 1922 года в Сибири // Актуальные вопросы гуманитарно-правовых и социально-экономических исследований. Кемерово, 2005. С. 235–240; Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. Т. 1. С. 560, 573–574, 663, 683; Т. 2: 1923–1929. С. 59; Новониколаевская губерния – Новосибирская область. 1921–2000: Хроника. Документы. Новосибирск, 2001. С. 17.

⁶⁵ Сельское хозяйство Сибири в XX веке. С. 219.

⁶⁶ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 222. Л. 57; Д. 1382. Л. 17.

⁶⁷ Там же. Д. 1020. Л. 24–24 об.

⁶⁸ Там же. Л. 22.

⁶⁹ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 750а. Л. 159; Самсонов В. Итоги продкампании 1922 года в Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 112.

-
- ⁷⁰ Сборник статистико-экономических сведений... С. 465.
- ⁷¹ Приложение, табл. 9; Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины... С. 69.
- ⁷² Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике... С. 91–101.
- ⁷³ Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. Т. 2. С. 69, 78–79, 87, 100, 104, 107, 118, 122, 133, 136.
- ⁷⁴ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. С. 102.
- ⁷⁵ См.: Марковский С.С. Направление агрономической мысли Омского центрального сельскохозяйственного общества // Труды Омского центрального сельскохозяйственного общества (Деятельность учреждений общества за 1920–1922 гг.). Омск, 1923. С. 9–17; Он же. Эволюция и перспективы сельского хозяйства в Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1925. № 2. С. 66–82; [Шилдаев И.С.] Кризис залежной системы // Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. С. 237–245; Осипов И.И. Основные предпосылки аграрной политики Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 1. С. 15–21; Он же. Сибирское сельское хозяйство и его перспективы. Новосибирск, 1926.
- ⁷⁶ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. С. 241.
- ⁷⁷ Осипов И.И. Основные предпосылки аграрной политики... С. 11.
- ⁷⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2972. Л. 57 об.; ГАНО. № Р-1129. Оп. 1. Д. 203. Л. 50, 53–54, 57; Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 213. Л. 14; Котов А. Агрономические перспективы Сибири // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4. С. 168–185; Сельскохозяйственные районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и мероприятия сельскохозяйственной политики: материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29–1932/33 гг. // Труды Земплана. М., 1927. Вып. 13. С. 51–52.
- ⁷⁹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1303. Л. 4–5.
- ⁸⁰ Сельское хозяйство Сибири в XX веке. С. 219–220.
- ⁸¹ Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике... С. 91–101.
- ⁸² Рассчитано: Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины... С. 69; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 144, 149.
- ⁸³ Шуранова Е.Н. Отношение сибирских крестьян к налогу в период расцвета нэпа (1923–1925 гг.) // Экономическая история Сибири XX века: материалы всерос. науч. конф. Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 100; Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. Т. 2. С. 179, 211, 228–229, 235–236.
- ⁸⁴ Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. Т. 2. С. 321.
- ⁸⁵ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1651. Л. 45; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. С. 193, 203.
- ⁸⁶ Сборник статистико-экономических сведений... С. 11.
- ⁸⁷ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 115.
- ⁸⁸ Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике... С. 91–101.
- ⁸⁹ Рассчитано: Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины... С. 69; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 144, 149.

Глава 3

ХЛЕБОЗАГОТОВКИ

В начале XX в. хлебная торговля в Сибири имела почти исключительно частнохозяйственный характер. Низовые заготовительные рынки находились главным образом в руках мелких скупщиков, которые приобретали зерно непосредственно в деревнях, перехватывали крестьянские обозы, следующие на хлебные базары, скупали хлеб на станциях и пристанях. Затем львиная доля хлебопродуктов попадала в сферу деятельности крупных купцов, торговых и экспортных фирм, мукомольных компаний и синдикатов. Казна покупала хлеб для армии в небольшом количестве, главным образом для продовольствия местных гарнизонов. Например, в 1913 г. государственные хлебозаготовки составили 5 млн пуд.¹

Объемы хлебной торговли и темпы роста зернового хозяйства сдерживались первоначально малой пропускной способностью Транссиба и тарифной политикой государства. Царское правительство, защищая помещичий хлеб европейской части империи от конкуренции со стороны дешевого сибирского крестьянского хлеба, с момента открытия Транссибирской магистрали ввело так называемый «челябинский тарифный перелом». В соответствии с ним кроме общего пудоверстного сбора с сибирского хлеба после Челябинска взималась плата, равная еще одному сбору. Дискриминационная практика была отменена лишь в 1913 г.²

Несмотря на препятствия, вывоз хлеба из Сибири нарастал, сокращаясь в неурожайные годы, а также в связи с загруженностью железной дороги. По данным Л.М. Горюшкина, из Сибири по железной дороге в 1897–1902 гг. вывезли 57,3 млн пуд., в 1903–1908 гг. – 217,9 млн, в 1909–1914 гг. – 280,7 млн пуд.³

Первая мировая война способствовала расширению государственных хлебозаготовок. В сентябре 1914 г. уполномоченным по заготовке хлеба в Сибири был назначен заведующий сельскохозяйственными складами переселенческого управления. Он координировал работу губернских и областных уполномоченных. Общесибирский уполномоченный ориентировался прежде всего на сотрудничество с кооперативными организациями. 4 сентября 1914 г. он собрал в Омске совещание и передал кооперативам подряд на весь объем овса (3 млн пуд.), необходимого казне, и на 1,5 млн из 2 млн пуд. – ржаной муки⁴.

Наибольшую активность на хлебном рынке проявила кредитная кооперация, под влиянием войны постепенно трансформировавшаяся преимущественно в сельскохозяйственную. Ее финансово-денежная работа отошла на второй план, а организация хлебозаготовок превратилась в основное направление. Активную роль на непрофильном для нее хлебном рынке стала играть маслодельная кооперация. В борьбе за производителя кооперативы и частные торговцы шли на повышение закупочных цен. Отслеживая шаги друг друга, стороны искали районы, не охваченные деятельностью конкурентов, использовали временные перерывы в работе противоположной стороны, моментально реагируя снижением заготовительных цен. Но соревноваться с хорошо отлаженным частно-торговым аппаратом кооперативам было сложно.

Важную роль в расширении возможностей кооперации сыграли хлебозалоговые операции. Коопсоюз, заключая контракт на поставку определенного количества хлеба, получал от Государственного банка аванс в размере 50% от его рыночной стоимости. Деньги распределялись между товариществами и дальше – между крестьянами, принявшими на себя обязательства перед кооперативом, пропорционально количеству законтрактованного хлеба. Это позволило кооперативам не торопиться с его поставкой, а выжидать сезона повышения цен. Известно, что весенние цены на хлеб в Сибири поднимались на 30–50% против осенних, и взявшие залоговые ссуды имели возможность выждать до весны⁵. Некооперированные производители получали залоги лишь на четверть стоимости хлеба, а отдельные крестьяне вообще не могли вступать в отношения с банком. Таким образом, государство обозначило предпочтительность кооперативов в качестве посредника на хлебном рынке. Масштабы хлебозалоговых операций расширялись. В 1913 г. к ним прибегали лишь 15% кредитных товариществ Томской губернии, в 1914 г. – 30%, в 1916 г. – почти все⁶. За это время практически полностью исчез частный залог, а частные торговцы оказались вытеснены с рынка кооперативами.

По условиям контрактов приемка от производителей продукции должна была проходить в крупных конторах или пунктах кооперативных организаций в присутствии представителей от Департамента земледелия. Широкое распространение получило создание при союзах специального штата хлебных инструкторов. Специалисты помогали наладить сортирование хлебопродуктов и их правильное хранение⁷, то есть продолжали на местах ту работу, которая возлагалась на правительственных уполномоченных по заготовкам, и работали в тесной связи с ними. Это способствовало расширению закупок через кооперативные союзы и сокращению частного посредничества.

Объемы поставок хлебопродуктов в годы Первой мировой войны зависели от валовых сборов и транспортных условий. Но тенденция к увеличению товарности хлеба в регионе, тем не менее, оказалась очевидной. Мобилизационные мероприятия вызвали сокращение вывоза хлебопродуктов из Сибири с 59,7 млн пуд. в 1913 г. до 45,7 млн пуд. в 1914 г.⁸ В сезон 1915 г. излишки хлеба в Сибири составили 250–260 млн пуд.⁹ Несмотря на избыток хлеба в Сибири, казна старалась производить основные его закупки в европейской части страны, ближе к фронту. Но общий вывоз хлеба из региона значительно превышал довоенный. Из сибирских губерний и областей в 1915 г. вывезли¹⁰ 81,3 млн пуд. хлеба (табл. 3.1). При этом интендантству удалось заготовить для армии 46 млн пуд. зерна, или 16% от общероссийского объема¹¹. Из них около 10 млн пуд. заготовила кооперация, в том числе 4 млн – Союз сибирских маслодельных артелей¹². Сибирь выступила важнейшим поставщиком хлеба не столько для армии, сколько для населения европейской части России. Особенностью военного времени стала скупка в Сибири овса для создания фуражных запасов в армии. Если до войны товарность этой культуры была невысока, то теперь многие хозяйства переориентировались на выращивание неприхотливого и находящего регулярный сбыт овса¹³.

Таблица 3.1

Вывоз хлеба из Сибири по железной дороге в 1915–1919 гг., млн пуд.

Год	В европейскую часть России			На Дальний Восток
	продовольственные хлеба	фуражное зерно	всего	
1915	43,4	36,9	80,3	1,0
1916	38,9	4,4	53,3	0,3
1917	30,4	9,1	39,5	–
1918	12,9	9,0	21,9	–
1919 (первое полугодие)	7,9	5,1	13,0	–
Итого	133,5	74,5	208,0	–

Источник: Дм. М[ерхалев]. Сельское хозяйство Сибири в 1920 году // Красная Сибирь (Омск). 1921. № 1. С. 51.

В постнеурожайный 1916 г. поставки из Сибири сократились до 53,6 млн пуд. При этом крестьяне реализовали часть ранее накопленных запасов. По данным С.А. Сидоренко, с 1 августа 1915 г. по 1 августа 1916 г. из Сибири вывезли свыше 100 млн пуд. хлебопродуктов¹⁴. Причины сохранения относительно высокого уровня товарности зернового

производства следует искать в активизации различных заготовительных структур. С осени 1915 г. на сибирских рынках параллельно действовали уполномоченные Министерства земледелия и Особого совещания по продовольствию. Они работали через посредников, главным образом кооперацию и сельскохозяйственные общества, скупавшие хлеб и фураж у всех производителей. В Сибирь начали прибывать заготовители продовольственных организаций из европейской части России. Спрос стимулировал предложение. Из урожая 1916 г. было заготовлено 39,5 млн пуд., или половина всех товарных излишков зерновых. Это составило 7,8% от общероссийских заготовок¹⁵.

Затягивание войны, расширение ее масштабов, вызвавшее инфляцию, рост цен, нарушение обмена между городом и деревней и все нараставшие трудности в снабжении продовольствием армии и городов привели к активному вмешательству государства в процесс ценообразования, а затем и к монополизации им оптового хлебного рынка. С 1915 г. закупочные цены устанавливались Особым совещанием по продовольствию. При этом до 1916 г. государственные цены были близки к рыночным. Деятельность частного капитала в сфере заготовок признается однозначно деструктивной и органами государственного управления, и широкой общественностью. В декабре 1916 г. царское правительство заявило о своем праве отчуждать в принудительном порядке по твердым ценам необходимое для нужд армии и оборонной промышленности количество хлебопродуктов (хлебная разверстка Ритгиха)¹⁶.

Временное правительство пошло на дальнейшее расширение государственного регулирования хлебного рынка. 25 марта 1917 г. было принято постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства». В мае 1917 г. Министерство продовольствия распорядилось проинвестировать учет всех хлебных посевов для осуществления этой меры. Были подтверждены твердые цены, установленные на кампанию 1916/17 г., которые в целом соответствовали рыночным, что обеспечило неплохое поступление хлеба. Однако инфляция к лету 1917 г. изменила ситуацию, а ухудшение работы транспорта обернулось неравномерным ростом цен в различных регионах. В августе 1917 г. Временное правительство провело двукратное повышение твердых цен, которое чаще всего игнорировалось местными продовольственными организациями. После этого связь твердых цен с рыночными оказалась надолго утраченной. Все последующие власти продемонстрировали неспособность отслеживать рыночную конъюнктуру и производили чисто механическую индексацию твердых цен, обычно далеко не соответствовавшую реальному соотношению спроса и предложения. В течение следующего года рыночная цена хлеба увеличилась в 5 раз, твердые цены остались неизменными¹⁷.

Несмотря на революционные потрясения и сохранявшийся острейший недостаток рабочих рук, в 1917 г. в Сибири наметился рост запашки. К осени в Сибири образовались значительные излишки хлеба. В советской историографии их определяли в 134 млн пуд.¹⁸ Но, вероятно, они были значительно больше, так как все источники указывают, что 1917 г. оказался для Сибири самым урожайным за все время войны. Достоверные сведения о заготовках в этом году отсутствуют в связи с постоянными перестройками продовольственного аппарата под влиянием революции. При этом из-за расстройств работы транспорта вывоз хлеба из региона резко сократился. По данным Д. Мерхалева, он составил 39,5 млн. пуд. (см. табл. 3.1).

Основным агентом казны в регионе стали кооперативные союзы, которые добивались повышения закупочных цен и комиссионного вознаграждения. Несмотря на установление приемлемых цен, казна с конца лета 1917 г. стала задерживать расчеты за поставки¹⁹. В условиях быстрого падения курса рубля отсрочки платежей делали работу производителей с кооперативами менее привлекательной. Это подталкивало крестьян к сбыту своей продукции на вольном рынке, тем более что такая возможность у них была. В 1917 г. в поход за сибирским хлебом из-за Урала двинулась волна представителей общественных продовольственных организаций, уполномоченных на заготовки хлеба для населения. Они не были связаны казенными твердыми ценами. Осенью 1917 г., несмотря на аресты и реквизиции, применяемые властями, прилегающие к Транссибу территории наводнили неорганизованные «мешочники» – жители из испытывавших продовольственные затруднения районов европейской части страны, которые приобретали хлеб для себя и частично для продажи²⁰. В результате в Сибири появился огромный нелегальный и ничем не регулируемый рынок сбыта.

Осень 1917 и зима 1917–1918 гг. были периодом борьбы за советскую власть в Сибири. Роль координатора работы всех продовольственных организаций на территории Сибири взял на себя Краевой продовольственный комитет Западной Сибири и Урала. Образованный в августе 1917 г. по инициативе кооператоров, осенью 1917 г. он оказался под контролем большевиков, которые приняли курс на жесткую централизацию продовольственных заготовок с опорой исключительно на советы. Естественно, это вызвало недовольство со стороны той части продовольственных органов, которую советская власть пыталась отстранить от работы. Однако кооператоры сами не были противниками централизации заготовок, но при этом настаивали на сохранении своей лидирующей роли²¹. Категорический запрет на скупку и перепродажу хлебопродуктов частными лицами даже не обсуждался и считался само собой разумеющимся всеми участниками этой дискуссии.

Советская продовольственная политика в регионе определилась к весне 1918 г. Сибирь на этот раз занимала в планах правительства одно из ведущих мест. Еще в феврале 1918 г. СНК РСФСР назначил чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Сибири члена коллегии Наркомпрода А.Г. Шлихтера. Прибыв в Сибирь, Шлихтер получил 19 апреля чрезвычайные полномочия СНК по объединению всех продовольственных мероприятий в своих руках²². Он предложил сибирским советским органам активнее использовать вооруженную силу для изъятия хлеба у крестьян, выступил с инициативой национализации кооперативного продовольственного аппарата.

Особый упор был сделан на организацию вывоза хлеба из региона и борьбу с «мешочниками». Масштабные карательные акции против них сопровождались реквизициями. Изъятые продовольственные грузы передавались местным советам, вывозились в центр. Напуганные «мешочники» стали покидать Сибирь. Реквизиции принесли советской власти продовольствия на сумму 2,6 млн руб., в то время как недополученный мелкими скупщиками объем продукции определялся сибирскими экспертами в 10–15 млн руб.²³ Акции военного устрашения предпринимались не только против «мешочников», но и против производителей зерна, не желавших продавать его по низким ценам. Реквизиции вооруженными отрядами хлеба и других продуктов по твердым ценам у сельских жителей были весьма частым явлением. Они нередко приводили к столкновениям крестьян с отрядами советской милиции и Красной гвардии²⁴.

Но не только насилие должно было стать методом осуществления советской государственной монополии на основные продукты продовольствия. В распоряжение Краевого продовольственного комитета Западной Сибири и Урала из центра страны были отправлены огромные запасы промышленных товаров (более 600 вагонов) и 200 млн руб. для организации закупок и товарообмена²⁵. Сибирские продовольственные работники вступили в противостояние с А.Г. Шлихтером, отстаивая более умеренный курс. В частности, они блокировали идею национализации кооперативов, доказав, что это означало бы ликвидацию налаженного заготовительного аппарата, который советской власти пока нечем заменить.

Вопрос о количестве продуктов, заготовленных продовольственными органами Сибири в первые месяцы советской власти, остается нерешенным, но наиболее известные в историографии сведения колеблются от 9,8 млн до 14 млн пуд. В.С. Познанский, определявший объем заготовок хлеба в первой половине 1918 г. в 9,8 млн пуд., оговорил приблизительность использованных им сведений о работе советских продовольственных органов²⁶. Однако приведенные им данные валового сбо-

ра хлебов – 249 млн пуд. – занижены²⁷ и, следовательно, приукрашивают результаты советской продовольственной работы. Примечательно, что после хорошего урожая 1917 г. заготовки не просто сократились – только четверть из заготовленного вывозилась в европейскую часть России. Относительно налаженная ранее работа заготовительного аппарата трещала по всем швам. Сибирских крестьян не устраивали низкие, искусственно сдерживаемые государством цены, недостаток наличных денег, чтобы оплачивать хлеб даже по таким ценам, отсутствие товаров и постоянные угрозы изъять силой имевшиеся излишки.

Летом 1918 г. советская власть на востоке России была свергнута. В условиях расстройтва частного торгового аппарата население городов, заводских и потребляющих сельских районов нуждалось в продовольственном снабжении через распределительные органы. Полное продовольственное обеспечение было необходимо Белой армии. Перед победившими антибольшевистскими силами встала проблема организации собственного управления делом заготовок и снабжения.

10 июня 1918 г. при Западно-Сибирском комиссариате учредили отдел продовольствия, который 1 июля 1918 г. преобразовали в министерство. 6 июля 1918 г. Временное сибирское правительство подтвердило государственное регулирование торговли хлебом, но установило новые правила продовольственной работы²⁸. Во-первых, устанавливались новые предельные цены, летом 1918 г. приблизительно соответствовавшие рыночным. Во-вторых, производители хлеба получали право свободного сбыта своей продукции как непосредственному потребителю на рынках, так и оптовым скупщикам. В-третьих, на хлебном рынке могли выступать только зарегистрированные организации или объединения частных торговцев. Примечательно, что частник был возвращен на рынок в качестве полноправного заготовителя хлеба. Но уполномоченные Министерства продовольствия обязаны были регистрировать всех участников заготовок, объемы имевшихся у них хлебных продуктов и могли затребовать у них любое количество хлеба по предельным ценам. Предполагалось, что государство останется преобладающим держателем и распорядителем хлебных продуктов и будет регулировать рынок, сдерживая рост цен.

В конце лета – осенью 1918 г. государство выступило на рынке продовольственных товаров не только как регулятор, но и как крупнейший покупатель. Деятельность уполномоченных по продовольствию оказывала серьезное влияние на хлебный рынок. Осенью 1918 г. в Акмолинской области, Алтайской, Енисейской, Тобольской и Томской губерниях все заготовки и торговля кооперативов, органов местного самоуправления, органов снабжения промышленных предприятий оказались под контролем уполномоченных. В то же время сами уполномо-

ченные в соответствии с указаниями вышестоящих инстанций начали осуществлять закупку хлеба у населения напрямую или через посредников. К 1 августа 1918 г. хлебофуражный отдел Министерства продовольствия выдал населению и армии 2978 тыс. пуд. хлебопродуктов, в том числе военному ведомству – 1119 тыс. пуд.²⁹ После этого в распоряжении хлебофуражного отдела осталось 866 тыс. пуд. зерна. Кроме того, местные уполномоченные по продовольствию передали продорганам для распределения среди гражданского населения 708 тыс. пуд., и в их распоряжении осталось 2685 тыс. пуд. хлебопродуктов³⁰.

Объем государственных заготовок оказался значительно ниже рыночного предложения по причинам, прежде всего, финансового характера. Первые затруднения в отношениях государства и его продовольственных контрагентов – кооперативов возникли уже в конце июля 1918 г. и были связаны, как и в прошлом году, с несвоевременной оплатой сданных в казну продуктов³¹. Спеша преодолеть недостаток средств, Министерство финансов Временного Сибирского и Российского правительств осуществило масштабную эмиссию денег в крупных купюрах, что вызвало осенью 1918 г. дефицит мелких денежных знаков и внесло еще большие затруднения в дело заготовок³².

Несмотря на финансовые затруднения, казенные запасы продовольствия осенью 1918 г. продолжали увеличиваться. К 21 ноября 1918 г. удалось заготовить 396 тыс. пуд. хлебопродуктов. Следовательно, в распоряжении государства сосредоточилось около 3 млн пуд. хлебопродуктов. Кроме того, министерство заключило контракты на поставку до 12 млн пуд. зерновых³³. Хотя государственные заготовки удалось возобновить, их объемы едва ли были значительны для урожайного года. По сведениям Д. Мерхалева, в 1918 г. из Сибири было вывезено 21,9 млн пуд. хлебопродуктов (см. табл. 3.1). Около половины этого объема приходилось на осень 1918 г.

Твердые цены быстро перестали соответствовать рыночным, и даже на их покрытие в казне недоставало денег³⁴. На повестку дня встал вопрос о минимизации государственного вмешательства в сферу заготовок. 10 декабря 1918 г. Совет министров Российского (колчаковского) правительства принял постановление о полной отмене государственного регулирования хлебной торговли³⁵. Введение свободной торговли сопровождалось отменой ограничений на закупочные и розничные цены, а также на деятельность частного хлеботоргового капитала. Российское правительство провозгласило, что отныне оно берет на себя обязательство только по снабжению армии. Населению же следовало закупать продовольствие на вольном рынке. 20 декабря 1918 г. произошло объединение министерств продовольствия и снабжения³⁶. С единого мини-

стерства была снята обязанность обеспечивать хлебом гражданское население.

Благодаря смягчению условий работы на рынке частных торговцев, продовольственные заготовки на некоторое время оживились, цены на рынке поднялись и производители выпустили на продажу крупные партии продукции. В качестве крупнейших субъектов заготовительного рынка по-прежнему оперировали крупные кооперативные союзы. Министерство продовольствия и снабжения, как и в царские времена, предпочитало заключать договоры на приобретение продовольствия не с частными предпринимателями, а с кооперацией. На закупках хлеба специализировался Союз сибирских кредитных союзов («Синкредсоюз»). За период с августа по декабрь 1918 г. он закупил в деревне по твердым ценам и передал Министерству продовольствия 920 тыс. пуд. пшеницы, 635 тыс. пуд. овса. После отмены государственного регулирования «Синкредсоюз» продолжал закупать у населения хлеб по свободной цене. На комиссионных началах он предоставил казне к марту 1919 г. еще 656 тыс. пуд. овса, кроме того, осуществил поставку кооперативам и городским продовольственным управам Сибири 212 тыс. пуд. пшеницы³⁷. Помимо крупных заказов министерства, кооперативы выполняли поручения местных уполномоченных продовольствия и снабжения. Как правило, такие заготовки частично авансировались, а частично оплачивались после передачи продуктов заказчику.

Широко использовали свое право вести оптово-закупочную деятельность органы самоуправления. Почти все городские управы, губернские и уездные земства в период контрреволюции занимались заготовкой продовольствия для местного населения. Продовольственная работа большинства губернских центров осенью 1918 г. приняла значительные масштабы. Например, Томская городская продовольственная управа организовала на алтайских железнодорожных станциях несколько ссыпных пунктов и вела закупки хлеба на сотни тысяч пудов³⁸. Правда, продовольственные управы чаще покупали продукцию у кооперативов или уполномоченных Министерства продовольствия, чем сами приобретали его у производителей.

Частные закупки продовольствия летом–осенью 1918 г. существенно отставали от государственных, кооперативных и муниципальных. В 1919 г. положение стало меняться. В условиях свободы продовольственной торговли активизировался частный торговый аппарат, который все более успешно вел скупку продовольствия. Паралич транспорта был основным фактором, сдерживавшим спрос на продовольствие. Заготовители, затоварившиеся в местах приобретения хлеба еще в начале заготовительного сезона, приостанавливали свою деятельность. Тем не менее железнодорожная статистика свидетельство-

вала о вывозе из Сибири в западном направлении 13 млн пуд. хлебопродуктов (см. табл. 3.1).

Сбор нового урожая совпал с отступлением Белой армии и ростом партизанского движения. Хлебозаготовки начались в августе 1919 г. довольно бойко. Уполномоченные по продовольствию старались расширить сеть агентов, приобретающих хлеб напрямую для казны. Параллельно вели заготовку кооперативы, которые частично работали по госзаказам. Однако рынок был крайне демополизирован, что мешало успешной работе казны. Частные торговые организации, способные предлагать более высокие цены и не стесненные недостатком наличности, выигрывали в конкурентной борьбе³⁹.

Оставление Урала привело к сильному падению закупочных цен на хлеб в Сибири, лишившейся важнейшего рынка сбыта⁴⁰. Отступавшая и терявшая надежду на победу власть упорно не оставляла попыток организовать государственные заготовки. В ноябре и декабре 1919 г., потеряв практически все сельскохозяйственные рынки, Российское правительство попыталось развернуть новую кампанию по закупке продовольствия у населения Енисейской и Иркутской губерний. 26 декабря 1919 г. полевой инспектор армии сообщал, что работа заготаппарата в этих регионах по-настоящему развернулась только недавно. Уполномоченным были спешно выданы крупные денежные авансы, собраны имевшиеся на Транссибирской магистрали товары для использования их в товарообмене. В результате за последние месяцы 1919 г. заготовки казны, проводившиеся в районах Красноярска, Канска и главным образом в Манчжурии, по сведениям товарища министра продовольствия и снабжения Н.А. Мельникова, достигли 2168,5 тыс. пуд. муки и зерна, 51,5 тыс. пуд. овса⁴¹. Результаты, впечатляющие для правительства, находившегося накануне краха, крайне незначительны по сравнению с итогами предыдущих лет.

На территории, находившейся под юрисдикцией советского государства, в это время действовала введенная декретом СНК РСФСР от 11 января 1919 г. продовольственная разверстка, предусматривающая, что крестьяне должны сдать государству имевшиеся в хозяйстве излишки, которыми считалась вся продукция сверх нормативно установленных расходов для личных и хозяйственных нужд. В действительности продразверстка исчислялась исходя из государственных потребностей и затем распределялась сверху вниз по областям, губерниям, уездам, волостям, обществам и отдельным крестьянским хозяйствам зачастую без учета их реальных возможностей.

В Сибири после восстановления в ней советской власти хлебозаготовки велись методом «самотека», т.е. путем практически бесплатных добровольных поставок крестьянами. При этом на территории, подве-

домственной Сибревкому, разрешалась свободная торговля продовольствием. Региональная власть фактически выступила в противовес уставке центра на скорейшее изъятие продовольствия. Советское государство испытывало острейший недостаток хлеба, и Наркомпрод осенью 1919 г. прямо указывал Сибревкому на то, что Сибирь обладает колоссальными излишками хлеба, и одна из первостепенных задач регионального органа власти – заготовка и вывоз сельхозпродуктов. Аргументом же сибирского руководства в пользу мягких форм продовольственной работы стала не только слабость государственного аппарата в Сибири, который был еще не в состоянии осуществлять заготовки жесткими методами, но и необходимость успокоить крестьян, вселить в них уверенность в том, что при условии обработки преимущественно трудом своей семьи земля не будет у них отобрана.

Но ситуация 1920 г. отличалась в неблагоприятную сторону от предшествовавших лет. Никакой уверенности в завтрашнем дне крестьяне не почувствовали. До февраля 1920 г. хлебозаготовки составили 3375 тыс. пуд. Но галопирующая инфляция начала года показала бессмысленность обмена хлеба на советские деньги, и после кратковременного бума деревня перестала возить его на государственные и кооперативные заготовительные пункты. В связи с резким сокращением госзаготовок в течение февраля–апреля 1920 г. в различных губерниях Сибири стали переходить к предварительной разверстке. Она вводилась на часть продовольственных излишков (от 50 до 75%), выполнялась без применения мер принуждения, свободная торговля при этом сохранялась. Главным средством выполнения продразверстки являлась агитация.

Крестьяне продолжали пользоваться возможностью продавать хлеб в городах. Однако советская власть все чаще стала определять их действия как спекуляцию и уже весной 1920 г. стала ограничивать выход сельских жителей на рынки. Поэтому возникало сомнение, стоит ли дальше наращивать производство товарных излишков сельхозпродуктов, не находящихся сбыта.

Между тем советская власть, выждав, когда посевные работы будут близки к завершению, перешла от методов «самотека» и предварительной разверстки с сохранением относительной свободы хлебооборота к полномасштабному принудительному изъятию продукции. С 1 июня 1920 г. хлебная торговля была запрещена, на путях сообщения выставлялись заградотряды. Размеры введенной разверстки были увеличены, установлены сроки ее выполнения. К уклонявшимся от выполнения разверстки разрешалось применять принудительные меры. В деревню были направлены части продармии и продотряды. Информационные сводки губернских ЧК зафиксировали резкое недоволь-

ство крестьян Юго-Западной Сибири введением продовольственной диктатуры, которое вылилось в серию локальных вооруженных выступлений. В итоге на подведомственной Сибревкому территории из назначенных в счет разверстки 1919/20 г. 65,7 млн пуд. хлеба до начала августа 1920 г. удалось собрать 31,3 млн пуд., из них 14,6 млн пуд. – «самотеком», остальное – принудительными методами. Около 13 млн пуд. было отправлено в центральные районы РСФСР и использовано для снабжения Красной армии⁴².

22 июля 1920 г. СНК своим декретом поставил перед советскими органами Сибири беспрецедентную задачу – изъять у местного населения все излишки, собрав в рамках продразверстки 1920/21 г. 110 млн пуд. хлеба. Взять его у крестьян предстояло практически безвозмездно, поскольку стоимость имевшегося в распоряжении местных продорганов товарного фонда покрывала лишь 3,5% назначенного к изъятию хлеба⁴³. На совещании в Наркомпрое 3 августа 1920 г. представители Сибревкома, учитывая неурожай, сообщили о том, что Сибирь в наступающем сельскохозяйственном году сможет дать по разверстке максимум 58 млн пуд., однако их доводы не были услышаны⁴⁴. Погубернская раскладка основывалась на средних показателях валового сбора за последние годы и не учитывала текущего недорода. Поэтому Восточная Сибирь, несмотря на относительно более высокий урожай, получила сравнительно небольшие задания. Основная тяжесть разверстки выпала на зернопроизводящие уезды Алтайской и Омской губерний. Именно на выкачку хлеба из этих районов нацеливалась работа продорганов. Задание по сбору разверстки распределялось по волостям, населенным пунктам и крестьянским дворам без учета их реальных возможностей. По данным Сибпродкома, ошибочно было назначено около 40% продовольственных заданий⁴⁵.

В начале осени темпы заготовок далеко отставали от плановых. По требованию центра с конца октября 1920 г. нажим на деревню в регионе резко усилился. Основным методом изъятия хлеба стало насилие. На волости и селения, не выполнявшие задания, налагался штраф в виде дополнительной разверстки. Действия продработников встречали сопротивление крестьян, которое подавлялось вооруженной силой, в том числе частями Красной армии. В Алтайской и Тюменской губерниях локальные конфликты и стычки населения с властями во второй половине января – феврале 1921 г. переросли в Сорокинский и Западносибирский мятежи.

В итоге к 1 июля 1921 г. в Омской, Семипалатинской, Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях удалось заготовить только 67,4 млн пуд. хлебофуража, что составило 22% от полученного органами Наркомпроеда РСФСР. Около 25 млн пуд. хлеба вывезли из

Сибири в европейскую часть России и Дальневосточную республику. Руководство страны официально признало, что во второй половине 1920 – первой половине 1921 г. советская республика жила в основном за счет продовольственных ресурсов, полученных из Сибири и Северного Кавказа⁴⁶.

Катастрофический недород 1920 г. в наиболее хлебных уездах Сибири и сверхнормативное изъятие в них зерна по продразверстке привели к возникновению дефицита семян. В Калачинском и Тюкалинском уездах Омской губернии из-за нехватки продовольственного зерна весной – летом 1921 г. разразился голод. Таким образом, уже на второй год после окончательного установления советской власти в Сибири проявилась особенность ее «плановых» методов управления сельским хозяйством. Установленный, как правило, из оптимистических прогнозов, план продовольственных заготовок с большим трудом поддавался корректировке. Обычно это происходило с опозданием и уже после того, как его выполнение приводило к катастрофическим последствиям.

Массовые антисоветские вооруженные выступления на Алтае, в Томской губернии, с трудом подавленное Западносибирское восстание, на три недели прервавшее железнодорожное сообщение Сибири с Центральной Россией, антоновщина, Кронштадт, угроза всеобщего взрыва в деревне вынудили большевистский режим уступить крестьянству, требовавшему установления строго фиксированных обязательств перед государством и разрешения свободной торговли излишками сельскохозяйственной продукции.

Переход от продразверстки к продналогу был декларирован 15 марта 1921 г. в известной резолюции X съезда РКП(б)⁴⁷, а затем законодательно оформлен декретом ВЦИК РСФСР от 21 марта «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». В соответствии с этим документом государственная монополия на сельскохозяйственную продукцию и разверстка как способ ее осуществления отменялись. Государство становилось собственником не всей произведенной крестьянами продукции, а только ее части, отчуждаемой в форме строго фиксированного натурального налога. Остальное количество продовольствия и сырья, как бы велико оно ни было, оставалось в полном распоряжении крестьянина и могло быть использовано им «для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного и кустарного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства»⁴⁸.

Однако провозглашение нэпа не привело к одномоментному введению свободной торговли. Сибревком своим постановлением от 30 марта разрешил обмен, продажу и покупку хлеба лишь в уездах, выполнивших разверстку не менее чем 75%. На остальные районы это решение рас-

пространялось по мере выполнения заданий по разверстке, сбор которой фактически завершился с наступлением весенней распутицы⁴⁹. По завершению продовольственной кампании часть продотрядов осталась в сибирских деревнях. Они продолжали выявлять излишки семенного хлеба и, конфискуя их, распределяли между деревенской «беднотой»⁵⁰. Это дополнительно сократило потенциал сибирской деревни к весне-лету 1921 г.

Установленное задание по сбору продналога 1921/22 г. для Сибири было меньше хлебной разверстки предыдущего года на 42%. Однако по отдельным губерниям соотношение хлебной части продналога 1921/22 г. и продразверстки 1920/21 г. сильно различалось (%)⁵¹:

<i>Губернии</i>	
Новониколаевская	35,5
Омская	41,0
Томская	50,0
Иркутская	63,5
Енисейская	70,0
Алтайская	95,7
Сибирь в целом	58,0

По официальным данным, доля налогового отчуждения хлеба составила в Новониколаевской губернии 13% от валового сбора, в Омской – 24, в Алтайской – 19%⁵². При этом в среднем по стране этот показатель был на уровне 10%. Но в условиях резкого сокращения посевов и низких урожаев приведенные цифры не отражали реальной ситуации. Власти бойко отчитывались о понижении обложения каждой десятины посевов, а крестьяне жаловались на то, что продовольственные органы проигнорировали сокращение посевной площади и начислили налог на посевы 1920 г.⁵³

Предварительное исчисление урожая, являвшееся основой для продорганов при определении размера налога, оказалось недостоверным. Томская губерния считалась благополучной, и ее хлебный баланс при умеренном продналоге должен был сводиться с избытком. Но подсчеты производили исходя из среднего урожая в губернии в 55 пуд./дес. Дожди и сильный град во второй половине лета привели к тому, что накануне посевной урожай определяли уже в 15 пуд. яровых и 22 пуд. озимых с десятины. Вместо ожидавшихся продорганами 18% от валовых сборов натуральный налог, полученный с крестьянских хозяйств Томской губернии сполна, отнял у них 50,6%⁵⁴.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Омской, Алтайской и Иркутской губерниях. Повсеместно в Сибири крестьяне при поддержке волостных органов ходатайствовали о снижении продналога, считая, что

продовольственные органы зависили размеры облагаемой пашни⁵⁵. Вопреки объявленному курсу продналог оказался в целом по Сибири больше предыдущей продразверстки в пересчете на десятину посева, увеличившись с 11 до 12 ржаных единиц. В Славгородском уезде он оказался на 65% выше разверстки, а в некоторых волостях размер налога превышал валовые сборы В начале 1922 г. в ряде местностей крестьяне вынуждены были закупать хлеб в других районах для уплаты налога. Причем заградительные отряды отбирали этот хлеб на пути, препятствуя осуществлению подобных операций⁵⁶.

Взимался налог не менее «драконовскими» методами, чем продразверстка. На время заготовок местные власти вновь запретили торговлю сельхозпродуктами, широко применяли принудительный обмолот и сдачу зерна, «наложение репрессий на крестьян» в виде полного изъятия хлебопродуктов (включая семена) и конфискации скота у жителей целых деревень. Во многих районах дело дошло до применения вооруженной силы. 15 тыс. крестьян были арестованы за уклонение от налогов. Приговоры выездных сессий ревтрибуналов носили очень суровый характер: конфискация части или всего имущества, лишение свободы с применением принудительного труда на шахтах или лесозаготовках, высылка в отдаленные районы, расстрел. Массовый характер приняли злоупотребления продработников: организация местных концлагерей, заключение неплательщиков в холодные амбары, угроза расстрелами и даже их инсценировка⁵⁷. Задание по сбору продналога 1921/22 г. было выполнено на 96,6%, что составило 27% от объемов заготовок по стране⁵⁸. Из собранных в счет налога 35 млн пуд. хлебопродуктов 20 млн вывезли за пределы региона⁵⁹.

В продналоговую кампанию 1922/23 г. вместо отдельных налогов ввели единый натуральный налог. Размер обложения любой продукции крестьянского хозяйства, включая животноводческую, выражался в ржаных единицах. Запланированный размер нового натурального налога сократился с 48,8 млн ржаных единиц до 39,0 млн. Однако сокращение посевных площадей и поголовья скота перекрывало уменьшение объемов сбора налога. Следует также отметить, что помимо обязательных поставок в госфонд (36,9 млн ржаных единиц), крестьяне должны были сдавать произведенную продукцию в продовольственный фонд Сибревкома и местные фонды. Планы по поставкам в них определялись в 2,14 млн и 5,4 млн пуд. соответственно⁶⁰.

В начале осени 1922 г. сибирские крестьяне, воспользовавшись правом замены хлебофуража мясом и выгодным эквивалентом их пересчета, начали массовую сдачу мясoproдуктов (см. гл. 4). Более предпочтительным для них оказалось и выполнение налога за счет крупяных и масличных культур. В то же время объемы поступления пшеницы, ржи

и зернофуража оставались низкими. Для выполнения «твердого» задания по их сбору с конца сентября 1922 г. на полную мощность заработал аппарат принуждения и наказания неплательщиков⁶¹.

Задание по сбору единого натурального налога 1922/23 г. в Сибири было выполнено в беспрецедентно короткие сроки – к концу ноября. Объем отчуждения всех зерновых и крупяных культур продуктов составил 29 млн пуд., из которых 25,4 млн пуд. было передано в госфонд. Таким образом, крестьяне из общего объема валовых сборов отдали государству на 6 млн пуд. меньше, чем в прошлом году⁶². И если общий размер отчуждения хлеба по продналогу по сравнению с прошлым годом значительно сократился, то изъятие хлеба с одной десятины пашни уменьшилось не столь значительно (с 8,6 до 7,5 ржаных единиц)⁶³.

Но это обобщающие показатели. Установленные центром контрольные цифры площади подлежащей обложению пашни оказались более высокими, чем фактически выявленные. Крестьяне указали наличие у них 2973,8 тыс. дес. посевов. Налог собирался не с удвоенного посева, как это было предусмотрено законодательством, а с 7151,8 тыс. дес.⁶⁴ Наиболее существенное несоответствие между принятой для обложения и реальной площадью посева пришлось на пострадавшие от неурожая районы Алтайской и Омской губерний. Для достижения контрольных цифр на местах прибегали к приему времен военного коммунизма – их разверстке по уездам, волостям, населенным пунктам и дворохозяиствам⁶⁵.

В 1923/24 г. вместо единого натурального налога, а также ряда государственных и местных налогов и повинностей был введен единый сельскохозяйственный налог, который в 1923 г. уплачивался как в натуральной, так и в денежной форме, а с января 1924 г. – только деньгами. Размеры натуральной части налога существенно снизились, для Сибири они были определены в 6,3 млн пудов ржаных единиц. Вместе с платежами в общесибирский и местный фонды натуральная часть налога составила 16,5 млн пуд. и имела следующее распределение по регионам Сибири⁶⁶:

<i>Губернии</i>	млн пуд. рж. ед.
Алтайская	3,7
Енисейская	3,4
Новониколаевская	2,7
Омская	3,6
Томская	3,1

В Иркутской губернии, Ойротии и Бурят-Монгольской АССР налог взимался только в денежной форме. Следовательно, внерыночное изъ-

ятие в регионе сократилось в 3–5 раз по сравнению с двумя предыдущими сельскохозяйственными годами. К резкому снижению налогового-податного давления на Сибирь привела стабилизация сельского хозяйства в европейской части страны. Центр признал валовой сбор зерновых в Сибири в 1923 г. неудовлетворительным. Хлеба в регионе собрали больше, чем в предыдущие два года, но значительно ниже средних валовых сборов дореволюционного и революционного времени (см. гл. 2).

Помимо продналога государство получало хлеб путем его приобретения на рынке. С весны 1921 г. государство, учитывая дезорганизацию денежной системы и, более того, руководствуясь неизжитыми «военно-коммунистическими» иллюзиями, стремилось наладить непосредственный продуктообмен между товаропроизводителями. При этом свободный обмен ограничивался пределами местного оборота, а монополия на межрайонный хлебооборот и ведение вненалоговых заготовок от имени государства передавались потребительской кооперации, которой диктовались как их способы (тварообмен), так и уровень цен (обменных эквивалентов). Однако как тварообмен, так и монополия потребкооперации показали свою нежизненность.

С 1 сентября 1921 г. по 1 января 1922 г. Сибцентросоюз приобрел 4151 тыс. пуд. хлеба, реализовав свою заготовительную программу на 44%⁶⁷. На слабый темп вненалоговых заготовок в первую очередь повлияло сверхнормативное изъятие хлеба по продналогу. После его сдачи товарных излишков у крестьян практически не оставалось. Аппарат потребкооперации, потерявший в годы «военного коммунизма» свою коммерческую направленность и занимающийся исключительно распределением товаров, не был готов к столь быстрой смене функций. Материально-технические возможности кооперации не позволяли ей стать заготовителем-монополистом. Промышленных товаров было недостаточно для ведения тварообменных операций. Ассортимент и качество товаров, предлагаемых потребкооперацией в обмен на продовольствие, не соответствовали крестьянским нуждам. Непосредственные тварообменные операции сопровождались необычайной волокитой. Не удовлетворяли сельских жителей и обменные эквиваленты, которые для сельскохозяйственной продукции были занижены, а для протоваров завышены.

Параллельно с попытками государства организовать непосредственный тварообмен чрезвычайно быстрыми темпами развивалась купля-продажа на вольном рынке. Здесь отсутствовал контроль за ценообразованием и цены формировались в зависимости от спроса и предложения. Спрос же на сельхозпродукцию в этот период значительно превосходил предложение, и цены на нее на рынке в отличие от государственно-

кооперативной системы постоянно росли и существенно превосходили цены на промтовары. Более разнообразным на вольном рынке был и выбор⁶⁸.

Советское государство, неспособное удовлетворить даже минимальные потребности населения голодающих регионов в продовольствии, с февраля 1922 г. было вынуждено пойти на достаточно радикальную демополизацию рынка. Снимались ограничения на свободу торговли. Право коммерческих заготовок получили все государственные и кооперативные организации, желающие вести закупки, а также частные лица. Закупочные цены были «отпущены». Государственные заготовительные организации переводились на хозрасчет. Децентрализовывалась кооперативная система, взаимоотношения внутри которой стали строиться на коммерческой договорной основе⁶⁹.

Ускорившийся весной 1922 г. процесс демополизации рынка завершен не был. Более того, с лета 1922 г. наметились некоторые тенденции к его ремонополизации. Были созданы крупные государственные заготовительные организации, которые наряду с кооперативными объединениями и союзами пользовались преимущественным правом получения государственных кредитов и другими льготами. Взамен на них возлагалась обязанность ведения закупок хлеба для нужд государства. Для координации деятельности государственных и кооперативных заготовительных организаций и общего регулирования рынка в центре создавались специальные государственные управленческие структуры. В руках государства оставались элеваторы, холодильники, портовое и складское хозяйство, железные дороги, регулярные водные пути сообщения. Отвергались всякие попытки поставить под сомнение неизбежность государственной монополии внешней торговли. С помощью указанных видов госмонополий советская власть имела возможность непосредственно влиять на заготовительный рынок. Государство не снимало с повестки дня задачу сосредоточения в своих руках максимально возможных объемов излишков сельхозпродукции и допускало потенциальную возможность перехода к директивному ценообразованию в случае признанного властями неблагоприятным для государственных интересов уровня закупочных цен.

Тем не менее степень демополизации заготовительного рынка в большинстве регионов страны в 1922/23 и 1923/24 гг. оставалась достаточно высокой. Увеличились как абсолютные, так и относительные объемы рыночной реализации хлебопродуктов. Их заготовками свободно занималось большое количество крупных и мелких государственных и кооперативных торгово-закупочных организаций. Доля частных торговцев в закупках хлеба в масштабах всей страны составила в 1922/23 г. от 66 до 73%, в 1923/24 г. – от 47 до 54%⁷⁰. В целом рыночным оставался и

механизм образования хлебных цен. Государство регулировало их уровень преимущественно экономическими методами. В случае роста цен, признанного нежелательным, производилась массовая реализация («интервенция») на потребительском рынке продукции, полученной по натуральному налогу.

Ситуация в Сибири имела принципиальные отличия. Если в большинстве регионов страны в 1922 г. началось восстановление аграрного производства, то сельское хозяйство Сибири находилось в состоянии глубокого кризиса. Высоким оставался уровень отчуждения зерна по натуральному налогу. В связи с этим объемы товарного предложения хлеба в регионе были минимальными. Государственные, кооперативные и частные торгово-закупочные организации из потребляющих районов игнорировали бедный сибирский рынок, и он оказался изолированным от общероссийского.

Сибирские государственные и кооперативные заготовители, не имея собственных средств и не получая финансовой и материально-технической поддержки из центра, попали в жесткую зависимость от властей региона, которые фактически провели монополизацию хлебного рынка. Согласно принятому в начале сентября 1922 г. решению Сибревкома всем организациям и учреждениям, нуждающимся в хлебе, предписывалось приобретать его у областной конторы акционерного общества «Хлебопродукт» или губернских союзов потребкооперации, которым передавалась монополия на закупки зерна для государственных нужд. Использование услуг частных посредников категорически запрещалось. К нарушителям введенных запретов применялись административные меры воздействия. Право на предоставление вагонов под хлебные грузы получали только те организации, которые исполняли указание Сибревкома⁷¹.

С целью контроля за принятым решением и согласования вопросов, связанных с хлебозаготовками, создавались сибирская и губернские «пятерки» по реализации урожая. В борьбе с частным капиталом местные власти часто шли на нарушение закона, подвергая арестам частных хлеботорговцев⁷². Властные структуры Сибири осуществляли административное вмешательство и в процесс ценообразования. В начале сентября 1922 г. «сибпятерка» ввела на территории региона жестко контролируемые предельные заготовительные цены на хлебопродукты (максимальные лимиты). Подобная практика вызвала осуждение центра. В ноябре 1922 г. СТО своим постановлением лишил местные власти права установления предельных закупочных цен и отменил уже введенные лимиты⁷³.

Отмена лимита не оказала влияния на динамику цен. Несмотря на то, что товарные излишки зерна в регионе были минимальными, здесь от-

существовали как средства, так и необходимость в их закупке. Хлеб из региона не вывозился, а внутренний спрос в значительной степени удовлетворялся за счет продналога. В результате в Новониколаевской, Омской и Енисейской губерниях рыночные цены на рожь в январе 1923 г. были ниже цен августа 1922 г. соответственно в 4,6; 3,6 и 4,1 раза, на пшеницу – в 3,7; 3,6 и 2,5 раза⁷⁴.

С тем чтобы преодолеть заготовительную депрессию, Сибревком летом 1923 г. принял решение о снятии существующих ограничений торгово-закупочной деятельности. Право заготовок в регионе получили все желающие. Запрещалось применение административных мер по отношению к частному капиталу, а основным методом борьбы с ним называлась «здоровая конкуренция». С целью изыскания дополнительных средств для финансирования закупок при Сибревкоме создается специальная финансовая комиссия, а «сибпятерка» упраздняется. При этом право первоочередного кредитования получили наиболее крупные государственные и кооперативные заготовительные организации (основные заготовители)⁷⁵.

Осенью 1923 г. принятые меры к желаемым результатам не привели. Несмотря на то, что в этом году в регионе прекратилось падение сельхозпроизводства и наметился его рост, положение в аграрном секторе экономики края оставалось неблагоприятным. Его доля в товарных излишках зерна не превышала 2% от общего их объема в целом по стране⁷⁶. В условиях, когда в европейской части СССР, в отличие от Сибири, зерна в руках заготовителей было в избытке, они по-прежнему игнорировали сибирский рынок. Сибирь не включили в общесоюзный план хлебозаготовок. В связи с этим централизованных кредитов регион не получил, а внутренних финансовых ресурсов катастрофически не хватало. В результате платежеспособный спрос на хлебопродукты свелся к минимуму. Тем более что часть потребностей городского населения в них по-прежнему удовлетворялась за счет натурального налога. Одновременно вследствие начавшихся восстановительных процессов в сельском хозяйстве выросло предложение зерна. Крестьяне, остро нуждавшиеся в деньгах для покупки промтоваров и уплаты денежных налогов, увеличили его вывоз на рынок. В итоге наметившаяся летом 1923 г. тенденция к росту закупочных цен в Сибири осенью сменилась их падением.

Крайне низкий уровень хлебных цен держался и в других районах страны. В то же время государство инициировало существенный рост промышленных цен. К октябрю 1923 г. цены на сельхозпродукцию в Сибири составляли 58%, а цены на промтовары – 162% от довоенного уровня⁷⁷. Как следствие, снизилась покупательная способность крестьянства и возник кризис сбыта промышленной продукции. Низкий

уровень закупочных цен подрывал стимулы к расширению крестьянского хозяйства. Отношение к советской власти со стороны сельских жителей ухудшилось. Чтобы не допустить приостановки восстановительных процессов в аграрном производстве и снять политическое напряжение в деревне, государство предприняло ряд мер к исправлению ситуации.

В административном порядке снижались цены на промтовары. С целью увеличения спроса на зерно существенно вырос его экспорт. Эту же цель преследовала отмена с января 1924 г. натурального налога. Увеличилось кредитование торгово-закупочной деятельности государственных и кооперативных заготовительных организаций. Начавшийся вследствие принятых мер рост закупочных цен с начала 1924 г. распространился и на Сибирь. Цены на хлеб росли и в связи со снижением его предложения. Сельские товаропроизводители вначале вследствие недовольства их низким уровнем, а затем – уловив тенденцию к изменению конъюнктуры, сократили вывоз зерна на рынок. При этом большая часть его запасов сосредоточивалась у зажиточных крестьян, которые имели возможность задерживать реализацию, надеясь на дальнейшее повышение цен⁷⁸.

Повсеместный рост хлебных цен уже в конце февраля – начале марта 1924 г. создал перед государством серьезные проблемы. Падение курса иностранной валюты по отношению к червонцу привело к тому, что закупочные цены на хлебпродукты приблизились к их реализации за границей. Нерентабельность экспорта могла свести на нет результаты только что проведенной денежной реформы. А высокие цены на продукты питания вызвали социальную напряженность в городах. В связи с этим советское руководство приняло курс на снижение уровня сельскохозяйственных цен. Кредитование заготовок и объемы экспорта сокращались. В города и регионы, испытывавшие дефицит продовольствия, форсированно перебрасывались зерно и мука из накопленных за счет натурального налога государственных запасов для массовой реализации по демпинговым ценам. Государственным и кооперативным заготовительным организациям были даны директивы о снижении закупочных цен до устанавливаемых максимальных пределов (ориентировочные лимиты). Выше этих цен вести заготовки не рекомендовалось⁷⁹.

Ограничивалось количество организаций, которым разрешалась закупка продукции у производителей. Если центральные органы государственного управления сочетали экономические и административные методы регулирования рынка, то в Сибири предпочтение отдавалось административным. В начале марта 1924 г. в регионе были введены не ориентировочные лимиты, а жестко контролируемые предельные цены. В результате принятых мер хлебные цены как в целом по стране, так и в

Сибири начали снижаться. В связи с этим их лимитирование было отменено⁸⁰.

Размеры внеалоговых заготовок в начале 1920-х гг. в Сибири были невелики, но имели тенденцию к росту. В 1921/22 г. Сибцентросоюз и подчиненные ему губсоюзы потребкооперации приобрели 5275 тыс. пуд. хлебопродуктов. В 1922/23 и 1923/24 гг. закупки сибирских государственных и кооперативных заготовочных организаций по заданию региональных властей и для собственных нужд составили соответственно 5436 тыс. и 15 280 тыс. пуд.⁸¹

В целом же заготовки зерна в регионе в начале 1920-х гг. снижались. По более поздним сведениям Наркомторга СССР, в 1920/21–1923/24 гг. совокупные объемы всех видов государственных хлебозаготовок, включая продразверстку и продналог, в территориальных рамках Сибирского края составляли (тыс. пуд.)⁸²:

1920/21 г.	59,7
1921/22 г.	39,0
1922/23 г.	28,6
1923/24 г.	19,6

Кризис зернового производства, причинами которого стали сверхнормативное обложение сибирских крестьян разверсткой и не менее тяжелым продналогом 1921/22 г., а также два сильных недорода подряд, привел к трехкратному сокращению поступления хлеба в государственный фонд. В результате в 1921/22 г. доля региона в общесоюзных госхлебозаготовках составляла 16,8%, а в 1923/24 г. – 4,7%⁸³.

На подготовку к хлебозаготовительной кампании 1924/25 г. повлиял недород в производящих губерниях европейской части страны, который создал угрозу непредсказуемого роста цен на сельскохозяйственную продукцию, способного поколебать госбюджет, стабильность червонца, понизить уровень жизни горожан. В то же время натуральный налог с января 1924 г. был отменен, и государство лишилось возможности реализации на рынке получаемого по налогу дешевого хлеба. Для предотвращения неконтролируемого роста цен советское руководство решило вернуться к практике их лимитирования.

Определенной гарантией успеха государственной политики регулирования рынка в 1924/25 г., по мнению руководителей советской экономики, был хороший урожай, собранный в Сибири, тем более что хлебные цены в 1923/24 г. держались там на достаточно низком уровне. Закупленный в регионе в большом количестве дешевый хлеб мог стабилизировать обстановку в неурожайных и потребляющих регионах. В связи с этим на Сибирь был возложен значительный государственный план хлебозаготовок, его выполнение объявлялось ударной задачей. В каче-

стве основных плановых заготовителей на сибирский рынок допускались «Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз потребительской кооперации, Сибирский союз сельскохозяйственной кооперации (Сибсельскосоюз), региональные конторы Госторга РСФСР (Сибгосторг), Госбанка и Ромасложирсиндиката, а также местная организация Сибторг, в задачи которой входило снабжение хлебом потребляющих районов Сибири. Кроме того, на всей территории региона допускались заготовки железнодорожной потребительской кооперации (СибТПО), призванной удовлетворить потребности в хлебопродуктах рабочих и служащих сибирских железных дорог⁸⁴.

Однако в конце лета 1924 г. централизованные заготовки в Сибири проходили неудовлетворительно. Урожай еще не был собран. Спрос же на хлебопродукты повысился, и цены на них стали расти. Введение максимальных лимитов не остановило увеличения хлебных цен. Ввиду необходимости срочного проведения закупок семян озимых зерновых культур для снабжения ими пострадавших от засухи районов они постоянно повышались. Продолжался рост хлебных цен и в европейской части страны. В связи с этим было принято решение о их существенном снижении.

В Сибири 6 сентября лимиты на пшеницу были установлены в размере 65–70 коп. за пуд, на рожь – 45–50 коп. В то же время в августе среднемесячные закупочные цены на указанные культуры составляли в регионе соответственно 1 р. 10 к. и 67 коп. за пуд⁸⁵. Подобная акция, хотя и понизила уровень цен, практически парализовала заготовительную деятельность плановых государственных и кооперативных организаций. При планируемом к 1 ноября 15%-ном выполнении годового задания было закуплено к этому времени в целом по региону всего 8% от плана. В ноябре заготовки составили чуть больше половины месячного задания⁸⁶.

Крестьяне продавали свое зерно наводнившим Сибирь частникам и инорайонным государственным и кооперативным заготовителям, которые предлагали за хлеб хотя и относительно невысокие, но превосходящие лимитный уровень цены (на частников лимиты не распространялись, а инорайонные организации их не соблюдали). В восточных губерниях, где частников и инорайонных заготовителей было мало, крестьяне вообще отказывались продавать зерно по низким, по их мнению, ценам.

С тем чтобы улучшить централизованный хлебозакуп, сибирские власти пошли на применение жестких и в большинстве своем незаконных, даже с точки зрения официального советского права, административных мер против инорайонных заготовителей и частников, в результате которых они были изгнаны с хлебного рынка. Вследствие этого в

декабре и январе плановые хлебозаготовки прошли в целом успешно. Средние слои деревни к этому времени еще не были настолько самостоятельными, чтобы достаточно долго воздерживаться от выхода на рынок. Произошло и некоторое повышение хлебных цен⁸⁷.

Однако в феврале 1925 г. объемы централизованного хлебозакупа вновь резко сократились. Не имея в создавшихся условиях возможностей экономического воздействия на рынок (отсутствие государственных запасов хлеба, с помощью которых можно было осуществить массовый его выброс на рынок с целью снижения цен), государство, с тем чтобы стимулировать предложение зерна, было вынуждено постоянно увеличивать закупочные цены. В марте в Сибири они превышали показатели ноября в 1,6–1,7 раза и продолжали расти вплоть до лета⁸⁸. Основной выигрыш при этом получали зажиточные крестьяне, сумевшие придержать хлеб и продать его по ценам, превосходящим осенние почти в два раза.

Увеличенный в ходе кампании годовой план в итоге был выполнен на 98%. Всего за год основным государственным и кооперативным организациям удалось закупить 48,6 млн пуд. хлебопродуктов. Абсолютно большую часть вывезенной на рынок продукции закупили основные плановые заготовители. На долю инорайонных заготовительских организаций, частных фирм и на непосредственные покупки горожан приходилось 15–20% от общего объема хлебозакупа (в Омской губернии – до 40%). 40,2 млн пуд. хлебопродуктов, приобретенных основными плановыми заготовительскими организациями в Сибири в период с июля 1924 по июнь 1925 г. включительно, было зачислено в счет общесоюзного централизованного хлебозакупа, доля региона в котором составила 12,8% (в закупе пшеницы – 15,8%). Из Сибирского края в 1924/25 г. вывезли 30 794 тыс. пуд. хлебопродуктов⁸⁹.

Таким образом, хлебная торговля в Сибири в начале XX в. имела частнохозяйственный характер. В годы Первой мировой войны началась монополизация хлебного рынка в руках государства, которая была прервана после свержения советской власти летом 1918 г. В 1920 г. большевистское руководство вводит в регионе режим полномасштабной государственной монополии на произведенное крестьянами зерно, изымаемое по продрозверстке. Весной 1921 г. хлебная монополия была отменена. Государство становилось теперь собственником не всего произведенного зерна, а только его части, отчуждаемой в форме фиксированного натурального налога. Сверхнормативное отчуждение хлебопродуктов по разверстке и продналогу 1921/22 и 1922/23 гг. стало одним из основных факторов сельскохозяйственного кризиса. Помимо натурального налога государство получало сельхозпродукцию путем ее приобретения на рынке. Сокращение объемов налогового изъятия, либерализа-

ция рынка способствовали расширению масштабов рыночных закупок и восстановлению зернового хозяйства к середине 1920-х гг.

---

¹ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 148, 149, 152.

² Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 477.

³ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 148.

⁴ Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 16.

⁵ Там же; Жизнь Алтая. 1915. 18 июня.

⁶ Суслина С.А. Региональный зерновой рынок Сибири в 1900–1917 гг. (по материалам Томской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. С. 90.

⁷ Панова М.В. Сельская кооперация Западной Сибири в период 1-й мировой войны и революции (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 101.

⁸ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 148. Здесь и ниже, в том числе в табл. 3.1, приводятся данные о перевозках по железной дороге. При этом не учтен объем хлеба, вывезенного на Урал водными путями, который в годы Первой мировой войны, по расчетам Д. Мерхалева, составил 3,25 млн пуд. (Дм. М[ерхалев]. Сельское хозяйство Сибири в 1920 году // Красная Сибирь (Омск). 1921. № 1. С. 52).

⁹ Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 гг. Пг., 1916. С. 8.

¹⁰ Вывоз хлеба текущего урожая из Сибири начинался в ноябре–декабре, и большую часть следующего года продолжалась транспортировка зерна и муки из закупок предыдущего года.

¹¹ Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010. С. 25. В литературе встречаются и другие данные, свидетельствующие о более скромных результатах закупок в Сибири хлеба для армии (см.: Продовольственный вопрос в Сибири... С. 9).

¹² Орлов А. Кооперация в России накануне и во время войны. М., 1915. С. 55; Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 7. С. 144.

¹³ Протопопов Б.В. Сеноснабжение и война. М., 1929. С. 45, 49.

¹⁴ Сидоренко С.А. Сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Вопросы истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. Т. 38. С. 314.

¹⁵ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 228.

¹⁶ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 256.

¹⁷ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 260–265.

¹⁸ Шорников М.М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. С. 121. Эти цифры приводятся для Западной Сибири, в Восточной Сибири 1917 г. был неурожайным, и хлебные излишки были минимальными.

-
- ¹⁹ Доклады правления Союза сибирских маслодельных артелей общему собранию уполномоченных Союза 27–31 марта, 1–5 апреля 1917 г. о деятельности союза за 1917 г. Курган, 1918. С. 5–8.
- ²⁰ Доклады правления «Закупсбыт» собранию уполномоченных 14–18 сентября 1917 г. Новониколаевск, 1917. С. 10; Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслоделанию (Курган). 1918. № 1–2. С. 27–28.
- ²¹ Рынков В.М. Руководители Закупсбыта об экономической политике большевиков // Кооперация в Сибири: факторы и условия устойчивого развития. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 167–177.
- ²² Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири. 1917–1922 гг. Омск, 1967. С. 99.
- ²³ Там же. С. 103.
- ²⁴ Ларьков Н.С. Начальный этап Гражданской войны в Сибири. Томск, 1995. С. 140–142, 235, 243; Павлова И.В. Красная гвардия Сибири. Новосибирск, 1983. С. 67, 79–80.
- ²⁵ История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 83.
- ²⁶ Познанский В.С. В.И. Ленин и Советы Сибири. Новосибирск, 1977. С. 78.
- ²⁷ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 253.
- ²⁸ Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства (Омск). 1918. № 3. Ст. 24.
- ²⁹ Заря (Омск). 1918. 8 сент.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 109. Л. 44.
- ³² ГАРФ. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 107. Л. 224.
- ³³ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 312. Л. 16, 17.
- ³⁴ Там же. Л. 16.
- ³⁵ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 46.
- ³⁶ Правительственный вестник. 1919. 11 янв.
- ³⁷ Вестник совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1918. № 4–5. С. 24.
- ³⁸ Народная газета (Томск). 1918. 10, 21 нояб.
- ³⁹ Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общероссийского потребительского союза (1916–1923). Новосибирск, 1999. С. 177–180.
- ⁴⁰ Русь (Омск). 1919. 15 авг.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.
- ⁴² Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. С. 179; П.К. Вопросы продовольствия. Борьба с голодом // Известия Сибревкома. 1920. № 2. С. 17; Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. М., 2000. Т. 1: 1918–1922 гг. С. 268–269, 287–288, 296–297, 300; Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. С. 706.
- ⁴³ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 181; Отчет о деятельности Сибирского революционного комитета с 1 января по 1 августа 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 9.

-
- ⁴⁴ Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922 гг.). Красноярск, 1988. С. 23.
- ⁴⁵ Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. С. 706.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 370–371.
- ⁴⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 213.
- ⁴⁹ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 220–221, 223–224.
- ⁵⁰ Он же. Продовольственные отряды в Сибири (июль 1920 – май 1921 гг.) // Социально-политическое развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. С. 126–127.
- ⁵¹ Жизнь Сибири. 1922. № 1. С. 10.
- ⁵² ГАНО. Ф. Р-1328. Д. 508. Л. 66.
- ⁵³ Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. С. 682, 691.
- ⁵⁴ Дианов А.Г. Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции в период первой продналоговой кампании 1921 года. Ч. 1 // Омский науч. вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2010. № 1. С. 15.
- ⁵⁵ Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. С. 509, 512, 524, 525, 527, 536.
- ⁵⁶ Там же. С. 560; Хенкин Е.М. Сибирь и продовольственное снабжение страны (1920–1922 гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 96; Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа. 1921–1928 гг. Новосибирск, 2005. С. 36.
- ⁵⁷ Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С. 704; Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области. Новосибирск, 1997. С. 53–54.
- ⁵⁸ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 61.
- ⁵⁹ Самсонов В. К итогам продкампании 1922–23 года. Жизнь Сибири. 1923. № 8. С. 134.
- ⁶⁰ Там же. С. 128–131; Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. С. 705.
- ⁶¹ Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. С. 705.
- ⁶² Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 364–365.
- ⁶³ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 62.
- ⁶⁴ Самсонов В. Продовольственное обозрение // Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 171; Он же. Итоги продкампании 1922 года в Сибири // Там же. 1923. № 1. С. 106, 109, 113.
- ⁶⁵ Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. С. 705.
- ⁶⁶ Изв. Сибирского бюро ЦК ВКП(б). 1923. № 63. С. 11.
- ⁶⁷ Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 71, 72.

---

⁶⁸ См.: Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 16–26.

⁶⁹ Там же. С. 27.

⁷⁰ Там же. С. 48.

⁷¹ Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 31.

⁷² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 754. Л. 1; Д. 839. Л. 52.

⁷³ Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 12; СУ РСФСР. 1922. № 77. Ст. 966.

⁷⁴ Жизнь Сибири. 1923. № 4–5. С. 31.

⁷⁵ Там же. 1924. № 3–4. С. 63, 64.

⁷⁶ Вайнштейн А.Л. Хлебный рынок и условия ценообразования хлебов до войны и в 1922–24 гг. // Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 29.

⁷⁷ Жизнь Сибири. 1924. № 1. С. 41.

⁷⁸ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 62–63.

⁷⁹ Там же. С. 64–65.

⁸⁰ Там же. С. 66; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 136. Л. 5.

⁸¹ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 39, 52, 96–97.

⁸² Стат. справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 702.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 287. Л. 199; Хлебный рынок. 1924. № 10. С. 38.

⁸⁵ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 313. Л. 5.

⁸⁶ Там же. Д. 174. Л. 150.

⁸⁷ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 109–110.

⁸⁸ Он же. Коммерция на хлебном фронте. С. 83.

⁸⁹ Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 120–121.

Глава 4

ЖИВОТНОВОДСТВО

Второй по значимости отраслью хозяйства сибирских крестьян являлось разведение сельскохозяйственных животных для получения продуктов питания, сельхозсырья и использования в качестве транспортного средства и тягловой силы. В последнее десятилетие XIX в. среднегодовое поголовье лошадей в Сибири (без Якутской области) достигало 4025,9 тыс., крупного рогатого скота (КРС) – 4293,2 тыс., овец и коз – 6266,8 тыс., свиней – 759,5 тыс. Производственную основу продуктивного стада составлял крупный рогатый скот. Важное значение для сибирских крестьян имело разведение овец. Свиноводство в регионе было развито слабее, чем овцеводство. В Западной Сибири свиньи составляли 7,8% продуктивного стада, а в Восточной Сибири – 6,3%¹. К числу второстепенных отраслей животноводства относилось козоводство². Абсолютно преобладающей тягловой силой в земледельческом хозяйстве сибирских крестьян являлись лошади³. Помимо вышеперечисленных животных в регионе были минимально представлены верблюды, яки и их гибриды, олени, маралы и др.⁴ На состав стада дворохозяйства влияли национальные традиции. Свиней в большем количестве держали выходцы из Украины, коз – сибирские аборигены. Для большинства представителей аборигенных народов животноводство являлось базовой, а иногда и единственной отраслью сельского хозяйства.

Скотоводство в регионе, как и зерновое хозяйство, носило экстенсивный характер. Рост производства достигался за счет наращивания поголовья. Продуктивность скота оставалась низкой. Зато местные породы скота хорошо переносили морозы, могли быстро набирать вес при хорошем уходе. Сибирские крестьяне на животноводство тратили минимальные средства. Протяженность пастбищного периода зависела от географического положения и климатических условий и колебалась от 160 до 200 дней для лошадей и от 165 до 195 для коров⁵. На начальной и финальной стадии пастбы использовались подкормки. Зимой скот содержался под навесами в холодных дворах. В Забайкалье, Минусинской котловине, Горном Алтае, Степном крае значительная часть животных на подножном корму находилась и в зимнее время. Основу питания в зимне-стойловый период составляли грубые корма: прежде всего сено, а также полова (остатки колосьев, метелок и соцветий разных сельскохозяйственных культур) и солома. В качестве сильных кормов использовали цельное или дробленое фуражное зерно (овес, ячмень, режа – пше-

ницу и рожь), зерновые отходы после очистки и сортировки, отруби, жмыхи, изредка – картофель и овощную ботву. Сенокосы делились на заливные, суходольные, залежные, степные, болотные и лесные. В каждом районе их соотношение было различным, но в целом по Сибири преобладали залежные и суходольные⁶.

Скотоводство в регионе являлось не менее метеозависимым, нежели зерновое хозяйство. Природные катаклизмы (недород кормовых хлебов и трав, джут) могли привести к сокращению численности скота на 25% в крестьянских и до 50% в аборигенных хозяйствах⁷. Животноводство стало отчасти своеобразным резервным фондом сибирского крестьянства. В урожайные годы крестьяне имели возможность наращивать поголовье, зато в случае неурожая сельские жители могли увеличивать потребление мяса за счет дополнительного убоя скота.

В рамках продуктивного животноводства производилось молоко, мясо, шерсть, кожевенное и другое животноводческое сырье. Сибирское животноводство к концу XIX в. имело преимущественно мясо-молочную специализацию. Рост производства сдерживался отсутствием емких рынков сбыта. Районами торгового животноводства являлись Зауралье и Забайкалье. Центрами сбыта для продуктов животноводства в Зауралье были кожевенные и салотопенные предприятия Тюмени, Кургана, Ишима, Ялуторовска, Ишимская и Ирбитская ярмарки. На Урал и далее в европейскую часть страны поставлялись кожи, топленое сало и масло.

Наладить крупномасштабный экспорт животноводческой продукции позволила сооруженная на рубеже XIX и XX вв. Транссибирская магистраль. Крестьяне стали быстрыми темпами наращивать ее товарное производство, расширяя свое хозяйство. Наиболее динамично развивающейся отраслью сельского хозяйства Сибири являлось промышленное маслоделие (см. гл. 5). По объемам валового производства сибирское скотоводство уступало растениеводству, но превосходило его по товарному выходу. В 1913/14 г. удельный вес животноводства в стоимости регионального валового сельхозпроизводства составлял 29%, а в товарной продукции – 72%. Доля маслоделия в товарной продукции сельского хозяйства достигла 51%. Удельный вес мяса и сала в товарном производстве животноводческой продукции составлял 22%⁸. Таким образом, сельское хозяйство региона в начале XX в. приобрело преимущественно животноводческую (молочно-масляную) специализацию.

Скотоводство все более перемещалось в Западную Сибирь, в которой производилась абсолютно большая часть животного масла. Там же оседало большинство переселенцев. Ставка на товарное маслоделие определяла первоочередное наращивание поголовья КРС. В первое десятилетие XX в. в целом по региону оно увеличилось на 21,9%, в Западной Сибири – на 34,5%. Численность лошадей в Сибири за это время

выросла на 14,7%, овец и коз – на 10,5, свиней – на 20,8%. В 1914 гг. лошадей в Сибири стало больше, чем в 1911 г., на 4,2%, КРС – на 9,0, овец и коз – на 7,6, свиней – на 12,0%. В Томской губернии прирост поголовья КРС за 1911–1914 гг. составил 16,1%⁹.

Изменялась структура поголовья. Удельный вес КРС в общем количестве основных видов продуктивного скота в Сибири в конце XIX в. составлял 39,2%, овец и коз – 54,2, свиней – 6,6%, в 1914 г. – 44,4, 47,3 и 8,3% соответственно. В Тобольской губернии в 1914 г. доля КРС составляла 50,4%. В стаде крупного рогатого скота шло сокращение удельного веса молодняка и рост числа коров. В 1915 г. в Барабе доля дойных коров достигала 55,9% от общего числа КРС, в Каргатском уезде – 71, в Тарском – 68, в Ишимском – 65%. В 1913 г. на территории Сибирского края доля коров равнялась 49,9%¹⁰.

Негативное влияние на динамику развития животноводства оказывали недороды трав и зерновых культур. Из-за неурожая 1911 г. в Тобольской губернии поголовье лошадей сократилось на 11,5%, КРС – на 22,0, овец и коз – на 35,4, свиней – на 42,6%. Значительный урон отрасли наносили эпизоотии. Во время эпизоотии чумы рогатого скота в Азиатской России в 1905–1909 гг. пало и забито 61 291 голова скота. От повального воспаления легких в Томской губернии в 1910–1915 гг. погибло 49 300 животных. Во время эпизоотий ящура в отдельных губерниях ежегодно болело от 20 до 30 тыс. животных¹¹.

Кормовая ситуация в регионе в целом в начале XX в. имела тенденцию к ухудшению. Массовая распашка новых земель приводила к сокращению площади сенокосов (прежде всего залежных) и пастбищ. Плотность использования существующих выгонов усилилась, они стали интенсивно вытаптываться. Урожайность покосов в Сибири в предреволюционное десятилетие медленно падала, хотя их площадь продолжала расти, так как осваивались новые угодья.

Вопрос о динамике развития животноводства в регионе во время Первой мировой войны, на первый взгляд, является решенным. Начиная с 1920-х гг., общепринятой в отечественной историографии является точка зрения о том, что в годы войны поголовье скота продолжало увеличиваться, достигнув в 1916 г. наивысших показателей за весь дореволюционный период. В 1917 г. численность скота снизилась, но по-прежнему превосходила довоенный уровень¹². При этом исследователи опирались на материалы сплошных сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., восполняя недостающие данные за предыдущие годы сведениями Центрального статистического комитета и местных статистических органов, которые, как правило, имели экспертный характер.

Примером подобного подхода также могут служить широко используемые историками региональные статистические сборники 1920-х гг., в

которых приводились ретроспективные сведения о поголовье скота за 1913, 1916 и 1917 гг., пересчитанные в территориальных рамках Сибирского края. Источником для расчетов служили для 1913 г. данные статистических отделов переселенческих управлений, для 1916 и 1917 гг. – материалы сельхозпереписей. Составители сборников считали статистику животноводства точной и не нуждающейся в корректировке поправочными коэффициентами. В наиболее фундаментальном из статистических изданий указанного периода – «Сборнике статистико-экономических сведений по Сибирскому краю» – зафиксирована следующая динамика численности рабочего и продуктивного скота: в 1916 г. поголовье лошадей, КРС, коров, свиней, овец и коз увеличилось по сравнению с 1913 г. на 15,4, 31,6, 30,9, 28,3, 34,0%, а в 1917 г. – снизилось по отношению к предыдущему году на 8,7, 11,3, 9,8, 7,5 и 5,9% соответственно (см. Приложение, табл. 12).

Однако сопоставление сведений, полученных из разных источников, может дать фантастические показатели изменения численности скота. Так, например, на страницах 2-го тома «Истории крестьянства Сибири» зафиксирован 61%-ный прирост числа лошадей в Иркутской губернии с 1914 по 1916 г., т.е. фактически за 2 года. Там же приводятся сведения о завышенном, на наш взгляд, увеличении их поголовья в Тобольской губернии (на 33%), умеренном росте – в Енисейской губернии (на 11%) и сокращении – в Томской губернии (на 3,4%)¹³. Маловероятной представляется и построенная на тех же принципах использования статистических источников общесибирская динамика: увеличение поголовья лошадей, КРС, свиней, овец и коз с 1914 по 1916 г. на 23,7, 42,9, 151,2 и 65,5%, в том числе с 1915 по 1916 г. – на 23,7, 38,8, 114,9 и 65,9% соответственно¹⁴.

Однако проведенный И.В. Островским анализ убедительно показал, что недоучет существенно искажал динамику животноводства в дореволюционный период. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. учла состояние животноводства значительно полнее, чем исследования ЦСК, на которых основаны все предшествующие сведения о поголовье¹⁵. Нельзя также исключать влияния на существенную разницу в цифрах фактора забоя скота, который имел сезонный характер, и поэтому учет, проведенный в разные месяцы, мог показать сильные колебания, являвшиеся сезонными, а не годовыми.

Детально исследовавший данную проблему В.И. Пронин обнаружил, что в материалах ЦСК, в отличие от сельхозпереписей, учтены только взрослые животные. Исключив из имеющихся в его распоряжении данных переписей молодняк рабочего и продуктивного скота, исследователь получил следующую картину развития животноводства в годы Первой мировой войны. Численность КРС и свиней в регионе в 1915 г.

увеличилась на 3,0 и 16,9%, лошадей – не изменилась, а мелкого рогатого скота – незначительно уменьшилась (менее чем на 0,3%), в 1916 г. выросло поголовье всех перечисленных видов скота – на 7,4, 19,5, 9,2 и 8,1% соответственно, а в 1917 г. сократилось – на 8,5, 2,3, 4,4 и 1,4%. В 1917 г. лошадей, КРС, свиней, овец и коз в регионе было больше, чем в 1914 г., на 4,4, 1,2, 36,4 и 6,3% и больше, чем в 1913 г., на 10,5, 7,8 68,8 и 18,3% (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Поголовье скота в Сибири в 1913–1917 гг., тыс. голов

Вид скота	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Лошади	5066,5	5362,3	5363,0	5856,8	5597,8
КРС	6624,3	7058,2	7268,9	7810,1	7144,2
Овцы и козы	6748,9	7513,9	7494,3	8102,0	7985,3
Свиньи	1065,5	1318,5	1541,0	1841,4	1799,0

Источник: Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1976. С. 113, 115.

Примечания: 1) не учтен молодняк рабочего и продуктивного скота: жеребьята и телята до года, поросята до 4 месяцев, ягнята, козлята; 2) приведены данные по Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниям, Акмолинской и Забайкальской областям.

Мы не исключаем, что расчеты В.И. Пронина также не отражают реальной картины состояния животноводства в части сравнения сведений за 1916 г. и за предыдущие годы. Нет уверенности и в том, что корректными являются и материалы переписи 1917 г. Ряд территорий перепись не охватила, что привело к недоучету 12% сибирского населения и их хозяйств. Невозможно определить, какое количество скота из-за этого не попало в перепись.

По этим причинам точного ответа на вопрос о динамике развития животноводства в регионе в годы Первой мировой войны мы дать не можем. Вероятными представляются две гипотезы. Согласно первой из них, численность скота в основных сельскохозяйственных районах Сибири в 1915 г. уменьшилась, в 1916 г. – выросла, незначительно превысив при этом уровень 1914 г., а в 1917 г. – вновь сократилась, возмозжно, опустившись до довоенных параметров. Однако нельзя исключать и того, что убыль скота происходила на протяжении всех военных лет.

На динамику численности рабочего и продуктивного скота влияло множество разнонаправленных факторов: повысившийся в связи с войной армейский спрос, состояние кормовой базы, государственное регу-

лирование рынка и уровень закупочных цен, внутривладельческое потребление и др.

1914 г. характеризовался высоким урожаем трав. Неурожайный 1915 г. для некоторых районов обернулся настоящей засухой, вызвавшей падеж скота. На юге Западной Сибири, в частности, поголовье КРС сократилось на 1 млн голов¹⁶. В 1916 г. уровень кормообеспечения скота был ниже, а в 1917 г. – выше средних многолетних значений.

Фактором роста служили последствия массового аграрного переселения в предыдущие годы. Переселенцы в момент вселения заводили относительно небольшие хозяйства. По мере адаптации к местным условиям они наращивали свою состоятельность. Временем согласования количества принадлежавшего многим столыпинским переселенцам скота с демографическим потенциалом их дворохозяйств стали годы войны. Стимулом к наращиванию поголовья рабочего скота являлась необходимость поддержания достигнутого уровня посевных площадей или их расширения в условиях нехватки рабочих рук.

Военное ведомство вело масштабные закупки лошадей, оплачивая их по достаточно высоким ценам. В связи с этим хозяева выращивали приплод специально на заказ для армии. Комиссии отбраковывали часть предлагавшихся лошадей, но выручка за проданных была достаточна для вознаграждения усилий. Следует также отметить, что за ростом поголовья лошадей скрывалась их качественная деградация – лучшие экземпляры забирали для нужд армии.

Существенное влияние на состояние животноводства оказывали заготовки мяса. До строительства железной дороги Сибирь снабжала мясом лишь Урал, поставляя туда около 100 тыс. пуд. Открытие Транссиба позволило расширить вывоз до 2,5 млн пуд., а перед Первой мировой войной – до 4 млн пуд., стимулируя наращивание поголовья, но далеко не покрывая потенциальную емкость товарного рынка¹⁷. Возможность дальнейшего увеличения сбыта ограничивалась недостатком специально оборудованных вагонов-ледников, что позволяло делать крупные товарные заготовки только в зимние месяцы.

Уже осенью 1914 г. в Сибири началась скупка мяса для армейских нужд, что вызвало рост цен и привело к забою скота. Но в целом государство считало основным рынком прифронтовые губернии, а в Азиатской России ориентировалось на заготовки в скотоводческих районах по низким ценам. В 1915 г. Министерство земледелия организовало несколько Особых экспедиций для закупки скота в Туркестане, Степном крае, Южной Сибири, Монголии и Маньчжурии. Крупнейшая из них – Монгольская экспедиция полковника П.К. Козлова – в 1915 г. заготовила 600 тыс. пуд. мяса, а в 1916 г. – еще 1 млн пуд.¹⁸

Но это количество не могло удовлетворить спрос армии, поэтому в сибирских губерниях, как и в европейской части страны, была организована широкая скупка мяса у крестьян и в крупных частновладельческих хозяйствах. Кроме того, усиленная работа армейских скупщиков в прифронтовых губерниях активизировала спрос на сибирское мясо со стороны гражданских заготовителей. Они не имели возможности приобретать мясо на месте, и уже с осени 1914 г. на сибирские рынки устремились контрагенты продовольственных организаций из российских городов. Повышенный спрос мог быстро привести к сокращению общего поголовья стада. Но выгодная рыночная конъюнктура и избыток кормов стимулировали быстрое возобновление поголовья. При этом молочные породы постепенно заменялись мясными. Особенно выгодна проводимая политика была крупным предпринимательским хозяйствам, целенаправленно наращивавшим поголовье скота. Но большинство документальных источников свидетельствуют о том, что в крестьянских хозяйствах количество скота все же сокращалось.

Монополизация рынка, введение не выгодных производителю твердых закупочных цен на животное масло, запрет его экспорта, недостаточная и сокращающаяся в связи с постепенным обнищанием городского населения емкость внутреннего рынка заставили крестьян резко снизить товарное производство молока и сбросить лишнее поголовье молочного скота. В результате, вывоз мяса из Сибири, составлявший в 1913 г. 4,2 млн пуд., в 1914 г. снизился до 3 млн пуд., но в 1915 г. вернулся на довоенный уровень.

В 1916 г. по губерниям европейской части России было заготовлено 2807,9 тыс. голов скота, или 8,3% от общего поголовья. Для шести сибирских губерний Особое совещание по продовольствию определило к поставке 200 тыс. голов, или 2,1%. Следовательно, участие сибирского животноводства в снабжении армии мясом планировалось как непропорционально малое. В европейской части страны многочисленные административные запреты на убой скота с целью сдержать сокращение поголовья сочетались с пополнением армейских запасов методом масштабных реквизиций в прифронтовых губерниях. В Сибири ничего подобного не происходило, хотя заготовки производились под угрозой реквизиции по низким ценам. Если крестьян эти цены устраивали, то крупные частные скотопромышленники жаловались на их разорительность. Тем не менее в 1916 г. из Сибири вывезли 1,1 млн голов КРС, а вывоз мяса из региона в целом поднялся до 6,1 млн пуд.¹⁹ Общественность забила тревогу, требуя предпринять экстраординарные меры для спасения сибирского животноводства.

Сведения о состоянии животноводства в 1916 г. на территории Сибирского края и в отдельных сельскохозяйственных зонах приводятся в

таблицах, помещенных в приложение к настоящей работе (см. Приложение, табл. 12, 14, 15, 16).

Согласно данным сельскохозяйственной переписи, в регионе насчитывалось 4218,6 тыс. лошадей (в том числе 3132,5 тыс. рабочих), 5839,8 тыс. голов КРС (в том числе 2900,2 тыс. коров и 50,0 тыс. рабочих волов), 6358 тыс. овец, 148,5 тыс. коз, 2262,8 тыс. свиней. Удельный вес КРС в поголовье продуктивного скота составлял 40,0%, овец – 43,5, коз – 2,0, свиней – 15,5%. Доля коров в стаде КРС достигала 49,7%.

Ведущими скотоводческими зонами Сибири являлись юго-западная и центральная, на которые приходилась абсолютно большая часть рабочего и продуктивного скота. Проживавшим в пределах центральной зоны крестьянам принадлежало 35,8% общесибирского поголовья лошадей, 37,0% КРС, 36,3% коров, 36,5% овец и коз и 35,5% свиней. В юго-западной – соответственно 30,3, 27,8, 29,6, 25,2, 24,3%. Эти зоны имели в целом сходную структуру стада. Доля КРС в нем составляла 42,5 и 40,5%, овец и коз – 43,0 и 44,4, свиней – 14,4 и 15,0%, доля коров в составе стада КРС – 48,7 и 52,9%.

Около 1/5 скота (17,2% лошадей, 15,3% КРС, 14,5% коров, 22,1% овец и коз, 18,7% свиней) было сосредоточено в среднесибирской зоне. Ее отличительной чертой (в значительной степени за счет Минусинского района и Хакасии) являлся высокий удельный вес овец и коз в общем поголовье – 52,2%. Доля КРС в стаде продуктивного скота составляла 32,4%, свиней – 15,4%.

Северо-западная зона отличалась высоким удельным весом свиней и относительно низким – овец (соответственно 20,3 и 39,3%). Доля КРС в поголовье продуктивного скота составляла 40,3%, коров в составе стада КРС – 52,3%. На территории зоны размещалось около 10% общерегионального рабочего и продуктивного стада, в том числе свиней 13,1%, КРС – 10,1, коров – 10,6, овец – 8,8, лошадей – 8,3%.

Особенностью восточной зоны являлся относительно высокий удельный вес КРС и свиней (соответственно 51,6 и 22,1% от общего поголовья) и низкий – овец (26,3%). Относительно низкой была и доля коров в стаде КРС – 41,9%. В пределах зоны было сосредоточено около 4,8% численности лошадей, 7,1% КРС, 6,0% коров, 3,2% овец и коз и 7,8% свиней.

Горный Алтай отличался относительно высокой долей овец и коз и самым низким удельным весом свиней – соответственно 45,1 и 3,3% продуктивного скота. Доля зоны в общей численности скота не превышала 2%.

Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. о численности скота в губерниях и областях Сибири приведены в табл. 4.2. Особый интерес представляют структурные особенности продуктивного животноводства

в регионах, впоследствии не вошедших или вошедших частично в состав Сибирского края. В общесибирском стаде КРС, коров, овец и свиней на долю Тобольской губернии приходилось 17,6, 20,7, 12,1 и 20,6%, Акмолинской области – 15,9, 11,6, 21,5 и 6,3%, Семипалатинской области – 9,9, 7,9, 22,4 и 1,4%, Забайкальской области – 12,8, 10,6, 8,8 и 10,2%. В Тобольской губернии удельный вес КРС, мелкого рогатого скота и свиней составлял 43,3, 41,9 и 14,9%, в Забайкальской – 42,4, 47,7 и 10,0%. В Акмолинской и Семипалатинской областях доля овец и коз достигала 64,5 и 77,2%, а свиней была минимальна – 3,7 и 0,9%.

Таблица 4.2

Поголовье скота в Сибири в 1917 г., тыс. голов

Губерния / область	Лошади	КРС	Коровы	Овцы	Козы	Свины
Тобольская	1063,2	1858,9	971,2	1780,8	18,6	638,7
Акмолинская	1278,0	1678,9	544,0	3160,5	249,1	196,8
Семипалатинская	963,5	1041,7	369,0	3290,0	373,2	42,7
Алтайская	1663,8	2088,5	1071,4	2155,4	46,6	708,4
Томская	977,6	1296,5	667,0	1519,5	11,4	591,7
Енисейская	597,6	736,3	354,5	1246,3	20,1	377,1
Иркутская	284,4	514,7	219,0	238,1	34,1	229,2
Забайкальская	606,5	1352,8	498,8	1290,5	231,6	318,5

Источник: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 66–67, 78–79.

Выявить погодную динамику изменения численности скота во время Гражданской войны невозможно в силу практически полного отсутствия репрезентативных источников. В распоряжении исследователей есть только отдельные разрозненные сведения. Однако общий тренд процесса очевиден: поголовье продолжало сокращаться. И основной причиной этого стал разрыв рыночных связей с европейской частью России. Падение объемов вывоза масла за пределы Сибири повлекло сокращение молочного стада. Забой скота стимулировали и казенные заготовки мяса на возросшие в конце 1918–1919 гг. армейские нужды. Конкурировали с организациями, закупающими мясо от имени государства, и частники, деятельность которых активизировалась после того, как в декабре 1918 г. Российское правительство разрешило свободную продажу мяса²⁰.

На ситуацию в коневодстве наиболее существенное влияние оказывали массовые мобилизации крестьянских лошадей противоборствующими сторонами. На примере Тюменского уезда В.Е. Иваненко утверждает, что 77% убыли пришлось на мобилизации (3339 из 4312 голов)²¹.

Мобилизации, как правило, были платными, однако во время Гражданской войны они были убыточными, так как не покрывали расходов на выращивание. Следует добавить, что причитающиеся суммы выплачивались с большим опозданием, что в условиях инфляции практически сводило их на нет. Конепоголовье убывало в районах военных действий. Совещание по вопросам животноводства, состоявшееся в декабре 1918 г. в Томске, оценило коневодство Сибири как отрасль, находящуюся в упадке²². За период войны из хозяйств изъяли лучших животных.

Свою специфику имело развитие животноводства в Степном крае, на территории которого до революции закупалось значительное количество мясной продукции. После восстания 1916 г. ситуацию там можно охарактеризовать как локальную гражданскую войну между казаками, казачками и переселенцами. Это привело к массовому уходу кочевников за российско-китайскую границу вместе со скотом. Суровая зима 1917/18 г. с бескормицей вызвала массовый падеж скота. Его численность у казахов-кочевников резко упала. В 1919 г. сброс стада продолжался. По нашим подсчетам, поголовье КРС и овец в Семипалатинской области в 1918 г. сократилось по сравнению с предыдущим годом на 17,8 и 14,7%, в 1919 г. – на 42,9 и 30,8% соответственно. В 1919 г. в хозяйствах кочевников КРС было меньше, чем в 1917 г., на 41%, овец – на 44%²³. Эти данные красноречиво говорят о том, что казахское население степей не могло поставлять мясо в прежних количествах, да и вообще едва ли ни голодало. Уже в советское время, производя первичный учет состояния сельского хозяйства, руководители Алтайского губернского земельного отдела сообщали в центр, что от некогда многомиллионных киргизских табунов после Гражданской войны ничего не осталось²⁴.

Советская историография усиленно подчеркивала негативное влияние контрреволюции на сибирское животноводство. Комиссии по восстановлению хозяйств, пострадавших во время Гражданской войны, пытались учесть всю убыль скота за время войны. По их данным, особенно пострадало коневодство, прежде всего в результате реквизиций лошадей и фуража отступавшей Белой армией. Так, по собранным Иркутской губернской комиссией сведениям, отступавшая в конце 1919 – начале 1920 г. Белая армия успела отобрать у крестьян 6974 лошади, или 1/3 всего поголовья²⁵. При этом губерния не считалась в числе особенно пострадавших. Но комиссии не огласили масштаб потерь крестьян от действий партизанских отрядов и Красной армии, хотя известно, что советские и партизанские части численно превосходили «белых» и оставались в регионе намного дольше. С приходом в Сибирь Красной армии влияние войны стало масштабнее. Пополняя конский состав, военные не считались с нуждами племенного хозяйства. Многие племенные лошади оказались изъяты из государственных и частных заводов и

питомников и попали в ненадлежащие условия содержания. Численность племенных животных сократилась в считанные месяцы.

Итоги развития животноводства в регионе в конце 1910-х гг. можно подвести, сравнив данные сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг. Согласно данным, приведенным в табл. 12 Приложения, численность скота на территории Сибирского края в 1920 г. составляла (% от уровня указанного года):

	1916 г.	1917 г.
лошади	93,6	102,6
КРС	75,7	85,4
коровы	85,0	94,3
овцы	80,7	85,8
свины	83,8	90,6

За годы Гражданской войны (1917–1920) больше всего пострадало стадо мелкого рогатого скота. Овец стало меньше на 14,2%, а коз – на 42,7%. Значительные потери (–28%), в основном за счет молодняка старше года, понес КРС, сократившийся на 14,6%. В стаде КРС наиболее существенные потери понесли рабочие волы (–57,2%) и быки (–42,1%). Количество коров уменьшилось незначительно – на 5,7%. Разница в темпах снижения поголовья КРС в целом и коров привела к увеличению доли коров в стаде КРС: с 49,7% в 1916 г. до 55,8% в 1920 г. Поголовье свиней снизилось на 9,4%. Количество лошадей даже несколько выросло – на 2,6%. Разница в динамике поголовья отдельных видов сельскохозяйственных животных объясняется тем, что крестьяне максимально берегли лошадей и молочный скот, а в первую очередь сокращали менее ценные для себя части стада: мелкий скот, молодняк КРС. Следует также отметить, что животноводство в хозяйствах аборигенов, в стаде которых преобладал мелкий рогатый скот и мясные породы КРС, за указанный период пострадало больше, чем крестьянское.

Сибземаотдел зафиксировал наиболее существенное сокращение поголовья крупного и мелкого рогатого скота в Омской и Алтайской губерниях. В Омской губернии поголовье КРС сократилось на 19,2%, коров – на 9,7, овец и коз – на 21,4%, в Алтайской – на 21,7, 14,2 и 36,9% соответственно²⁶. Это связано как с активными боевыми действиями на их территории, так и с относительно высоким удельным весом аборигенных хозяйств. Значительные потери свиноголовья в Иркутской губернии (на 38,8%)²⁷ могут быть объяснены сокращением посевных площадей зерновых культур (см. гл. 2) и соответствующим сжатием кормовой базы.

«Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства» (см. Приложение, табл. 15) позволяют сравнить данные о количестве

скота в 1920 г. по сельскохозяйственным зонам Сибири только относительно уровня 1916 г. (%):

	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
I	88,2	67,1	77,9	68,8	71,0
II	80,5	67,5	77,3	67,4	75,6
III	104,8	82,0	87,0	101,1	105,0
IV	65,2	70,5	79,3	68,9	104,0
V	105,0	92,7	110,0	85,0	83,7
VI	102,2	69,7	84,2	71,6	70,6

В 1920 г. по сравнению с 1916 г. наиболее существенное снижение поголовья скота произошло в центральной и северо-западной зонах. Значительные потери по основным видам скота понесло животноводство Горного Алтая. В восточной зоне заметно сократилось продуктивное стадо. Отличительной особенностью среднесибирской зоны стало увеличение количества коров. На востоке Сибири в целом увеличилось число лошадей. В степном и предгорном Алтае снизилось лишь поголовье КРС, а количество лошадей и свиней выросло. Прирост свиноголовья в юго-западной зоне и в Омской губернии был достигнут за счет Славгородского уезда, географически входившего в степной Алтай, а административно – в Омскую губернию, с его преимущественно украинским населением²⁸.

Возникает вопрос, зафиксировала ли перепись 1920 г. реальное сокращение количества скота или только отразила иную методику и степень полноты учета? Без специального исследования ответить на него не представляется возможным. В дальнейшем учет поголовья, осуществлявшийся в рамках весенних сельскохозяйственных переписей, проводился по единой методике. При этом следует отметить, что зафиксированные в материалах переписей общие годовые тенденции изменения численности скота в 1920–1924 гг. подтверждаются источниками других видов. Перед революцией же данные делопроизводственной документации и прессы, отражающие кризисные явления в животноводстве, противоречили позитивным результатам сельхозпереписи 1916 г.

Вместе с тем сводные и наиболее полные показатели развития сибирского животноводства, опубликованные в 1927 г.²⁹, отличаются от данных текущего учета, которыми оперировали современники, анализируя состояние отрасли в годы кризиса³⁰. Текущая статистика в целом рисует более глубокий спад в животноводстве. Различие сведений по отдельным видам животных достигает 10%, что довольно существенно для характеристики кризисных явлений. Материалы текущей статистики важны еще и тем, что на них опирался сибирский налоговый аппарат при распределении разверстки и налога по губерниям и уездам.

На динамику развития животноводства в начале 1920-х гг. существенное влияние оказала политика государства. На протяжении 1920 г. на многие волости была наложена значительная гужевая повинность. Крестьянам вменялось в обязанность бесплатно обеспечивать перевозку продовольствия, собранного по разверстке, леса, предоставлять подводы для продовольственных и советских работников. Все перевозки проводились за счет фуража самих крестьян. Равномерной раскладки по территории не производили. Случалось, что волость получала задание по предоставлению подвод, превышавшее численность имевшегося тяглогового скота, а другая волость оставалась необложенной³¹. В каждой местности повинность распределялась прогрессивно наличию тяглогового скота. Интенсивное использование лошадей в рамках гужевой повинности приводило к их истощению и падежу.

Привлечение крестьян к гужевой повинности продолжалось и в 1921 г., причем часто для обеспечения ее выполнения проходило использовать вооруженный конвой³². В отдельных волостях и весной 1922 г. продолжались непосильные принудительные гужевые работы, проводившиеся уже в качестве гужевого налога³³. В многолошадных хозяйствах работнику почти непрерывно приходилось бывать на каких-то повинностях. Это подталкивало крестьян к сокращению поголовья лошадей в каждом отдельном хозяйстве. Но оно не могло не иметь предела. В 1920 г. крестьяне запахали значительную площадь, и без достаточного количества рабочего скота обслуживать ее было невозможно.

Основное внимание советские земельные органы направили на решение судьбы остатков крупных товарных хозяйств Сибири. Свертывание предпринимательства в области скотоводства началось в 1917 г., когда крестьяне стали притеснять крупных владельцев и арендаторов земельных участков, создавая условия для раздела таких хозяйств. К лету 1918 г. произошло практически безвозвратное разорение конных заводов, овцеводческих экономий и племенных ферм. У большинства из них были изъяты фуражные запасы, часть земель – захвачена. Но агония этой формы ведения хозяйства продолжалась долго и при антибольшевистских режимах сопровождалась безуспешными попытками реанимации. После отступления «белых» многие животноводческие предприятия подверглись настоящему разграблению крестьянами³⁴. В дальнейшем на базе бывших предпринимательских хозяйств были образованы совхозы и колхозы. Большинство из них имело ярко выраженный потребительский характер. Руководство стремилось перепрофилировать их в полеводческие. Оставшиеся племенные животные находились в плачевном состоянии, часть из них забили для пропитания членов колхозов, работников совхозов и членов их семей. Велик был и падеж из-за ненадлежащего ухода. Ценные животные разных пород в большинстве кол-

лективных и советских хозяйств содержались без деления на породы вместе с «крестьянским» (не племенным) скотом, что не могло не вести к вырождению.

В связи с этим были предприняты чрезвычайные меры для спасения племенного животноводства. С января 1920 г. на территории Сибири начал действовать декрет СНК от 19 июля 1918 г. о передаче в ведение земельных органов всех племенных животных, взятых войсковыми учреждениями в порядке реквизиции, мобилизации, покупки, а также попавших в армию в ходе эвакуаций или отнятых у противника. Тогда же было принято решение об изъятии племенных лошадей у частных лиц. В 1920 г. всем мелким собственникам, приобретавшим на свои средства и содержащим личным трудом племенных лошадей, предлагалось компенсировать их затраты³⁵. Но определялась не ценность животных, а затраченный труд. Из хозяйств, отнесенных к категории «нетрудовых», все животные изымались безвозмездно.

В результате проведенных мероприятий была создана сеть племенных предприятий. В Сибири в 1920 г. насчитывалось 4 конных завода и 5 конюшен. По сравнению с тем, что было в Сибири до революции, это очень мало. Характерной чертой этих предприятий стало то, что они комплектовались практически заново путем обследования и отбора специалистами отделов животноводства. Например, в Томском конном заводе было сосредоточено 226 животных, из которых 6 племенных жеребцов и 43 племенные кобылы, взятых из разных мест³⁶. На Алтае, славившемся до революции своим табунным коневодством и имевшем несколько частных племенных конных заводов, учет позволил выявить только 5 уцелевших племенных лошадей и 517 голов полукровок. Это означало почти полное отсутствие племенного материала³⁷. Приходилось забирать или ставить на учет в качестве племенных лошадей, позже отбракованных как не годных для улучшения породы. Но зато главной их задачей стало улучшение породы путем максимального распространения случных пунктов. Фураж для конных заводов выделялся централизованно из фондов, полученных по разверстке, что позволило сохранить племенное поголовье.

Культурному овцеводству, некогда перспективной и быстро развивавшейся отрасли сибирского животноводства, события революции и Гражданской войны нанесли огромный ущерб. Еще в 1918 г., в первые месяцы после установления советской власти, крестьяне перераспределили между собой сенокосные угодья, арендованные ранее овцеводами у казны. Когда Временное Сибирское правительство попыталось восстановить права собственников, крестьяне в большинстве случаев проигнорировали эти указания. Поголовье овец стремительно таяло от бескормицы.

В конце 1919 – начале 1920 г. на месте оставшихся овцеводческих ферм были основаны советские хозяйства. Им достались животные, но, как правило, без запаса кормов, обитавшие в полуразрушенных помещениях, не пригодных для зимовки. Поэтому часто эти хозяйства предпочитали сокращать поголовье овец, распределяя среди населения или забивая породистых животных. Но в 1920 г. выяснилось, что только в Сибири остались питомники, имевшие мериносовых овец, и от того, удастся ли их здесь сохранить, зависела судьба этой подотрасли в масштабах всей страны³⁸. Только экстренные меры, принятые в общероссийском масштабе, могли замедлить процесс полного исчезновения племенного овцеводства. Именно тогда земельные органы забили тревогу. По признанию руководства овцеводческих совхозов, содержание племенных овец для них являлось непосильной обузой. Они просили принять их на государственный учет. Так, в Семипалатинской губернии из 14 совхозов были выделены 5 овцеводческих и переданы в прямое ведение подотдела животноводства губземотдела. Это позволило предпринять чрезвычайные меры по сохранению 4750 мериносовых овец. В Енисейской губернии в трех советских хозяйствах сохранили 6563 мериносовых овцы.

Осенью 1920 г. началось объединение всех советских хозяйств, имевших породистых овец. Их изымали из ведения губземотделов и передавали в непосредственное управление Сибирского земельного отдела. Преобразования происходили постепенно и завершились только к лету 1921 г. Благодаря объединению под общим управлением централизованно заготавливались корма и производились строительные работы, необходимые для сохранения поголовья в зимний период 1920/21 г., животные концентрировались в нескольких крупных специализированных совхозах³⁹. К этому времени в совхозах Омской, Алтайской и Енисейской губерний было сосредоточено 18,9 тыс. овец (хозяйства Семипалатинской губернии перешли в состав Казахской АССР) – явное свидетельство намечившегося роста поголовья в советском (государственном) секторе⁴⁰.

Энергичные меры были приняты для сохранения мараловодства. Гражданская война вынудила многих хозяев, преимущественно алтайцев, бежать, оставив свои маральники на произвол судьбы. Все маральники решено было отнести к племенным хозяйствам, освободить от несения натуральных повинностей. Им выделялись сенокосные угодья, в случае необходимости предоставлялись запасы сена и соли. Кроме того, в Бухтарминском крае на государственный учет были взяты 446 брошенных маральников, 7065 маралов из которых распределены между другими хозяевами или переданы в совхозы⁴¹.

Удельный вес поголовья скота в предпринимательских хозяйствах был невелик и до революции, поэтому потери в этой части животноводческого сектора заметно не повлияли на сокращение общего поголовья скота. Но это была самая высокоотварная часть животноводства. Ориентированные на рынок крестьянские производители вынуждены были тоже ликвидировать именно товарную часть своих хозяйств. Поэтому неправильно вычислять долю сокращения товарной продукции животноводства исходя из общей убыли поголовья скота. Между тем продвольственные работники, основываясь на дореволюционных нормах ежегодного убоя, считали налагаемые на сибирские губернии и области задания по сдаче мяса совершенно необременительными.

Именно продразверстка стала наиболее весомой причиной распространения кризисных явлений в животноводстве. Весной 1920 г. на Сибирь была наложена разверстка в 6207 тыс. пуд. мяса, 830 тыс. овчин, 220 тыс. пуд. шерсти, 1226 тыс. шт. кож. До июня 1920 г. заготовили «самотеком», то есть без предварительной раскладки и нажима на крестьян, 2,2 млн пуд. мяса⁴². В разверстку 1920/21 г. размер обязательных поставок мяса определили в 6672 тыс. пуд.⁴³ Это означало, что в сибирских губерниях необходимо было собрать 276 тыс. туш взрослого КРС и 385 тыс. – молодняка, 2476 тыс. – овец, 386 тыс. туш свиней⁴⁴. По Омской губернии к началу 1921 г. разверстка была выполнена на 96%, по Алтайской – на 90, по Семипалатинской – на 83, по Томской – на 55, а всего по Сибири – на 84%⁴⁵. Более того, параллельно крестьяне активно сдавали мясо в рамках товарообменных операций⁴⁶. Причины заключались в неурожае трав и кормовых культур, а также в советской экономической политике, подталкивавшей крестьян избавляться от товарной части скота, ставшей излишней в новых условиях.

Помимо мясной была введена разверстка широкого спектра животноводческой продукции, включая не только молоко, шерсть и кожсырье, но даже рога, копыта, конский волос, щетину и сало. Государству переходили кожи и прочее сырье от животных, поставляемых в счет разверстки. Кроме того, сдаче подлежали все кожи животных, забитых населением для собственных нужд. Общее число животных, сырье от которых подлежало сдаче в 1920/21 г., определили в 411,5 тыс. лошадей и жеребят, 1372,5 тыс. КРС, 3310 тыс. овец и коз, 376 тыс. свиней⁴⁷. Примечательно, что с помощью разверстки планировали осуществить полное отчуждение в пользу государства той части животноводческой продукции, которую считали товарной. На протяжении 1920–1921 гг. численность всех животных в Сибири, кроме лошадей, убывала примерно в том же количестве, в котором изымалась в ходе кампании по сбору продразверстки⁴⁸.

Поставки по разверстке зерна привели к тому, что во многих районах Сибири хлебофуражные излишки, накопившиеся в предыдущие годы, были изъяты полностью. А они являлись своеобразным страховым фондом для последующего наращивания поголовья. 1920 г. оказался неурожайным и по зерновым и травам. Погодные условия не позволили заготовить достаточные запасы кормов. В результате население интенсивно забивало в первую очередь свиней. В меньшей степени это коснулось крупного рогатого скота. Внутридеревенское потребление свинины и говядины выросло. Большинство крестьянских хозяйств старалось сконцентрировать фуражное зерно на обеспечении рабочего скота, необходимого для поддержания хозяйства на потребительском уровне. Излишки рабочего скота тоже были ликвидированы. Масляная разверстка (см. гл. 5) подталкивала крестьян и к сокращению числа коров, хотя в целом к молочной части стада они относились значительно бережнее. В условиях надвигавшегося голода в хлебопроизводящих районах Сибири население не только забивало скот в продовольственных целях, но и активно меняло его на хлеб в соседних, более урожайных волостях⁴⁹.

Такие жертвы были принесены несмотря на то, что в ряде губерний европейской части страны в связи с неурожаем начался массовый убой скота. Главным препятствием к реализации сибирского мяса являлся транспортный кризис – из Сибири вывезли лишь 15% от заготовленных мясных продуктов⁵⁰. Следует также учесть, что вопреки неблагоприятным политическим условиям Центросоюзу удалось на протяжении 1920 г. заготовить в Монголии 31,9 тыс. голов КРС и 34,7 тыс. баранов, что составило 385,9 тыс. пуд. убойного веса, и большую часть животных (32,8 тыс. голов КРС и 30,9 тыс. баранов) удалось перегнать и сдать продовольственным органам⁵¹.

Летом 1921 г., анализируя результаты кампании по сбору мясной разверстки, руководитель Сибзема В.К. Кривошеков отмечал крайнее несовершенство ее порядка. Разверстку накладывали на все поголовье, не освобождая от обложения молодняк и племенной скот. Обложение производилась по головам, а не по живому весу. Крестьяне старались минимизировать свои потери: подлежавший сдаче в счет разверстки скот они кормили так, чтобы животное живым дошло до скотобойни. Предпочитали сдавать молодняк⁵². Следовательно, крестьяне не видели перспективы расширения поголовья стада. Кроме того, заботясь о сохранении поголовья рабочего скота, но стремясь выполнить продразверстку, СНК 23 марта 1920 г. в декрете «О поставке скота на мясо» предписал оставлять лишь 30% молодняка на пополнение стада. Остальной молодняк подлежал сдаче по продразверстке⁵³. Все это подрывало возможность восстановления поголовья в ближайшие годы.

Продразверстка вызвала ожесточенное сопротивление крестьянства, вылившееся в серию вооруженных выступлений, самым крупным из которых стало Западно-Сибирское восстание в феврале–апреле 1921 г. Его подавление привело к разорению значительного числа крестьянских хозяйств. В основной зоне боевых действий – Ишимском и Ялуторовском уездах – произошла существенная убыль конепоголовья⁵⁴.

Гражданская война привела к развалу санитарно-ветеринарной системы. Резко ухудшилась эпизоотическая обстановка. Из Монголии в Забайкалье была занесена чума КРС, которая стала быстро распространяться гуртами по грунтовым трактам и железным дорогам в пределах Иркутской и Енисейской губерний. С территории Киргизской АССР в приграничные районы Юго-Западной Сибири распространялся ящур. В Омской, Новониколаевской и Алтайской губерниях была зафиксирована вспышка повального воспаления легких КРС. Сап лошадей, который постоянно распространялся из Казахстана, стал стационарным заболеванием в Омском, Славгородском, Рубцовском, Барнаульском и Бийском уездах. Характер эпизоотии приобрела чесотка лошадей. В 1921 г. в регионе было зарегистрировано 484 пункта, неблагополучных по сибирской язве. В 1920/21 г. в Сибири было зарегистрировано 232 тыс. заболевших сельскохозяйственных животных. 127 тыс. из них пало или было забито в профилактических целях⁵⁵.

В итоге между сельскохозяйственными переписями 1920 и 1921 гг. поголовье скота на территории Сибирского края изменилось следующим образом (см. Приложение, табл. 12, 13):

	1921 г. к 1920 г., тыс. голов	1921 г. к 1920 г., %
Лошади	–58,7	98,5
в т.ч. рабочие	–133,7	95,4
КРС	–312,5	92,9
в т.ч. коровы	–445,9	81,9
Овцы	–619,3	87,9
Свиньи	–339,5	74,4

Наиболее ощутимые потери понесло поголовье свиней, снизившееся на четверть. Заметно уменьшилось поголовье овец. Началось сокращение числа рабочих лошадей. Численность КРС сократилась на 7%, а количество коров – на 18%. При этом доля коров в стаде КРС снизилась с 55,8 до 49,2%. На воздействие региональных факторов, связанных с неблагоприятной ситуацией в маслодельной промышленности, указывает и тот факт, что при сокращении поголовья скота в европейской части России доля молочных животных в стаде оставалась стабильной. В Сибири она уменьшилась. Сибирский крестьянин легче расставался с молочным скотом.

Обращение к оперативным материалам Сибземадела позволяет сделать вывод об относительно стабильном положении в Иркутской губернии, в которой зафиксировано увеличение поголовья КРС и лошадей (на 7,1 и 1,9%) и небольшое снижение количества мелкого рогатого скота и коров (на 4,0 и 7,0%). Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в Алтайской губернии, в которой лошадей, КРС, коров, свиней, овец и коз за год стало меньше на 9,6, 21,2, 29,2, 36,3 и 12,7%. Интенсивный сброс молочного стада произошел в Енисейской и Омской губерниях – на 26,2 и 21,9%, свиней – в Новониколаевской губернии – на 37,5%. Поголовье лошадей в большинстве губерний, за исключением Алтайской (–9,6%), изменилось незначительно⁵⁶.

Мясная составляющая первого продналога, в отличие от зерновой (см. гл. 3), действительно была существенно снижена. Мясопродуктов по натуральному налогу в регионе планировалось собрать на 70% меньше, чем поступило по продразвестке предыдущего года⁵⁷. Однако определяющее воздействие на динамику развития животноводства в 1921/22 г. оказал не уровень обложения, а второй подряд недород зерновых и трав, который в Юго-Западной Сибири имел катастрофический характер. Существенный урон кормовым угодьям и посевам зерновых нанесла саранча⁵⁸. Валовой сбор основной фуражной культуры – овса – в 1921 г. сократился по сравнению с 1917 г. почти наполовину, составив 34,6% от показателей 1917 г.⁵⁹ Сильная бескормица в сочетании с продолжающимся налоговым давлением государства привела к нарастающему сокращению поголовья. Неблагополучной оставалась эпизоотическая обстановка.

С весны 1921 по весну 1922 г. на территории Сибирского края произошли следующие изменения в численности скота (Приложение, табл. 13):

	1922 г. к 1921 г., тыс. голов	1922 г. к 1921 г., %
Лошади	–471,5	87,9
в т.ч. рабочие	–227,2	91,8
КРС	–457,9	88,9
в т.ч. коровы	–172,3	91,5
Овцы	+115,3	102,6
Свиньи	–600,6	61,4

Максимальные и существенно возросшие потери понесло поголовье свиней, сократившееся более чем на треть. Темпы снижения поголовья лошадей и КРС ускорились (–12 и –11%), а коров – замедлились (–8,5%). В отличие от других видов скота число овец в 1922 г. выросло почти на 3%. Рост произошел за счет 20%-ного увеличения количества ягнят. Поголовье взрослых овец сократилось на 5%. Удельный вес овец в стаде

продуктивного скота вырос с 44,1 до 49,8%, свиней – снизился с 15,2 до 10,3%, КРС – изменился минимально. Оперативный учет Сибземотдела зафиксировал высокие темпы сокращения скота в наиболее недородной Омской губернии (лошадей – на 15,8%, КРС – на 14,4, овец и коз – на 19,8, свиней – на 35,7%), численности лошадей – в Новониколаевской, Енисейской и Иркутской губерниях (на 18,1, 13,4 и 13,3% соответственно), свиней – в Новониколаевской и Томской губерниях (на 34,5 и 30,4%). В то же время увеличилось поголовье КРС в Алтайской и Енисейской губерниях и овец – в Алтайской губернии⁶⁰.

Высокая убыль скота была зафиксирована в национальных районах Сибири. В Селенгинском аймаке в Западном Забайкалье разверстка кож вычислялась не по размерам нормального убоя, а по численности скота, причем власти определили ее в 1/4 кожи с каждой головы. Следовательно, только для сдачи кож население должно, по логике советской власти, разом забить четверть поголовья. В результате общее поголовье скота сократилось в аймаке к 1922 г. на 43%, причем поголовье лошадей – на 49%, КРС – на 68%, а значит, из оставшегося скота преобладал мелкий. Сложно определить, в какой степени это было связано с убоем, а в какой – с отгоном через границу в Монголию. Но показательно, что уже в 1922 г. в аймаке начался голод, не утихавший и в 1923 г.⁶¹ Аналогичная ситуация сложилась в Северном Казахстане. Кочевые хозяйства Семипалатинской и Акмолинской губерний, пострадавшие зимой 1920–1921 гг. от сильнейшего джута, власти заставили сдать по налогу в три раза больше мяса, чем причиталось по разверстке⁶².

Поголовье скота в регионе между сельскохозяйственными переписями 1920 и 1922 гг. на территории Сибирского края изменилось следующим образом (Приложение, табл. 12, 13):

	1922 г. к 1920 г., %
Лошади	86,6
в т.ч. рабочие	87,6
КРС	82,5
в т.ч. коровы	74,9
Овцы	90,2
Свиньи	50,4

Рекордным стало падение поголовья свиней (в 2 раза от уровня 1920 г.). Значительные потери понесло стадо коров, сократившееся на четверть. Численность КРС в целом снизилась на 17,5%. С 55,8 до 50,6% снизился удельный вес коров в поголовье КРС. Угрозу для восстановления численности крупного рогатого скота создавала значительная убыль быков (с 56 тыс. до 39 тыс.). Менее всего пострадало поголовье овец. Лошадей в 1922 г. стало на 13% меньше, чем в 1920 г. Заметно

изменилось место овец и свиней в структуре продуктивного стада: доля первых увеличилась с 44,6 до 49,8%, вторых – уменьшилась с 16,5 до 10,3%. Относительно уровня 1916 г. поголовье лошадей в Сибири к весне 1922 г. снизилось на 19%, овец – на 27,2, КРС – на 37,5, коров – на 36,3, свиней на 57,7%.

Поголовье скота в 1922 г. по отдельным сельскохозяйственным зонам региона относительно уровня 1920 г. составляло (см. Приложение, табл. 15) (%):

	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
I	87,2	80,3	72,4	70,0	53,1
II	79,3	78,2	67,5	61,7	37,0
III	94,7	96,8	93,7	112,0	62,3
IV	76,6	68,5	67,7	89,3	36,5
V	78,3	63,3	64,3	88,9	33,0
VI	114,6	105,8	103,1	118,5	82,0

Наиболее существенный сброс поголовья лошадей, КРС и свиней произошел в среднесибирской зоне и Горном Алтае, овец и коз – в северо-западном и центральном районах. В центральной зоне также зафиксировано существенное сокращение числа коров и свиней. В Степном Алтае стадо лошадей и КРС снизилось незначительно, а овец и коз – увеличилось. В восточной зоне выросла численность всех видов сельскохозяйственных животных, за исключением свиней.

Заметные сдвиги в структуре продуктивного скота произошли в среднесибирской (рост доли овец и коз – с 50,8 до 62,9%, снижение доли свиней – с 14,7 до 6,85%), центральной (рост доли КРС – с 39,8 до 48,5%, снижение доли свиней – с 16,6 до 9,5%), северо-западной (снижение доли свиней – с 21,0 до 15,8%), юго-западной (увеличение доли овец и коз – с 46,5 до 52,4%) зонах и Ойротии (увеличение доли овец и коз – с 43,8 до 51,4%). В центральной зоне удельный вес коров в стаде КРС уменьшился до самого низкого в регионе показателя – 48,1% (в 1920 г. – 55,7%). Существенное снижение доли коров отмечено и в северо-западной зоне (с 60,8 до 54,8%).

Климатические условия для ведения животноводства в 1922 г. были лучше, чем в предыдущие два года. Удовлетворительный урожай трав благоприятствовал летнему нагулу скота и созданию достаточной кормовой базы для его зимнего стойлового содержания. Однако потенциальные возможности для начала восстановительных процессов в отрасли были в значительной степени блокированы налоговой политикой государства.

В 1922 г. на сибирские губернии был наложен налог в 2 млн пуд. мяса. Его выполнение протекало достаточно легко и быстро. Подсчеты

поголовья и норм убоя свидетельствовали, по мнению руководства Сибпродкома, что Сибирь могла дать около 4 млн пуд. мяса⁶³. Наркомпрод, изначально установив минимальный размер сдачи мяса, не ограничивал сибирские продорганы в его приемке свыше этого количества. Но когда стало ясно, что крестьяне, получив право выбора продукта, сдаваемого в счет продналога, предпочитают отдавать мясопродукты вместо зерновых культур, Сибревком, выполняя указания центра, 27 октября 1922 г. распорядился прекратить прием мяса до тех пор, пока не будет выполнен налог по хлебу. И тем не менее населению удалось сдать мясом 26% продналога – гораздо больше, чем планировали заготовить продорганы региона. На 10 ноября были достигнуты следующие результаты выполнения продналога по мясу (тыс. пуд.)⁶⁴:

Губернии	Задание	Выполнение
Омская	250	330
Томская	250	195
Новониколаевская	400	451
Алтайская	520	477
Енисейская	400	556
Иркутская	120	91
Бурятская АО	60	54
Ойротская АО	–	31
Итого по Сибири	2000	2185

Если в 1921 г. размер погашения налогового задания мясом составил 3415 тыс. ржаных единиц, то в 1922 г. – примерно в три раза больше – 10 322 ржаных единицы⁶⁵. Сибирь в этом отношении не отличалась от голодающих районов европейской части России, где крестьянство тоже усиленно предлагало мясо вместо хлеба. Из-за неурожая мясопродукты по всей стране были относительно дешевы на рынке и доступны для заготовительных органов. В этом и кроется объяснение, почему центру не нужно было сибирское мясо.

Легкость выполнения мясной составляющей продналога давала только видимость благоприятного состояния отрасли. Действительной причиной были прорехи в правилах раскладки налога, которые создавали для крестьян лазейки. Продналог исчисляли в головах убойного скота. Это вело, во-первых, к активному забою молодняка, во-вторых, к очень плохому уходу за сдаваемым государству скотом. Поэтому работники продорганов жаловались на истощенность крестьянского скота. Поставляемые в счет натурального налога туши КРС едва дотягивали до 8 и даже 6 пуд., тогда как ранее стандартным считался вес в 14 пуд. Оценки этого явления у практиков из продовольственных и земельных

органов разделились. Одни принимали падение веса приводимого на убой скота за свидетельство кризисного состояния животноводства и верный признак бескормицы, другие видели в этом злой умысел. Очевидно, влияли оба фактора, но крестьянская хитрость имела решающее значение. Общее истощение скота, по мнению экспертов, приводило к потере среднего убойного веса на два пуда⁶⁶, все остальное – следствие нежелания откармливать скот для дарового убоя в пользу государства.

Собранные по продналогу мясопродукты покрывали большую часть внутрирегиональных потребностей. В связи с этим объемы торговли мясом и животноводческим сырьем в Сибири были минимальными, а закупочные цены в связи с сокращением рыночного спроса – низкими⁶⁷.

С весны 1922 по весну 1923 г. поголовье скота на территории Сибирского края изменилось следующим образом (см. Приложение, табл. 13):

	1923 г. к 1922 г., тыс. голов	1923 г. к 1922 г., %
Лошади	-417,1	87,8
в т.ч. рабочие	-234,3	90,8
КРС	+47,2	101,3
в т.ч. коровы	+95,3	105,2
Овцы	+1416,1	130,6
Свины	-76,7	92,0

Динамика изменения поголовья различных видов скота имела разновекторную направленность. Темпы сокращения численности лошадей остались практически неизменными. Снижение числа свиней продолжалось, но более медленно, чем в предыдущем году. Падение поголовья КРС прекратилось и наметился его медленный рост (+1,3%). При этом число коров в крестьянских хозяйствах увеличилось на 5%. Поголовье овец заметно выросло (+30,6%). Удельный вес овец в структуре продуктивного стада увеличился с 49,8 до 56,6%, а свиней и КРС – снизился соответственно с 10,3 до 8,2% и с 39,3 до 34,7%.

Сопоставимые данные об изменении численности скота в 1922–1923 гг. в пределах сельскохозяйственных зон отсутствуют. Выявленные оперативные материалы по отдельным губерниям⁶⁸ позволяют сделать вывод о том, что наиболее быстрыми темпами восстанавливалось поголовье скота в Енисейской губернии. В Иркутской губернии стадо лошадей и КРС сократилось, а число коров, овец, коз и свиней выросло. В центральной и северо-западной зонах поголовье лошадей уменьшилось, а продуктивного скота – увеличилось. Для животноводческого хозяйства Степного Алтая год оказался неблагоприятным. В регионе снизилось поголовье и рабочего, и продуктивного скота, включая овец.

Полномасштабное восстановление сибирского животноводства на базе нэпа началось в 1923/24 г. С весны 1923 по весну 1924 г. поголовье скота на территории Сибирского края изменилось следующим образом (см. Приложение, табл. 13):

	1924 г. к 1923 г., тыс. голов	1924 г. к 1923 г., %
Лошади	+367,2	112,2
в т.ч. рабочие	+235,5	110,2
КРС	+1030,2	127,9
в т.ч. коровы	+357,9	118,4
Овцы	+1970,7	132,6
Свиньи	+665,5	175,7

Выросло поголовье всех видов сельскохозяйственных животных. Численность продуктивного скота увеличилась более существенно, чем рабочего. Темпы прироста поголовья овец остались неизменно высокими (+33%). Немногом менее чем на треть выросло стадо КРС. Количество коров увеличилось на 18%. Рекордными оказались результаты прироста поголовья свиней (+78%).

Сопоставимые данные об изменении численности скота в 1923–1924 гг. в пределах сельскохозяйственных зон отсутствуют. Выявленные оперативные данные⁶⁹ позволяют сделать вывод об увеличении поголовья рабочего и продуктивного скота по всем зонам. Наиболее динамично развивалось животноводческое хозяйство в среднесибирской зоне. Минимальный прирост отмечен в Иркутской губернии. Численность скота в юго-западной зоне увеличивалась медленнее, чем в центральной и северо-западной. При этом в Омской губернии было зафиксировано сокращение поголовья лошадей (на 7,5%) и коров (на 1,7%). Разница в темпах в значительной степени определялась урожайностью трав и зерновых. На ситуацию в Омской губернии повлиял локальный недород во входившем в ее состав Славгородском уезде. Существенно снизился сбор сена на территории Рубцовского, Барнаульского и Бийского округов, а Тарского, Омского, Ачинского и Минусинского – повысился. В Юго-Западной Сибири урожай в 1923 г. был меньше, чем в 1922 г., а в Северо-Восточной – больше⁷⁰.

Базовым фактором восстановительных процессов стало снижение тяжести налогообложения крестьянских хозяйств. Крестьяне приступили к воссозданию страхового поголовья. Развивались рыночные отношения. Действенные стимулы для развития молочного животноводства создавали растущие закупочные цены на масло (см. гл. 5).

Росли цены на животноводческое сырье, прежде всего шерсть и кожсырье, повышенный спрос на которое предьявила восстанавливавшаяся промышленность. В изделиях из него остро нуждалось городское

население, уровень благосостояния которого улучшался. Значительную выгоду сулил экспорт. В то же время предложение указанных видов продукции в силу незначительности объемов производства было ограниченным. На заготовительном рынке развернулась ожесточенная конкурентная борьба между многочисленными государственными, кооперативными и частными заготовителями. Увеличение цен привело к затруднениям в работе предприятий легкой промышленности. Ограниченные государством в ценах на готовые изделия, они не имели финансовых возможностей приобрести необходимое количество сырья.

В феврале 1924 г. в ситуацию вмешивается государство. Вводятся ценовые лимиты как на закупаемое государственными и кооперативными заготовителями, так и на отпускаемое ими промышленным предприятиям кожсырье и шерсть, ограничивается количество заготовительных организаций, которым разрешается их приобретение, вводится запрет на проведение торгово-закупочных операций через частных контрагентов. Выработанные в начале 1924 г. принципы государственного регулирования заготовительного рынка животноводческого сырья были пролонгированы на 1924/25 г. На этот год Наркомвнутторг СССР принял государственные планы закупок отдельных видов сельхозпродукции и разверстал их по регионам и организациям, допускаемым на рынок. Сибкрайвнутторг в свою очередь утвердил региональные заготовительные задания и распределил их между государственными и кооперативными торгово-закупочными организациями, получившими статус основных плановых заготовителей. Сибирь получила имеющее кредитное обеспечение задание по закупкам кожсырья, шерсти и растительного волокна. Введенные на эти продукты предельные цены тормозили заготовки⁷¹.

На мясном рынке сложилась иная ситуация. Чтобы не допустить обвала закупочных цен в недородных районах европейской части СССР (см. гл. 3), государство направило в них значительные ресурсы, не оказав поддержки другим регионам. В число последних вошла Сибирь, которая была исключена из общесоюзного плана мясозакупа и не получила кредитов на его ведение. Предложение в крае существенно превысило финансовые возможности местных заготовителей и цены на мясopодукцию и живой скот резко снизились⁷².

Восстановлению животноводства способствовала более эффективная заработавшая система санитарно-ветеринарного обслуживания. Расширились масштабы вакцинации сельскохозяйственных животных. К маю 1924 г. на территории Восточной Сибири была ликвидирована чума КРС. Резко сократилось число районов распространения ящура, повального воспаления легких КРС, чесотки лошадей, сибирской язвы. В 1923/24 г. число заболевших животных по сравнению с 1920/21 г.

снизилось в 4 раза, а количество павших и забитых животных – почти в 5 раз⁷³.

По данным, приведенным в табл. 13 Приложения, поголовье скота в регионе весной 1924 г. относительно показателей весны 1922 г. составляло (%):

Лошади	98,5
в т.ч. рабочие	100,0
КРС	129,5
в т.ч. коровы	124,5
Овцы	173,2
Свиньи	161,6

Численность лошадей в крестьянских хозяйствах региона весной 1924 г. была почти такой же, как и в весной 1922 г. Поголовье коров выросло на четверть, КРС – почти на треть, свиней – на 2/3, овец – на 2/5. Наиболее значимыми сдвигами в структуре продуктивного стада стал рост доли овец (с 49,8 до 55,7%) и снижение – КРС (с 39,3 до 32,9) (см. Приложение, табл. 14).

Позональные данные о состоянии животноводства в 1922–1924 гг. приведены в табл. 15, 16 Приложения. Поголовье скота в 1924 г. по отдельным сельскохозяйственным зонам относительно уровня 1922 г. составляло (%):

	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
I	96,8	134,3	122,7	200,4	163,7
II	90,3	128,0	122,2	231,0	168,5
III	84,8	101,4	94,7	134,5	94,0
IV	108,5	147,2	119,2	185,3	355,2
V	132,8	195,2	168,0	200,7	334,4
VI	102,4	106,1	111,0	132,7	156,0

Наиболее существенный прирост поголовья скота зафиксирован в среднесибирской зоне (КРС – почти в 2 раза, коров – в 1,7, овец и коз – в 2, свиней – в 3,3 раза). Достаточно быстро восстанавливалось животноводство в Горном Алтае. В северо-западной и центральной зонах, наряду с заметным увеличением численности продуктивного скота, уменьшилось количество лошадей. В восточной зоне поголовье овец, коз и свиней росло относительно высокими темпами, а численность лошадей и КРС увеличилась незначительно. В юго-западной зоне зафиксировано существенное сокращение числа лошадей (на 15%). В Степном Алтае стало меньше коров и свиней, а число овец и коз, напротив, выросло на треть.

Тенденция к сокращению в структуре стада продуктивного скота удельного веса КРС и увеличению доли овец и коз в большей степени проявилась в центральной и северо-западной зонах (КРС – соответственно с 48,5 до 35,5% и с 45,0 до 36,7%, овец и коз – с 41,9 до 55,3% и с 39,1 до 47,6%). В восточной зоне сокращение доли КРС (с 52,0 до 44,8%) произошло не столько за счет увеличения доли овец и коз (с 30,5 до 33,0%), сколько за счет роста удельного веса свиней (с 17,5 до с 22,2%). Доля свиней в общей численности продуктивного скота также увеличилась в среднесибирской зоне (с 6,8 до 10,9%) и в Ойротии (с 2,3 до 4,8%). Особенности среднесибирской зоны заключались в незначительном изменении соотношения КРС и овец. Во всех зонах, за исключением восточной, зафиксировано сокращение удельного веса коров в стаде КРС.

О промежуточных итогах восстановительных процессов в сибирском животноводстве можно судить, сравнив данные за 1924 и 1916 гг. (см. Приложение, табл. 12, 13):

	1924 г. к 1916 г., %
Лошади	79,8
КРС	81,0
Коровы	79,4
Овцы	126,0
Свиньи	68,3

Количество лошадей, КРС, включая коров, и свиней в 1924 г. намного уступало показателям 1916 г., поголовье же овец – значительно превосходило. Удельный вес овец в стаде продуктивного скота в 1924 г. был на 12,2 п.п. больше, а доля КРС и свиней – соответственно на 7,1 и 4,8 п.п. меньше, чем в 1916 г.

О ситуации в отдельных сельскохозяйственных зонах можно судить по табл. 15, 16 Приложения. Поголовье скота в 1924 г. на их территории относительно уровня 1916 г. составляло (%):

	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
I	74,4	72,4	75,0	96,4	61,7
II	57,6	67,7	63,8	96,1	47,2
III	84,1	80,5	77,2	152,2	67,6
IV	54,2	71,1	63,9	114,1	135,0
V	109,2	114,6	118,3	151,7	92,3
VI	120,0	78,2	96,3	112,7	90,2

В среднесибирской зоне восстановление поголовья скота к весне 1924 г. фактически завершилось. Лишь численность свиней на ее территории уступала показателям 1916 г. В восточной зоне стадо лошадей, а

также овец и коз в 1924 г. превосходило уровень 1916 г. В Западной Сибири число лошадей, КРС и свиней существенно уступало зафиксированному статистикой предшествующему максимуму. В то же время восстановление поголовья мелкого рогатого скота в северо-западной и центральной зонах было близко к завершению, а в юго-западной овец в 1924 г. было в 1,5 раза больше, чем в 1916 г.

Таким образом, в начале XX в. сибирское скотоводство по объемам валового производства уступало растениеводству, но превосходило его по товарному выходу. Наиболее динамически развивавшейся отраслью сельского хозяйства Сибири являлось промышленное маслоделие. Ставка на товарное маслоделие определяла первоочередное наращивание поголовья крупного рогатого скота. Первая мировая и Гражданская войны в целом негативно сказались на развитии животноводства, вызвав сокращение поголовья скота. В начале 1920-х гг. умеренная рецессия отрасли сменилась полномасштабным кризисом. Восстановление производительных сил животноводства в регионе на базе нэпа началось лишь в 1923–1924 гг.

---

¹ Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1976. С. 113.

² В 1916 г. на территории Сибирского края доля коз в общей численности мелкого рогатого скота составляла 2,3% (Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 42).

³ По данным сельхозпереписи 1916 г., на территории Сибирского края волы составляли 2,4% от общего количества рабочего скота (там же. С. 40–41).

⁴ В 1917 г. в Сибири насчитывалось 233,2 тыс. верблюдов, в том числе в Акмолинской области – 146,5 тыс., в Семипалатинской – 75,7 тыс., в Забайкальской – 9,5 тыс. (Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 67, 79). Стадо оленей в Сибири в целом, по приблизительным расчетам, состояло из 1079 тыс. голов (Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 54, 55). Сельхозперепись 1916 г. насчитала на территории Сибирского края 13 тыс. голов прочего скота (там же. С. 43).

⁵ Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 146.

⁶ Нами выявлены данные о соотношении видов сенокосных угодий в регионе в 1926 г. В целом на территории Сибирского края доля залежных, суходольных, степных, лесных, болотных и заливных сенокосов составляла 29,3, 20,5, 16,0, 14,6, 10,5 и 9,1% соответственно. Наиболее высокой доля залежных сенокосов была в Рубцовском, Славгородском и Омском округах (58,4, 52,3 и 49,2% соответственно), суходольных – в Киренском, Тулунском и Иркутском округах

(57,3, 38,0 и 37,5%), степных – в Славгородском, Омском и Ачинском округах (29,4, 25,3 и 25,1%), лесных – в Ойротии, Тулунском и Канском округах (46,1, 39,3 и 37,8%), болотных – в Барабинском и Тарском округах (26,8 и 22,8%), заливных – в Киренском, Томском и Тарском округах (23,4, 21,8 и 20,3%) (Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края. 1920–1928 гг. Новосибирск, 1930. Вып. 1: Полеводство и луговодство. С. XXXVIII–XXXIV).

⁷ Пронин В.И. Скотоводство Сибири в XIX – начале XX в. // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 98–99.

⁸ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 31.

⁹ Пронин В.И. Скотоводство в Сибири... С. 113, 115; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 381.

¹⁰ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 381; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 47, 48, 53; Приложение, табл. 14.

¹¹ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков... С. 381; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 49.

¹² См.: Сельское хозяйство Сибирского края. С. 128; Бар Г. Скотоводство в Сибирском крае // Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 1. С. 57; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 251, 254; Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в конце XIX – начале XX века // Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 48; и др. Аналогичной точки зрения придерживался и один из соавторов данной монографии. См.: Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в 1920-е гг.: динамика и тенденции развития // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 46.

¹³ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 251. По данным Л.М. Горюшкина, опиравшегося на опубликованные материалы ЦСК, количество лошадей в губернии за десять предыдущих лет увеличилось на 4,9%. Правда, в последние три года этого десятилетия (1912–1914 гг.) поголовье сократилось. Но если взять демонстрирующие высокие темпы прироста 1905–1911 гг., то количество лошадей за эти семь лет увеличилось на 32,3% (Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков... С. 382).

¹⁴ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 48.

¹⁵ Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири как исторический источник // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 116.

¹⁶ Горюшкин Л.М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. Вып. 3: Сибирь в период капитализма. С. 206.

¹⁷ Пронин В.И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.): материалы к спецкурсу. Новосибирск, 1999. С. 68–69, 80; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 386.

¹⁸ Оськин М.В. Русская армия и продовольственный вопрос // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 147. Монгольская экспедиция продолжала работу и в 1917–1918 г., пока не была ликвидирована Временным Сибирским правительством, заготовив более 100 тыс. голов скота. В 1919–1920 гг. ее работу по заготовкам скота непосредственно в Монголии и на юге Восточной Сибири взяла на себя иркутская контора Центросоюза. Правда, в следующие два года заготовки упали примерно в десять раз и не оказывали большого влияния на мясной рынок страны, снабжая мясом преимущественно города Восточной Сибири (Зыкова Н.Л. Экспедиция Иркутской конторы Всероссийского центрального союза потребительских обществ (Центросоюза) в Монголию в 1919–1921 гг. // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (Батуевские чтения). Улан-Удэ, 2010. Вып. 4. С. 116–119).

¹⁹ Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010. С. 151; Пронин В.И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.). Новосибирск, 1999. С. 80.

²⁰ Правительственный вестник (Омск). 1918. 14 дек.

²¹ Иваненко В.И. История развития животноводства в годы «военного коммунизма» и нэпа в Зауралье (на материалах Тюменской области). Тюмень, 2005. С. 39.

²² Совещание по вопросам животноводства 14–18 декабря 1918 г. в Томске. Новониколаевск, 1919. С. 12–13.

²³ Погубернские итоги... С. 78–79; ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 3. Д. 2. Л. 24; ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 179. Л. 44.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 211. Л. 66 об.

²⁵ Там же. Д. 374. Л. 21.

²⁶ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1200. Л. 162.

²⁷ Там же. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 379. Л. 98.

²⁸ По демографической переписи 1926 г., украинцы составляли 46,8% населения Славгородского округа (Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 117).

²⁹ Сборник статистико-экономических сведений... С. 40–43.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 89; Иванов М. Мясные ресурсы Сибири // Продовольственный бюллетень. Новониколаевск, 1922. № 19–20. С. 9; Самсонов В. Итоги продкампании 1922 года в Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 110; Отделы текущей сельскохозяйственной статистики // Жизнь Сибири. 1924. № 5–6. С. 238–239; и др.

³¹ Иваненко В.Е. Коневодство в Зауралье в годы Гражданской войны // Славцовские чтения–2003: материалы XV всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 68.

³² Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. М., 2000. Т. 1: 1918–1922 гг. С. 431, 622.

³³ Савостенко В.М. Из истории борьбы томских большевиков за реализацию решений X съезда РКП(б) в 1921–1923 гг. // Уч. зап. Абаканского пед. ин-та. 1958. Вып. IV. С. 123–124.

³⁴ Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики... С. 220–221; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 59. Л. 123.

³⁵ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

³⁶ Там же. Л. 103–104.

³⁷ Алтайский ежегодник. Барнаул, 1922. Вып. 1. С. 221.

³⁸ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 160. Л. 40–40 об.

³⁹ Там же. Д. 59. Л. 122–124; Д. 160. Л. 43–45; Д. 222. Л. 11 об.

⁴⁰ Там же. Д. 160. Л. 44.

⁴¹ Там же. Д. 59. Л. 136–136 об.

⁴² П.К. Вопросы продовольствия. Борьба с голодом // Известия Сибревкома. 1920. № 2. С. 17.

⁴³ С.П.Д. [Коганович П.] Продовольственные задачи Сибири // Жизнь Красной Сибири. 1920. № 1. С. 7.

⁴⁴ Запасы сырья в Сибири и его заготовка // Жизнь Красной Сибири. 1920. № 4. С. 6–7. Несколько иные сведения о числе голов каждого вида скота, поставляемого по мясоразверстке, приводит А. Никаноров (см.: Никаноров А. Реализация мясных заготовок // Продовольственный бюллетень. 1920. № 2–3. С. 11).

⁴⁵ Итоги продовольственной кампании по Сибири // Жизнь Красной Сибири. 1921. № 1–2. С. 12–13.

⁴⁶ На омском продфронте (По отчету Омского губпродкома за ноябрь 1920 г.) // Продовольственный бюллетень (Новониколаевск). 1921. № 3. С. 8; Продкампания в Енисейской губернии (По отчету Губпродкома за ноябрь) // Там же. С. 9.

⁴⁷ Запасы сырья в Сибири и его заготовка. С. 6–8; Давыдов. Организация заготовок сырья // Продовольственный бюллетень (Омск). 1921. № 1–2. С. 7–11.

⁴⁸ Яровой И. Обзор сельского хозяйства Сибири: животноводство // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 4; Продовольственный бюллетень. 1920. № 4–5. С. 4.

⁴⁹ Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. Т. 1. С. 476.

⁵⁰ Самсонов В. К итогам продкампании 1922–23 года // Жизнь Сибири. 1923. № 8. С. 134.

⁵¹ Дьяченко Н.В. Деятельность Сибирского отделения Центросоюза в Монголии в начале 1920-х гг. // Экономическая история Сибири XX века: материалы всерос. науч. конф. Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 70.

⁵² ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 160. Л. 43.

⁵³ СУ РСФСР. 1920. № 19. Ст. 106.

⁵⁴ Иваненко В.И. История развития животноводства... С. 42–43.

⁵⁵ Донченко А.С., Осташко Т.Н., Самоловова Т.Н. Очерки истории ветеринарии в Сибири. 1917–1927 гг. Новосибирск, 2006. С. 267, 278, 288, 297, 305, 312, 320.

-
- ⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1200. Л. 162; Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 379. Л. 16.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 543. Л. 324. Выполнение мясного налога 1921/22 г. в Сибири составило 92% (там же. Л. 247).
- ⁵⁸ Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 219.
- ⁵⁹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 132.
- ⁶⁰ ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 379. Л. 16.
- ⁶¹ Андреев Ч.Г., Зайцева Л.А. Очерки аграрной истории Бурятии. Улан-Удэ, 1993. С. 107; Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД. Т. 2: 1923–1929 гг. С. 66.
- ⁶² История крестьянства советского Казахстана. Алма-Ата, 1985. С. 99–101.
- ⁶³ Иванов М. Мясные ресурсы Сибири. С. 9.
- ⁶⁴ Самсонов В. Продовольственное обозрение // Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 172.
- ⁶⁵ Он же. Итоги продкампании 1922 года в Сибири. С. 115.
- ⁶⁶ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1276. Л. 38.
- ⁶⁷ См.: Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственно-го рынка Сибири в условиях нэпа. 1921–1928 гг. Новосибирск, 2005. С. 63–64.
- ⁶⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 750а. Л. 162; Д. 1177. Л. 13; Алтай в восстановительный период: сб. документов. Барнаул, 1960. С. 235, 236, 327; Гензель С. Сельское хозяйство Ново-Николаевской губернии в 1917–1923 году. Новониколаевск, 1924. С. 10; Перспективный план развития сельского хозяйства Томской губернии. Томск, 1926. С. 258.
- ⁶⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13; Алтай в восстановительный период. С. 235, 236, 327; Гензель С. Сельское хозяйство Ново-Николаевской губернии... С. 10; Перспективный план развития... С. 258.
- ⁷⁰ На территории Славгородского округа урожайность залежных и степных сенокосов снизилась с 7,99 и 5,47 до 3,18 и 3,73 ц/га, Рубцовского – залежных и сенокосных – с 13,54 и 14,52 до 5,66 и 5,24 ц/га, Барнаульского – залежных и сенокосных – с 12,77 и 14,39 до 7,19 и 5,80 ц/га, Бийского – залежных – с 12,77 до 7,02 ц/га (Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике... С. 112, 113, 115, 117).
- ⁷¹ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 122–123.
- ⁷² Там же. С. 123.
- ⁷³ Донченко А.С., Осташко Т.Н., Самолова Т.Н. Очерки истории ветеринарии... С. 267, 286, 293, 314, 320.

Глава 5

МАСЛОДЕЛИЕ И МАСЛОЗАГОТОВКИ

Наиболее динамично развивающейся отраслью сельского хозяйства Сибири в начале XX в. было промышленное маслоделие. Базой его возникновения стали богатые пастбищные угодья, переход на машинный способ выработки животного масла и проведение Транссибирской магистрали, позволившее наладить ширококомасштабный вывоз продукции из региона. Первый маслодельный завод в Сибири был открыт в 1894 г. в с. Утяцком Курганского уезда Тобольской губернии. После этого маслозаводы за Уралом стали расти «как грибы», продвигаясь по мере строительства железной дороги все дальше на восток. В 1910 г. в Томской и Тобольской губерниях функционировало 3180 заводов. К началу Первой мировой войны в маслодельческих районах Западной Сибири почти не осталось населенных пунктов, в которых бы ни работал маслозавод или его отделение¹.

По мере открытия новых заводов увеличивался выпуск масла, что было связано с ростом производства молока и соответствующим увеличением количества коров. Основу молочного стада Сибири составляла местная порода коров, которая отличалась высоким содержанием жира в молоке – до 5,2%, а следовательно, высоким выходом масла и, кроме того, неприхотливостью к условиям содержания и кормления. Однако при высокой жирности молока удои были низкими и составляли в среднем 10 ц в год².

За короткий срок регион по производству данного вида продукции намного обогнал все старые маслодельческие центры страны: Северный, Северо-Западный, Южный, Юго-Западный и др. К 1906 г. в регионе производилось до 3,7–3,8 млн пуд. товарного масла, к 1913 г. – до 6 млн пуд. Абсолютно большая его часть предназначалась для вывоза из России. В 1894 г. из Сибири было экспортировано 400 пуд. масла, в 1906 г. – 3 млн, в 1913 г. – 4,4 млн пуд. (с территории будущего Сибирского края – 3,7 млн пуд.). Резко выросла доля региона в экспорте масла из России: в 1896–1900 гг. она составляла около 1/2 среднегодового вывоза, в 1901–1906 гг. – 2/3. В начале 1910-х гг. регион поставлял более 1/6 мирового и 9/10 российского экспорта животного масла³. П.А. Столыпин в 1910 г. заявил: «Вывоз сибирского масла имеет не только местное значение. Весь наш экспорт масла на внешние рынки целиком основан на росте сибирского маслоделия <...> Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность»⁴.

Диктат частных владельцев заводов и маслоторговцев, занижающих закупочные цены на молоко, стал побудительным мотивом возникновения крестьянской маслодельной кооперации. Основной целью объединения крестьян было самостоятельное производство масла и его сбыт на рынке. Активную поддержку процессу кооперирования оказывали центральные и местные власти. В 1898 г. в Сибири насчитывалось 13 маслоартелей, в 1902 г. – 101, в 1910 г. – 1337. В 1913 г. кооперативными были до половины всех сибирских маслозаводов. В 1907 г. создано первое кооперативное объединение «Сибирский союз маслодельных артелей» (ССМА), основной целью которого являлась организация более выгодного экспорта произведенного низовыми кооперативами масла за границу. К 1913 г. в его состав входило 563 артели. Доля союза в экспорте масла в 1913 г. составляла 14,2%⁵, остальная часть продукции была вывезена частными фирмами.

Государственное воздействие на сферу производства и торговли маслом в довоенные годы было минимальным и заключалось в поддержке процесса кооперирования крестьянства, содействии организации бирж, строительстве маслохранилищ и холодильников на железнодорожных станциях и мероприятиях по упорядочению масляного грузооборота. Царское правительство поощряло вывоз масла из региона, установив на него в отличие от хлеба невысокий железнодорожный тариф, а на продукцию, идущую за границу, и на этот тариф была установлена 10%-ная скидка. В процесс ценообразования на масляном рынке государство не вмешивалось.

Первая мировая война коренным образом изменила ситуацию. Ведущее место в обороте масляной продукции заняло государство с его централизованными закупками для армии. С началом войны был запрещен экспорт масла, ранее поглощавший до 80% всего производства. Военное министерство сделало ставку на то, чтобы снабжать солдат преимущественно западносибирским маслом.

Но первые опыты его казенной скупки в Сибири пришлось на неблагоприятный для отрасли период – цены на рынке колебались то вверх, то вниз. В августе 1914 г. с целью создания стабильных условий закупок уполномоченный Министерства земледелия по заготовкам масла в Сибири С.М. Кочергин заключил договор с ССМА, предоставив ему права покупать для казны масло как у членов своего союза, так и у частных производителей, а Государственный банк выдал под это масло ссуду. При этом союз проводил политику дискриминации несоюзных производителей, закупая у них масло для казны дешевле, чем у своих членов⁶.

В октябре 1914 г. у частных фирм, обвиненных в спекуляции, была произведена реквизиция 800 тыс. пуд. масла⁷. Это разорило многих участников рынка, укрепив позиции кооперации. В значительной мере

под влиянием реквизиционной операции образовался недостаток предложения масла на рынке, возникли перебои со снабжением городского населения и закупочные цены поднялись. Хозяйственная целесообразность данной акции вызывает большие сомнения. Хранилось масло в местах реквизиции, долгое время о его дальнейшей судьбе никаких распоряжений не поступало. К весне 1915 г. только 200 тыс. пуд. было отправлено в армию. Лишь после того как продукция стала портиться, ее решено было перетопить и пустить в свободную продажу, но уже по сниженной цене⁸.

1 ноября 1914 г. власти вновь разрешили экспорт масла за границу, ограничив его, однако, Великобританией. Экспортный поток устремился через Архангельск и отчасти через Одессу и составил в 1915 г. 3,1 млн пуд. Экспорт и заготовки для армии привели к хроническому недоснабжению маслом гражданского населения⁹. В 1915 г. правительство установило твердые цены на масло. 24 сентября того же года запрещается ее вывоз за границу и устанавливается масляная монополия, в соответствии с которой все произведенное масло поступало в собственность государства¹⁰. Осуществление госмонополии на комиссионных началах передавалось в руки ССМА. Доля последнего в общесибирском маслозакупе в связи с этим возрастает с 28,2% в 1915 г. до 92,6% в 1916 г.¹¹

Но это происходило на фоне общего сокращения производства товарного масла (с 6 млн пуд. в 1913 г. до 5,3 млн в 1915 г. и 4,2 млн пуд. в 1916 г.¹²) и закрытия частных маслозаводов. Вывоз масла из региона, колеблясь по годам, также имел тенденцию к снижению. По сведениям ССМА, в 1914 г. объем вывоза сократился по сравнению с предыдущим годом на 26%, в 1915 г. увеличился на 40%, в 1916 г. вновь уменьшился на 31% и в 1917 г. вырос на 11%, в 1917 г. за пределы региона масла вывезли на 21% меньше, чем в 1913 г. (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Вывоз масла из Сибири в 1913–1920 гг.

Год	Вывезено масла (тыс. пуд.)	Год	Вывезено масла (тыс. пуд.)
1913 г.	4442	1917 г.	3521
1914 г.	3285	1918 г.	1783
1915 г.	4612	1919 г.	1000
1916 г.	3175	1920 г.	720

Источник: Сибирская маслodelьная кооперация (1921–1930). М., 2008. С. 132–133.

С одной стороны, монополизация оказалась выгодна производителям, которые теперь получили стабильный рынок сбыта своего масла. Более того, именно в эти годы улучшилась технология изготовления, артели стали тщательнее следить за качеством продукции и производить сортование масла. Но, с другой стороны, монополия сдерживала заготовительные цены до такой степени, что уже к 1916 г. отрасль стала нерентабельной. Дифференциация заготовительных цен между сортами по мере роста заготовительных цен становилась все менее существенной, что постепенно свело на нет стимулы к улучшению качества. Особо следует подчеркнуть, что государство проводило невыгодную для сибирских производителей масложаготовительную политику. В европейской части России монополия не вводилась, и крестьяне сохранили возможность сбывать молоко и масло по рыночным ценам.

При всем удобстве для казны монопольной системы ее губительность была настолько очевидна, что в 1916 г. С.М. Кочергину пришлось пойти на частичное возрождение конкуренции. Поставки масла казне теперь осуществляли 8 кооперативных организаций и сибирские отделения Московского общества сельского хозяйства. Результаты сказались только в следующем году, когда доля ССМА на рынке масла сократилась с 92,6 до 71,4%¹³. Однако ситуация на масляном рынке продолжала ухудшаться. Заготовительные цены до лета 1915 г. оставались зафиксированы на уровне рыночных цен августа 1914 г. (12 р. 22 к. за пуд). Еще год они держались на уровне 20 руб. за пуд, но это уже не позволяло окупить расходы на содержание скота и производство продукции. С лета 1916 г. заготовительные цены периодически индексировались и в декабре 1917 г. составляли 68–70 руб. за пуд в зависимости от сорта масла¹⁴. Но, во-первых, этот уровень по прежнему оставался ниже себестоимости, а, во-вторых, ничтожная дифференциация цен по сортам не стимулировала производителей к улучшению качества.

Частный торговый капитал, окончательно изгнанный из сферы легального маслооборота, переместился на «черный рынок», на который уходило около 10% продукции. Из-за высокого уровня его цен многие крестьяне прекратили сдачу молока на маслозаводы и начали перерабатывать его на дому мелкими сепараторами и сбывать частным скупщикам. Одновременно увеличивается внутривоспроизводственное потребление молока. Снижению технического состояния маслозаводов, не получавших необходимого оборудования и припасов из-за милитаризации экономики и разрыва экспортных связей. Часть маслозаводов была ликвидирована, увеличился забой молочного скота.

Впрочем, сибирские губернии и области исправно снабжали армию и европейскую часть страны маслом. До лета 1917 г. военное ведомство считало Сибирь рынком, способным целиком удовлетворить запросы армии. Поэтому в европейской части страны централизованные заготовки не производились. Это ставило сибирских маслоделов в невыгодное положение. Когда в июне 1917 г. район заготовки масла для армии распространили на Нечерноземье и Приуралье, заготовительные цены там оставались примерно на 40–50% выше, чем в Сибири. При этом, как и раньше, именно Сибирь продолжала давать 98% всего поставлявшегося в армию масла, а европейские производители специализировались на удовлетворении спроса продовольственных организаций¹⁵.

1917 г. оказался более удачным для государства, заготовки которого возросли благодаря увеличению закупочных цен и диверсификации посреднического аппарата. Но такой эффект мог быть только кратковременным, если не подкреплялся регулярной индексацией цен. Между тем революционные события не способствовали этому. Власти менялись, а казна при этом пустела, и к новому пересмотру цен ни одна из них не была готова. 25 августа 1917 г. в Омске был учрежден Комитет по заготовке масла в Сибири, состоявший из трех членов: уполномоченного по заготовкам масла, сыра и сала в Сибири С.М. Кочергина, представителя от ССМА и от остальных заготовителей (исключительно кооперативных)¹⁶. Лоббируя интересы кооперации, этот орган выступал за отмену государственной монополии. Урожайный 1917 г. создавал благоприятные условия для наращивания поголовья и восстановления маслоделия. Тем не менее отсутствие импорта и демобилизация армии устранили необходимость заготовки масла чрезвычайными методами.

На 1918 г. Комитет по заготовке масла предложил изменить характер взаимодействия кооперации и государства на масляном рынке. Дело заготовок надлежало передать целиком в руки кооперативных организаций, которые принимали на себя обязательство поставлять казне по твердым ценам заранее установленное планом количество масла. Остальное они могли сбывать населению совершенно свободно, а также поставлять за границу. Только так можно было возродить стимулы к расширению производства масла и спасти отрасль от окончательного разорения¹⁷. При этом кооперативные маслодельные организации, собравшиеся на совещание 28 февраля – 1 марта 1918 г., потребовали установить заготовительную цену в 120 руб. за пуд, введя ее с 1 марта¹⁸.

Но Сибкраесовет еще в январе 1918 г. постановил ликвидировать Комитет по заготовке масла, приняв в свое ведение все его дела и кредиты. Более того, руководившие им большевики негативно относились к самостоятельному ведению заготовок сибирскими кооперативными

организациями, видя в ней лишь государственный технический аппарат. 6 марта 1918 г. масляной отдел Краесовета постановил оставить неизменными прошлогодние заготовительные цены на масло. Противостояние советских продовольственных органов и кооперации привело к серьезным перебоям в оплате масла, заготовленного для казны¹⁹. Дальнейшие закупки его у крестьян-маслоделов стремительно сокращались, несмотря на приближение благоприятного летнего сезона.

Временное Сибирское правительство в начале июля 1918 г. подтвердило сохранение государственной масляной монополии и принудительных заготовок, сохранив прежние фиксированные цены²⁰. Цена эта не признавалась нормальной, но правительство резонно исходило из необходимости сначала расплатиться за уже сданное ранее казне масло. Существовали опасения, что если изменить цену урегулирования задолженности, достигавшей 40 млн руб., неизбежно возникнет вопрос о том, по какой из цен оплачивать уже сданное масло²¹. Кроме того, законодательство оговорило, что ограничения не касаются розничной торговли маслом производителями на городских и сельских рынках.

Регулирование торговли маслом и осуществление заготовок было возложено на масляной отдел Министерства продовольствия, но для выработки государственной политики возродили Масляной комитет в качестве экспертного учреждения. Проведя анализ соотношения цен на продовольственные и промышленные товары, комитет пришел к выводу, что рентабельная заготовительная цена должна составлять 193–215 руб. за пуд, но не решился на этом настаивать, так как базарная цена масла в начале осени стояла не выше 120–150 руб. за пуд²².

Однако к осени рыночные цены не просто значительно обогнали твердые, но и дальше поползли вверх, что в совокупности с несвоевременной оплатой сданной в казну продукции негативно сказалось на осуществляемых от имени государства кооперативных заготовках. Министр продовольствия Н.С. Зефирин 11 ноября 1918 г. в докладной записке в Совет министров констатировал: «Низкая цена и долговременная его неоплата казною побудила население сдавать масло не в казну, а стараться продавать его спекулянтам». Последние покупали его нелегально по цене 80–100 и даже 120 руб. за пуд при твердой цене в 69 руб. за пуд²³.

10 декабря 1918 г. Российское правительство адмирала А.В. Колчака отменило государственную масляную монополию, восстановив свободную торговлю маслом²⁴. Но в условиях Гражданской войны слишком многое зависело не от государственной политики, а от объективных обстоятельств. Твердая цена во второй половине 1918 г. сохранялась на прошлогоднем уровне. Невозможность продавать масла больше, чем потребляла слабозаселенная азиатская часть России, отсутствие средств

у частных заготовителей не позволяли запустить восстановительные процессы в отрасли. Поэтому в 1918–1919 гг. производство, заготовки и вывоз масла продолжали сокращаться. В 1918 г. из Сибири было вывезено 1783 тыс. пуд. масла, что составляло 40% от довоенного уровня, в 1919 г. вывоз составил около 1 млн пуд. (табл. 5.1). В территориальных рамках Сибирского края вывоз масла за пределы региона сократился с 2500 тыс. пуд. в 1917 г. до 1266 тыс. в 1918 г. и 710 тыс. пуд. в 1919 г. (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Вывоз масла с территории Сибирского края в 1916–1925 гг.

Год	Вывезено масла (тыс. пуд.)	Год	Вывезено масла (тыс. пуд.)
1916 г.	2254	1921 г.	455
1917 г.	2500	1922 г.	395
1918 г.	1266	1923 г.	533
1919 г.	710	1924 г.	1450
1920 г.	513	1925 г.	1686

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 167.

Настоящая катастрофа разразилась после восстановления в Сибири большевистского режима. Советская власть ликвидировала маслодельную кооперацию. Все маслозаводы национализировались и передавались в распоряжение всесильного Наркомпрода. Вводилась масляная разверстка, в соответствии с которой крестьяне должны сдавать с каждой коровы либо 50 фунтов масла, либо необходимое для его производства количество молока. Общий объем масляной разверстки для «Сибревкомовской Сибири» устанавливается в размере 2420 тыс. пуд. Но поскольку от сибирской коровы не получали 50 фунтов масла и в лучшие времена, то ни о каком выполнении плана не могло быть и речи. В итоге по разверстке было собрано около 813 тыс. пуд. масла. За пределы «Сибревкомовской Сибири» в 1920 г. было вывезено 720 тыс. пуд., с территорий, впоследствии вошедших в Сибирский край, – 513 тыс. пуд.²⁵

С введением имеющей реквизиционный характер разверстки крестьяне окончательно теряют всякий стимул к ведению товарного молочного хозяйства, сокращая производство молока до потребительских норм и приводя в соответствие с ними количество коров в своих хозяйствах. Как отмечалось в докладной записке организационно-инструкторского отдела Сибсельскосоюза, *«не имея никакого экономического резона в скотоводстве, население не стало держать коров в прежнем размере и*

помимо того, что они в огромном количестве брались разверстками и налогами, стало само беспощадно резать их на мясо»²⁶.

После перехода к нэпу положение принципиально не изменилось. Вместо масляной разверстки вводился одноименный натуральный налог. Задание по масляному налогу для Сибири было более чем на 40% меньше фактически собранной разверстки. Ставка налога была определена для хозяйств, имеющих одну корову, в 8 фунтов масла, две коровы – в 10 фунтов, три коровы – в 12 фунтов, четыре и более – в 14 фунтов масла с каждой дойной коровы. Поскольку основное внимание продорганов было уделено взиманию хлебного и мясного налога, их масляный аналог оказался невыполненным. Всего в регионе до марта 1922 г. собрали 368,8 тыс. налогового масла, или 76,5% от плана²⁷.

Наряду с взиманием продналога для покрытия государственных нужд в продовольствии были организованы вненалоговые заготовки, первоначально осуществлявшиеся не путем покупки за деньги, а путем непосредственного обмена промышленных товаров на сельхозпродукцию. Осуществление товарообмена возлагалось на потребительскую кооперацию. Однако последняя не была свободна в своей деятельности и находилась под жестким контролем Наркомпрода и местных продкомов, которые диктовали ей объемы заготовок и заготовительные цены (обменные эквиваленты).

В соответствии с договором с Сибпродкомом Сибцентросоюз должен был до осени 1921 г. поставить государству 600 тыс. пуд. животного масла. Для осуществления данной программы в распоряжение потребкооперации передавалось соответствующее количество маслозаводов, на которых обязаны были перерабатывать молоко, как приобретенное по товарообмену, так и поступившее в зачет натурального налога. Указанное плановое задание было завышенным и не соответствовало ни возможностям сибирского маслоделия, ни возможностям местной кооперации, которая до 1 сентября 1921 г. передала продорганам лишь 28,8 тыс. пуд. масла. После этого план поставок Сибцентросоюза был сокращен до 100 тыс. пуд. (включая уже заготовленные объемы масла) и продлен до конца года. Однако к 1 января 1922 г. товарообменные маслозаготовки кооперации составили 58,8 тыс. пуд.²⁸

Главными причинами столь низкого уровня выполнения государственного планового задания были недостаток товаров для обмена и не удовлетворяющий потребности сельского населения их ассортимент, несоответствие навязанного Наркомпродом уровня обменных эквивалентов рыночной конъюнктуре, падение производства молока, разруха в маслодельной промышленности. В 1921 г. из 4 тыс. маслозаводов на территории Сибири функционировало 2,8 тыс.²⁹ Общий вывоз из Сибири маслопродукции, заготовленной по разверстке, продналогу и товаро-

обмену, составил в 1921 г. 455 тыс. пуд. (см. табл. 5.2). Качество масла при этом было очень низким. Из всего объема сибирского масла, поступившего на московскую центральную хладобойню, признали «в принципе годным к употреблению» 86,6%³⁰.

В первой половине 1922 г. советское государство осуществило либерализацию вненалогового рынка. Снимались ограничения на свободу торговли. Право коммерческих заготовок получили все государственные и кооперативные организации, желающие вести закупки, а также частные лица. Закупочные цены «отпускались». Была проведена также денационализация и частичная приватизация пищевой промышленности. В частности, маслозаводы передавались потребительской кооперации, выделенной из ее состава сельскохозяйственной кооперации, рабочим кооперативам, государственным организациям и даже частным лицам. Последние получали также право аренды заводов. Ликвидировалась система обязательных государственных заданий для кооперации, которая теперь вела заготовки сельхозпродукции на основе коммерческих договоров. При этом низовые кооперативы получали право свободного выбора торговых партнеров.

Была реформирована и налоговая система. В 1922/23 г. вместо нескольких специализированных налогов вводился единый натуральный налог. Крестьяне теперь могли погашать свои обязательства перед государством любыми производимыми ими сельхозпродуктами (в том числе молоком), которые переводились через соответствующие эквиваленты в «ржаные единицы». Именно в них каждое крестьянское хозяйство получало свое налоговое задание.

Сбор единого натурального налога в целом по РСФСР начинался до 1 августа. До этого времени с целью обеспечения находящихся на гособеспечении учреждений (детдомов, больниц и т.п.) маслом вводился временный масляный налог. Для Сибири первоначальный план его сбора составлял 259,7 тыс. пуд. Данный налог имел меньшую имущественную прогрессию, чем масляный налог 1921/22 г. С одно-, двухкоровных хозяйств взималось количество молока, необходимое для производства 7 фунтов масла с одной коровы, с хозяйств, имеющих 3 и более коров, – 8 фунтов масла. К 1 июня нужно было собрать 70% налога, к 1 августа – 100%³¹. Однако внимание местных продорганов к масляному налогу было настолько низким, что к 1 июня по нему поступило всего 1,4 тыс. пуд. продукции, или 0,5% плана. После этого власти забили тревогу, продорганы несколько усилили нажим на плательщиков, но налог по-прежнему собирался «со скрипом». К 15 июня план его сбора был выполнен на 5,6%, к 15 июля – на 26,8, к 1 августа – на 49,1%³². Срок окончания взимания налога в связи с этим был перенесен на 1 сентября, а для его исполнения предпринимались чрезвычайные меры админи-

стративного характера: запрет вывоза масла с территорий, не выполнивших налог, запрещение там свободной торговли маслом и молоком, проведение выездных сессий ревтрибуналов³³.

Осенью 1922 г. началась продналоговая кампания 1922/23 г. Основное внимание в ее ходе по-прежнему уделялось сбору хлебопродуктов и мяса. Эквивалент перевода масла в «ржаные единицы» был не выгоден для плательщиков, и поэтому они сдавали молоко в счет продналога лишь в небольших размерах. Всего по единому натуральному налогу 1922/23 г. в Сибири было заготовлено 53,9 тыс. пуд. животного масла³⁴.

На вненалоговом рынке Сибири в 1922 г. в качестве наиболее крупных заготовителей животного масла выступали потребительская кооперация в лице ее губсоюзов и сельскохозяйственная кооперация в лице ее губернских и районных союзов. Указанные коопобъединения осуществляли комиссионный сбыт произведенного масла оптовым покупателям.

Система маслозакупа в этот период имела свою специфику. В отличие от заготовок и сбыта большинства других сельхозпродуктов, которые уже с конца 1921 г. велись преимущественно на принципах денежного расчета, в обороте масла по-прежнему была велика доля прямого товарообмена. Дело в том, что крестьяне специализированных маслодельческих районов гораздо больше нуждались в хлебе, чем в обесценивающихся дензнаках, а маслозаводам были нужны дефицитные материалы для выработки масла и оборудование для ремонта. При этом и хлеб, и товары поступали на места в недостаточном количестве и несвоевременно, что тормозило заготовки. Особенно неблагоприятное положение с товарообеспечением маслозакупа сложилось в летние месяцы, которые являлись временем максимального производства молока.

Свои особенности имела и сложившаяся на сибирском масляном рынке конъюнктура. Производство масла, а следовательно, и его предложение находились на крайне низком уровне. Внутрорегиональный спрос на масло из-за небольшого удельного веса городского населения и падения его покупательной способности был еще ниже предложения. Но в сибирском масле нуждались крупные города европейской части России, и прежде всего Москва и Петроград. Однако острая нехватка денежных средств и товаров для обмена не позволяла ведущим заготовку коопобъединениям взять даже тот минимум продукции, который в 1922 г. был выработан на маслозаводах. В результате цена за масло не превышала 7–8 золотых руб. за пуд, что в абсолютных величинах в 2 раза уступало довоенному уровню³⁵.

Однако, сравнивая абсолютные показатели, следует иметь в виду, что цены на промтовары в начале 1920-х гг. были значительно выше, чем до войны. Кроме того, товары, на которые обменивалось масло, реализовывались маслозаводам по эквивалентам, превышающим их средний рыночный уровень. А если учесть еще и возросшие накладные расходы на производство продукции, то получается, что за то же количество молока сибирские крестьяне в 1922 г. получали в 3, а то и в 4 раза меньше, чем до войны.

В целом же на 1922 г. пришелся пик кризиса, переживаемого сибирским маслоделием. За сезон маслозаводами региона было произведено всего 500 тыс. пуд. товарной продукции, а за его пределы вывезено 395 тыс. пуд., что составляло соответственно 14 и 9% от уровня 1913 г. (в территориальных рамках Сибирского края)³⁶.

Положение в молочном животноводстве усугублялось крайне низкими урожаями трав в 1920 и 1921 гг., вызвавшими сильную бескормицу, падеж и забой скота. Это привело к сокращению численности КРС (см. гл. 4). В 1920 г. в среднем на 100 хозяйств сибирских крестьян приходилось 208 коров, в 1921 г. – 171, в 1922 г. – 158, тогда как в 1916 г. – 286 коров (см. Приложение, табл. 18). Самые заметные потери понесли располагавшиеся в основных маслодельческих районах и составлявшие костяк дореволюционной молочной кооперации наиболее товарные многокоровные хозяйства. По сведениям учетно-информационного отдела Сибсельскосоюза, в 1913 г. на одно входящее в маслоартель хозяйство в Западной Сибири приходилось в среднем 4,5 коровы, а в 1922 г. – 1,78 коровы. Авторы справки, в которой приводились вышеприведенные данные, в связи с этим констатировали, что *«многокоровные хозяйства к 1922 году исчезли <...> вместе с ними исчезла и молочная промышленность в Западной Сибири, ибо при однокоровных и двухкоровных хозяйствах едва возможно только частично продолжать вести "маслоделие"»*³⁷.

Особенно высокой (почти в три раза) была убыль быков-производителей. В 1922 г. один бык-производитель приходился в среднем на 58 коров. Нормальным соотношением этих категорий животных при вольной случке считалось 1:25. Отсюда высокий, доходящий до 40–60%, уровень яловости коров. Значительно превосходил нормативный и отход молодняка: в 1922 г. – 58,5%. Обеспечивающей расширенное воспроизводство стада нормой был 20%-ный отход. Подобное положение было определено современником как *«поражающая картина ежегодного истребления молодых телков»*³⁸.

Наряду с количественными значительно ухудшились качественные показатели молочного животноводства. Средний живой вес одной головы КРС в регионе в 1922 г. снизился по сравнению с 1920 г. с 229 до

197 кг, среднегодовой удой на одну фуражную корову – с 6,9–7,4 ц (в довоенный период – 10 ц) до 4,9–5,7 ц³⁹.

На уровень выработки масла влияли не только крайне низкие объемы производства молока, но и продолжавшийся выход из строя предприятий маслодельной промышленности. В 1922 г. на территории «Сибревкомовской Сибири» осталось только 1,2 тыс. маслозаводов. Обследование показало, что 27% заводов пришло в совершенную негодность, 36% требовали капитального ремонта и только 37% нуждались лишь в частичном ремонте. Острый дефицит строительных материалов не позволял осуществлять даже текущий ремонт. Вместо отслужившей свой срок металлической посуды, стала использоваться деревянная, не отвечающая санитарным требованиям. Из-за нехватки необходимых материалов, измерительных приборов качество продукции было крайне низким. Полуразрушенные объекты инфраструктуры (льдохранилища, пристани, стационарные приемные пункты) сдерживали заготовку льда и приемку масла. На работающих маслозаводах существенно снизилась квалификация мастеров-маслоделов⁴⁰.

Следует также отметить, что фактором, способствующим увеличению внутрихозяйственного потребления молока, являлась нехватка в деревне других продуктов питания и прежде всего хлеба. В докладе правления Новониколаевского райсоюза маслодельной кооперации в связи с этим отмечалось, что *«самое огромное неблагоприятное влияние на заготовки масла оказала голодовка по губернии в период особенно сенокоса, когда молоко являлось почти единственной пищей трудового крестьянина»*⁴¹.

Первые позитивные сдвиги в динамике молочного животноводства Сибири в период нэпа произошли на рубеже 1922 и 1923 гг. Хороший урожай трав в 1922 г. позволил заготовить достаточные объемы кормов на зимний стойловый период. К весне 1923 г. впервые как минимум за семь лет в крестьянских хозяйствах увеличилось количество коров (см. Приложение, табл. 12, 13). Соответственно выросло производство молока. Вместе с тем состояние маслодельной промышленности оставалось сложным. Количество функционирующих маслозаводов в 1923 г. сократилось до 989⁴², хотя выработка на них выросла. Многие заводы по-прежнему не отвечали необходимым техническим требованиям. Недостаточно удовлетворительным оставалось и качество вырабатываемой на них продукции. В одном из инспекторских обследований, проведенных органами Наркомата РКИ в ноябре 1923 г., отмечалось: *«Почти ни в одном заводе нет достаточной наличности сит и везде загрязненная и ржавая посуда, машины пришли в негодность, особенно сепараторы. Заводы загрязнены, заплесневели, в щели полов попадают молочные отбросы, которые, разлагаясь, издают неприятно-отвратительный за-*

пах; молоко сливается в ушаты не процеженное, вместе с сором, остатками навоза, мухами и проч. Почти нигде нет ареометров для определения качества молока». Если до революции 49 из 85 заводов в Камышинской волости Омской губернии имели лаборатории, то на момент обследования их не было вообще⁴³.

С 1923 г. заготовки масла стали осуществляться исключительно коммерческим путем, поскольку в рамках смешанного натурально-денежного сельхозналога 1923/24 г. сдача молока и масла государству не предусматривалась. В начале заготовительного сезона 1923 г. конъюнктура сибирского масляного рынка была аналогична прошлогодней. Закупочные цены на маслопродукцию по-прежнему держались на уровне 7–8 руб. за пуд. В то же время оптовые цены петроградского и московского оптовых рынков достигали 16 руб. за пуд⁴⁴. Если учесть, что транспортные расходы на доставку на эти рынки одного пуда сибирского масла составляли примерно 2 руб., то операция по закупке масла в регионе, его доставке в столицы и продаже давала не менее 60% прибыли. Выгодность маслозакупа поняли не только кооперативные, но и государственные торгово-закупочные организации, которые стали активно включаться в заготовки. Кроме них на сибирском рынке начинают появляться и крупные частные фирмы⁴⁵.

Большое количество заготовителей при сравнительно небольшом предложении продукции обостряло конкурентную борьбу, основным способом которой стал подъем закупочных цен на масло. В итоге к концу лета – началу осени 1923 г. они выросли до 18–20 руб. и более за пуд⁴⁶. Стремясь максимально увеличить объемы маслозакупа, заготовительные организации игнорировали качество масла, покупая низкосортную продукцию по ценам высокосортной.

Осенью 1923 г. конъюнктура масляного рынка в регионе изменилась. Заготовительные организации, начавшие из-за недостатка банковских кредитов испытывать финансовые затруднения, стали снижать закупочные цены. В маслозаготовках увеличилась доля непосредственного товарообмена. Значительная часть продукции приобреталась в обмен на зерно, тем более что при расчетах за поставляемое масло пшеница оценивалась в 80 коп. за пуд, тогда как ее рыночная цена составляла 40–45 коп. за пуд⁴⁷.

В итоге за сезон 1923 г. кооперативными и государственными заготовительными организациями в Сибири было закуплено около 600 тыс. пуд. животного масла. По экспертным оценкам, частные маслозаготовки составляли не менее 10% от общего объема маслозакупа государственных и кооперативных заготовительных организаций. За пределы Сибири вывезли 532,5 тыс. пуд., в том числе на экспорт – около 300 тыс. пуд. В итоге вывоз масла из региона увеличился по сравнению с предыдущим заготовительным

сезоном на 35%⁴⁸, что свидетельствовало о начавшемся процессе возрождения сибирского маслоделия.

Несмотря на существенное увеличение маслозакупа, итоги заготовительного сезона 1923 г. руководящими органами Сибири были признаны недостаточно удовлетворительными. К отрицательным чертам кампании были отнесены несогласованность в работе кооперативных и государственных заготовительных организаций, а также резкие перепады закупочных цен. С целью устранения отмеченных недостатков и усиления регулирующей роли государства на масляном рынке в январе 1924 г. при Сибирской областной комиссии по регулированию внутренней торговли (Сибкомвнутторг) была создана масляная секция. В ее состав вошли представители наиболее крупных заготовительных организаций (Сибцентросоюза, Сибсельскосоюза, «Сибхлебопродукта», Сибторга и Сибгосторга), которые отныне именовались основными заготовителями и пользовались государственной поддержкой.

С целью стимулирования маслоделия и защиты интересов производителей молока на заседании секции 13 февраля 1924 г. был введен обязательный для ее членов минимальный уровень заготовительных цен (минимальный лимит), ниже которых покупка масла на рынке запрещалась⁴⁹. Однако на практике минимальный лимит не понадобился. По мере налаживания нормальных торговых отношений со странами Запада в Москве появлялись представители иностранных фирм, заинтересованные в восстановлении экспорта сибирского масла. В свою очередь, сибирские маслозаготовители, надеясь на получение кредитов от иностранных инвесторов, развернули между собой конкурентную борьбу, основным способом которой было повышение закупочных цен. В результате цена одного пуда масла на сибирском рынке к середине марта поднялась до 23 руб., в то время как на оптовых рынках Москвы и Ленинграда оно продавалось не выше 24–25 руб.⁵⁰

В связи с этим Сибкомвнутторг признал необходимым перейти от минимальных к максимальным лимитам, выше которых закупка масла основным заготовительным организациям запрещалась⁵¹. Введение максимальных лимитов позволило к середине апреля снизить среднезаготовительные цены до 15 р. 50 к. за пуд. Однако дальнейшее падение масляных цен было связано не столько с лимитной политикой, сколько с изменением рыночной конъюнктуры. Темпы роста производства молока и масла и объемы предложения последнего на рынке весной–летом 1924 г. оказались значительно выше прогнозируемых. Масштабы маслозакупа постоянно увеличивались. Если до 1 апреля основные заготовительные организации закупили 87,8 тыс. пуд. продукции, то в апреле – 108,1 тыс., в мае – 199,7 тыс., в июне – 247,7 тыс., в июле – 289,6 тыс. пуд.⁵² Уже в конце июня объем маслозаготовок превысил показатели всей предыдущей

кампании. Несмотря на успешный ход маслозакупа, основные государственные и кооперативные заготовители по чисто техническим причинам (недостаток холодильников, специальных вагонов, тары и т.п.) не могли взять всего выброшенного на рынок масла. Предложение опередило спрос, и закупочные цены к 12 июня упали до 11 р. 70 к. за пуд⁵³, что являлось совершенно невыгодным для производителей. Тем не менее государство, не заинтересованное в преодолении диспаритета между промышленными и сельскохозяйственными ценами, никаких минимальных лимитов вводить не стало.

Стабилизация, а затем некоторый подъем закупочных цен произошли в июле. В этом же месяце продолжался рост производства масла. Но спрос на него увеличился еще больше. В связи с недородом зерновых в ряде производящих районов страны государство с целью накопления средств для возможных закупок хлеба за границей приняло меры по форсированию масляного экспорта. Увеличилось финансирование всех участников маслозакупа. Улучшилось состояние инфраструктуры хранения и перевозки продукции⁵⁴.

Во второй половине августа – сентябре произошло сезонное падение производства масла. Спрос на него оставался по-прежнему высоким, и закупочные цены уже к 6 сентября выросли до 18 руб. за пуд⁵⁵. Росту цен способствовала и активизация деятельности частных маслоторговцев, пытавшихся за счет предложения более высоких цен взять продукции как можно больше. Усилилась конкуренция между кооперативными и государственными заготовителями.

В целом с января по сентябрь 1924 г. предложение животного масла на сибирском рынке составило 1695 тыс. пуд. Из этого количества 1313,4 тыс. пуд. было приобретено основными заготовителями, около 180 тыс. пуд. закупили частные маслоторговцы. Остальное пришлось на заготовки государственных и кооперативных организаций, не включенных в число основных, и непосредственные закупки городского населения у производителей. Из общего объема продукции, заготовленной основными заготовительскими организациями, 683 тыс. пуд. было вывезено за границу (59% от общесоюзного экспорта), 562 тыс. пуд. реализовано на рынках европейской части страны и 68 тыс. пуд. продано на внутрисибирском рынке. Доля региона в централизованных закупках масла по СССР в целом, которые велись помимо Сибири еще на Урале и в Казахстане, составила 69%⁵⁶.

Таким образом, заготовительный сезон 1924 г. закончился впечатляющим успехом. По сравнению с предыдущим годом закупки основных заготовительских организаций и экспорт сибирского масла увеличились в 2,3 раза. Основной причиной подобных достижений стал бурный процесс восстановления животноводства (см. Приложение, табл. 13). Зна-

чительно выросла товарность молочного хозяйства сибирских крестьян. Продолжалось восстановление и улучшение технического состояния старых маслозаводов, началось строительство новых. За год число функционирующих маслозаводов в регионе увеличилось до 3066⁵⁷.

Прогнозы плановых органов Сибири по поводу перспектив маслозаготовительной кампании 1924/25 г. были весьма оптимистичны. Предполагалось, что достигнутые в 1924 г. высокие темпы прироста поголовья КРС сохранятся и в 1925 г. Увеличение товарной продукции сибирского маслоделия в начинающемся году в связи с этим ожидалось в пределах 50%. Исходя из данных оценок, в 1924/25 г. в Сибири в централизованном порядке предполагалось закупить 2120 тыс. пуд. животного масла, или на 61% больше, чем в предыдущем. Утвержденный Наркоматом внутренней торговли годовой план, который теперь приобрел характер государственного задания, был разверстан по шести основным заготовительным организациям – «Сибхлебопродукту», «Маслоэкспорту», Сибторгу, АО «Аркус», АО «Руссот» и «Сибмаслоцентру» (созданному в регионе в конце сентября 1924 г. кооперативному объединению, которое должно было объединить маслоартели, входившие ранее в систему потребительской и сельскохозяйственной кооперации). Большую часть сибирского масла планировалось вывезти за рубеж⁵⁸. Ценовое регулирование в предстоящую кампанию должно было основываться на принципе обязательного для основных заготовителей лимита закупочных цен, изменяемого в соответствии с себестоимостью продукции, расходами на хранение и транспортировку, а также уровнем реализационных цен на внутрироссийском и заграничном рынках.

В кампанию 1924/25 г. основные заготовители вступили с определенным для них максимальным лимитом в 15 руб. за один пуд масла, что не соответствовало складывавшейся на рынке конъюнктуре⁵⁹. В октябре в связи с сезонными факторами производство масла и его предложение резко снизилось, в то время как спрос оставался достаточно высоким. Воспользовавшись ситуацией, частные торговцы, предлагая более высокие, чем лимитные, закупочные цены, стали снимать с рынка значительные объемы масла. Наиболее интенсивно частники работали в омском заготовительном районе, где они закупали до половины всей предлагаемой продукции⁶⁰.

Для успешной конкуренции с частным капиталом и выполнения плановых заданий основные маслозаготовители встали на путь обхода лимитов. В результате их средние закупочные цены в октябре 1924 г. превысили лимит на 91 коп. за пуд. В связи с этим Сибкрайвнутторг в ноябре поднял лимитный потолок до 18 руб. за пуд, что больше соответствовало реальному уровню закупочных цен в этом месяце, достигших 17 р. 41 к. Тем не менее частные заготовители продолжали приоб-

ретать значительные объемы продукции. В ноябре в омском заготовительном районе их доля в маслозакупе составила 33,4%. В целом же в ноябре падение производства масла в регионе продолжалось, а его централизованные заготовки снизились по сравнению с октябрём почти в 3 раза, а с сентябрём – более чем в 8,6 раза⁶¹.

В декабре масляный рынок оживился в связи с исключительно ранним отелом в ряде районов Сибири. Закупки масла основными заготовителями по сравнению с предыдущим месяцем увеличились более чем в 2 раза, а месячный план централизованных заготовок был перевыполнен на 18%. Тем не менее спрос на сибирское масло опережал предложение, и средние закупочные цены продолжали расти, достигнув 18 р. 14 к. за пуд. При этом ценовой лимит в декабре был отменен⁶².

Помимо введения, повышения и отмены лимитов сибирскими властями в I квартале 1924/25 г. была принята мера, которая непосредственно на маслозаготовки не влияла, но отрицательно отражалась на уровне развития маслоделия в целом. Связана она была с хлебозаготовками, план которых в регионе не выполнялся (см. гл. 3). Сибревком, отвечавший за успех хлебозаготовок, постановил ввести в действие ряд мероприятий, стимулирующих крестьян к продаже зерна. Для того чтобы нужда в деньгах заставила их вывозить на рынок хлеб, было резко сокращено кредитование деревни. В частности, 3 декабря было запрещено авансирование маслоартелей под предстоящие весенне-летние закупки масла⁶³. Практика авансирования была обычной во взаимоотношениях покупателей масла с его производителями, поскольку позволяла поддержать последних в межсезонье и в то же время гарантировала кредиторам получение в будущем необходимых объемов продукции.

Возможно, что в зернопроизводящих районах Сибири прекращение авансирования маслоартелей и заставило крестьян расстаться со своим зерном, но в узкоспециализированных маслопроизводящих районах оно имело совсем другой эффект. Крестьяне, выращивавшие хлеб лишь для собственного потребления, вынуждены были забивать и продавать молочный скот для того, чтобы рассчитаться с налогами. Примерно то же самое происходило и в неурожайных уездах. При этом скот продавался за бесценок, поскольку его предложение значительно превышало спрос. В конце декабря Сибревком был вынужден разрешить ограниченное рядом условий авансирование маслоартелей в Тарском и северных районах Тюкалинского и Татарского уездов⁶⁴. В целом по краю запрет был снят лишь весной 1925 г.

В начале 1925 г. продолжался связанный с ранним отелом рост объемов маслозаготовок. Несмотря на возросшее предложение, среднезаготовительная цена на масло имела тенденцию к дальнейшему росту.

В связи с этим было решено вновь перейти к лимитированию заготовительных цен, что привело к их снижению. Введение лимитов и продолжавшееся расширение объемов предложения позволили в феврале снизить средние закупочные цены⁶⁵. В марте на политику регулирования рынка животного масла вновь повлияла ситуация с хлебозаготовками. В связи с возникавшими перебоями в снабжении ряда потребляющих районов страны центр требовал от сибирского руководства взять в оставшееся до весенней распутицы время как можно больше хлеба. В то же время его заготовки в регионе падали. Крестьяне, все еще имевшие зерно, могли его не продавать, удовлетворяя свою нужду в деньгах за счет сдачи на маслозаводы молока, производство которого постоянно росло. В ответ на это сибирские власти в марте приказали резко снизить минимальный лимит закупочных цен на животное масло. Кроме того, было решено на месяц прекратить расчет с маслоартелями за проданное масло⁶⁶.

Снижение закупочных цен основными заготовительными организациями и прекращение расчетов с маслоартелями привели к замедлению темпов централизованных маслозаготовок в апреле 1925 г. Результаты апрельских заготовок, а также давление центра, принявшего решение пойти на либерализацию сельскохозяйственного рынка в целом, вынудили руководящие органы Сибири отменить большинство административных ограничений в области маслозаготовок, включая запрет расчетов за масло, ограничения на авансирование артелей и лимитирование закупочных цен⁶⁷.

Тем не менее перелом в маслозаготовках не наступил. В мае объем централизованных закупок уменьшился. Основная причина недобора была связана с затянувшейся весной, более поздним началом пастбищного сезона и бескормицей. Спрос на масло со стороны заготовительных организаций значительно превысил предложение. В условиях отмены ценового регулирования это вызвало существенный рост закупочных цен. Усиление конкуренции между заготовительными организациями и ажиотажный рост цен вынудил властные структуры региона вновь перейти к ценовому регулированию. В июне в Сибири были введены так называемые конвенционные (фактически обязательные) закупочные цены. Их введение не остановило конкурентной борьбы на рынке. При этом значительную часть масла стали приобретать частные скупщики⁶⁸.

В целом за кампанию 1924/25 г. в Сибирском крае основные государственные заготовительные организации и молкооперация закупили 1708,6 тыс. пуд. животного масла. 1610,7 тыс. пуд. продукции, вывезенной за пределы региона, пошло в зачет общегосударственного централизованного маслозакупа, доля Сибири в котором составила 62%. На экспорт было отправлено 1111,1 тыс. пуд. сибирского масла, или 77% от всего вывоза из стра-

ны. В целом в 1924/25 г. валовое производство животного масла в Сибири достигло 3290 тыс. пуд. Из этого объема 65,2%, или 2145 тыс. пуд., было реализовано на рынке. Прирост товарной продукции по сравнению с 1923/24 г. составил 26,6%. Из всего выброшенного на рынок масла 79,6% закупили основные заготовительные организации (в 1923/24 г. – 77,5%). По экспертным оценкам, частники заготовили от 210 до 300 тыс. пуд. (10–14% товарного масла)⁶⁹.

Несмотря на увеличение централизованного маслозакупа по сравнению с предыдущим годом почти на треть, кампанию 1924/25 г. для основных государственных и кооперативных заготовительных организаций вряд ли можно назвать удачной. Годовой план по региону был выполнен всего на 80,6%. Причины его невыполнения заключались прежде всего в значительно меньшем против ожидаемого приросте товарной продукции, что, в свою очередь, стало следствием снизившихся темпов увеличения молочного стада. Если в 1923/24 г. в целом по Сибири количество дойных коров выросло по сравнению с предыдущим на 18,4%, то в 1924/25 г. – всего лишь на 5,1% (по юго-западным губерниям – на 8,6%)⁷⁰. Подобная ситуация была вызвана значительным сбросом стада в зимне-весенний период в связи с прекращением авансирования артелей и приостановкой расчетов за масло. В Славгородском уезде это произошло в связи с неурожаем и бескормицей. Кроме того, невыполнение плана централизованного маслозакупа во многом объяснялось непоследовательной и неуклюжей политикой регулирования рынка. Жесткое ценовое ограничение закупочных цен, чередовавшееся с периодами их либерализации, снижало конкурентоспособность основных государственных и кооперативных заготовительных организаций и приводило к увеличению доли частных заготовок.

Таким образом, начавшийся в конце XIX в. бурный рост сибирского маслоделия сменился его глубоким спадом в годы Первой мировой и Гражданской войн. Наиболее разрушительные последствия для отрасли имела продразверстка. Отмена разверстки не сразу исправила ситуацию, так как продолжавшие в этот период функционировать маслозаводы работали главным образом на выполнение продналога. Возрождение маслоделия стало возможным после замены натурального налога денежным и перехода к коммерческим методам заготовок.

---

¹ Кооперативная Сибирь. 1924. № 5. С. 10; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 156.

² Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 161. Средняя жирность молока коров симментальской породы составляла 3,7%, холмогорской – 3,5%.

³ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 195, 241; Жизнь Сибири. 1926. № 2. С. 28; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 31.

⁴ Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 357.

⁵ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 158–159; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2, кн. 2. С. 64; Степаненко И.Ф., Комков М.П. Сибирское маслоделие. Новосибирск, 1928. С. 24.

⁶ Панова М.В. Сельская кооперация Западной Сибири в период 1-й мировой войны и революции (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 75.

⁷ ИсАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9а. Л. 74–74 об.

⁸ Коломейцев Н.П. Масло. Торговля России маслом в связи с вопросом о снабжении маслом армии и населения. Пг., 1916. С. 67.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Меньщиков В.Н. Общественная позиция Н.Л. Скалозубова по «масляному вопросу» в годы Первой мировой войны: социокультурный анализ // Социальные конфликты, в истории России: материалы всерос. науч. конф. Омск, 2004. С. 136.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 62.

¹² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 254.

¹³ Сведения о Союзе сибирских маслодельных артелей с диаграммами. Курган, 1918. С. 11.

¹⁴ ИсАОО. Ф. 2022. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

¹⁵ Панова М.В. Сельская кооперация Западной Сибири... Л. 97–98.

¹⁶ ИсАОО. Ф. 2022. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁷ ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 5. Л. 14–16, 37–45.

¹⁸ ИсАОО. Ф. 2022. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 7, 14.

¹⁹ Там же. Д. 6. Л. 61; Д. 1. Л. 47–47 об.

²⁰ Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства (Омск). 1918. № 3. Ст. 26.

²¹ ИсАОО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 520. Л. 85.

²² Там же.

²³ Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890-е – 1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 89, 90, 93.

²⁴ Правительственный вестник (Омск). 1918. 14 дек.

-
- ²⁵ Жизнь Красной Сибири. 1922. № 3. С. 30; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 66; табл. 5.2.
- ²⁶ ГАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 34. Л. 52.
- ²⁷ Сибирская маслодельная кооперация (1921–1930). М., 2008. С. 56; Продовольственный бюллетень. 1922. № 21–23. С. 14.
- ²⁸ Иванов Б.В. Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920–1927 гг.). Томск, 1977. С. 96; Известия Сибирского отделения Центросоюза. 1922. № 1–3. С. 71.
- ²⁹ Кооперативная Сибирь. 1924. № 9. С. 13.
- ³⁰ Продовольственный бюллетень. 1922. № 10–12. С. 13.
- ³¹ Там же. С. 11–12.
- ³² Там же. № 24–25. С. 3, 10; № 26–27. С. 1; № 29–30. С. 15; № 31–32. С. 12.
- ³³ Там же. № 31–32. С. 12; ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 746. Л. 28 об.
- ³⁴ ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 960. Л. 102.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 43; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. С. 162.
- ³⁶ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 63 об.; см. табл. 5.2.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 168. Л. 121–121 об.
- ³⁸ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 66, 67.
- ³⁹ Кооперативная Сибирь. 1924. № 5. С. 12.
- ⁴⁰ Там же. С. 13; Сельское хозяйство Сибирского края. С. 167; Жизнь Сибири. 1924. № 10. С. 67.
- ⁴¹ ГАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 12. Л. 15 об.–16.
- ⁴² Сельское хозяйство Сибирского края. С. 167.
- ⁴³ Николаев А.А. Развитие материально-технической базы маслоделия в Сибири в 1920-е гг. в контексте кооперативной политики // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 33.
- ⁴⁴ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 64 об.
- ⁴⁵ Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 80.
- ⁴⁶ Там же. С. 86; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 43, 76.
- ⁴⁷ Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 85.
- ⁴⁸ Там же. С. 80–81; Кооперативная Сибирь. 1924. № 5. С. 10; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 82.
- ⁴⁹ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.
- ⁵⁰ Там же. Л. 10; Жизнь Сибири. 1924. № 5–6. С. 74.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 21. Л. 7–9.
- ⁵² Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 190.
- ⁵³ Кооперативная Сибирь. 1925. № 1–2. С. 9.
- ⁵⁴ Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (Государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996. С. 28.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Народное хозяйство Сибирского края (По контрольным цифрам на 1926–27 г.). Новосибирск, 1926. С. 115–116; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1183. Л. 56;

Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 478. Л. 3; Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 83; Социалистическое хозяйство. 1925. № 6. С. 226.

⁵⁷ Сельское хозяйство Сибирского края. С. 167.

⁵⁸ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа. 1921–1928 гг. Новосибирск, 2005. С. 76.

⁵⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1480. Л. 131.

⁶⁰ Жизнь Сибири. 1925. № 9. С. 28.

⁶¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1480. Л. 131; Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 74. Л. 183; Жизнь Сибири. 1925. № 9. С. 28.

⁶² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1480. Л. 131; Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 74. Л. 183.

⁶³ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1527. Л. 5.

⁶⁴ Там же. Л. 1, 4.

⁶⁵ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 78.

⁶⁶ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 289. Л. 123 об.

⁶⁷ Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири. С. 37, 38.

⁶⁸ Там же. С. 38, 40; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 149. Л. 91.

⁶⁹ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 87, 88.

⁷⁰ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 40, 43.

Глава 6

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРЕВНИ. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

На общее состояние сельского хозяйства существенное влияние оказывает демографический фактор. В конце XIX – начале XX в. сельское население Сибири росло ускоренными темпами. С 1897 по 1914 г. его численность увеличилась в 1,8 раза (с 5,3 млн до 9,5 млн чел.). На территории будущего Сибирского края прирост с 1897 по 1913 г. составил 91% (в центральной сельскохозяйственной зоне – 127%, в юго-западной зоне – 86, в северо-западной зоне – 68, в среднесибирской зоне – 60%). Расширенные масштабы воспроизводства обеспечивались сочетанием беспрецедентно высоких уровней и естественного, и механического прироста. Основным фактором наращивания демографического потенциала стала внешняя миграция, которая осуществлялась преимущественно в форме аграрного переселения. Значительно увеличить его масштабы позволило сооружение Транссибирской магистрали. С 1896 по 1905 г. в Сибирь прибыло 802 тыс. чел. Пик переселенческого движения пришелся на годы столыпинской аграрной реформы: 1458 тыс. чел. – за 1906–1909 гг. В 1911–1913 гг. интенсивность внешней миграции уменьшилась до 579 тыс. чел. в год. Всего за 1896–1913 гг. в Сибирь переселилось более 2,8 млн чел.¹

Половина переселившихся крестьян водворилась на территорию Томской губернии. В пределах губернии переселенцев привлекали, в первую очередь, плодородные земли Алтая. Акомлинская область приняла 1/5 крестьян, Западная Сибирь в целом – 4/5. Ведущее место на востоке региона занимала Енисейская губерния (13,5% мигрантов), основным местом водворения переселенцев в которой были степи Минусинской котловины².

В начале века за счет высокой рождаемости существенно увеличился естественный прирост населения. В сибирской деревне в целом в 1910–1914 гг. он вышел за порог в 20%, а в переселенческих поселках достигал 25–30%. Фактически в регионе произошел демографический взрыв³.

Принципиальное значение для анализа социально-политической и экономической ситуации в Сибири в начале XX в. имеет соотношение различных категорий сельского населения, каждая из которых имела специфику в землевладении и землепользовании, хозяйственном устройстве, системе управления, ментальности. Основным трендом в

динамике сословно-хозяйственной структуры сибирской деревни являлось увеличение удельного веса переселенцев и соответствующее сокращение доли крестьян-старожилов, аборигенов и казаков (% к сельскому населению)⁴:

	1897 г.	1914 г.
Старожилы	38,6	29,2
Казаки	4,5	3,4
Переселенцы	27,4	48,9
Аборигены	29,5	18,5

Первая мировая война оказала негативное влияние на народонаселенческие процессы в стране в целом. В Сибири они имели свою специфику. Здесь население продолжало увеличиваться, хотя и существенно более низкими темпами. По данным Е.З. Волкова, число сельских жителей региона, включая отсутствующих в местах постоянного проживания военнослужащих, в 1914–1917 гг. выросло на 4,5% (см. Приложение, табл. 1). Основной причиной продолжающегося прироста являлся предшествующий демографический бум.

Несмотря на рост населения, демографическая сфера региона испытывала нарастающие кризисные явления. В армию было призвано более половины трудоспособных мужчин репродуктивного возраста. При этом доля мобилизованных в Сибири превышала аналогичные показатели по европейской части страны. Российский максимум пришлось на Акмолинскую область – 60%⁵. По подсчетам Е.З. Волкова, так называемый военный отход в сельской местности региона (в границах 1923 г.) в конце 1914 г. составлял 304,4 тыс. чел., в конце 1915 г. – 543,6 тыс., в конце 1916 г. – 716,6 тыс., в конце 1917 г. – 865,1 тыс. чел.⁶ Уход на войну потенциальных женихов привел к существенному снижению количества браков. Начиная с 1915 г. произошел спад рождаемости, уменьшился естественный прирост населения. Военные потери в Первой мировой войне для Сибири Л.М. Горюшкин и В.И. Пронин определили в 131,1 тыс. чел., из них 116,6 тыс. чел. приходилось на сельскую местность. По их сведениям, если бы не война, к концу 1916 г. в сибирской деревне насчитывалось бы на 690 тыс. жителей больше⁷.

С августа 1914 г. резко уменьшились масштабы аграрного переселения, что объясняется условиями военного времени, мобилизацией мужчин, загруженностью железных дорог и т.п. Переселенческий аппарат, сократившийся в связи призывом значительной части специалистов в армию, резко снизил размеры землеотводных работ и сосредоточился на устройстве зачисленных переселенцев, а также обслуживании беженцев⁸. Переселение разрешалось теперь только семьям, члены которых ранее выехали на новые места. Если до августа 1914 г. в Сибирь прибыло

230 тыс. переселенцев, то с августа до конца года – 1,3 тыс., в 1915 г. – 28,2 тыс., в 1916 г. – 7,5 тыс., в 1917 г. – 5,1 тыс. чел. Основной формой внешней миграции стало беженство. По сведениям Челябинского регистрационного пункта, к октябрю 1915 г. Сибирь приняла 105 тыс. беженцев и выселенцев из прифронтовых районов. Оселили они главным образом в городах и на железнодорожных станциях Западной Сибири. В 1916 г. общая численность беженцев достигла 148,6 тыс. чел. Большая их часть размещалась в Томской губернии и Акмолинской области⁹.

Местные органы власти и общественные организации старались нацелить часть беженцев на сельскохозяйственные работы. Однако перенаправить их поток в деревню не удалось. По данным Л.М. Горюшкина, в сельском хозяйстве было занято около 1/3 всех трудоспособных беженцев¹⁰. В Томской губернии в трудовых дружинах, имевших сезонный характер, летом–осенью 1916 г. числилось от 3 тыс. до 7,3 тыс. беженцев, две трети которых составляли женщины и подростки. Не устроенные в бытовом отношении беженцы требовали от крестьян, пользовавшихся их трудом, дополнительных расходов на жилье и одежду, и сельские жители часто отказывались от их услуг. Из числа отправленных на сельхозработы в деревне закрепилось не более 1/5¹¹. В 1916 г. сельские власти рекомендовали принимать беженцев на работу на условиях испытательности. Эта форма признавалась в то время кабальной крайностью, но уже в следующем году она спровоцировала массу конфликтов, связанных с тем, что беженцы стали претендовать на дальнейшее использование обработанных ими полей уже на безвозмездной основе. В 1917 г. в Сибири учли 23 тыс. беженцев, проживавших в сельской местности, но не приписанных к сельским обществам¹².

В годы Гражданской войны рост численности сельского населения региона продолжился. В конце 1919 г. количество жителей сибирской деревни увеличилось по сравнению с концом 1917 г. на 7,6% (см. Приложение, табл. 1). Основным фактором прироста населения стала волна компенсаторного роста рождаемости, обусловленная демобилизацией царской армии. В деревню переместилась часть городских жителей. Увеличилось число беженцев, оседавших на селе. Эпидемии также затронули сельскую местность в меньшей степени, чем города. Параллельно с позитивными на демографическую сферу деревни воздействовали и негативные факторы. Одним из них стал возобновившийся призыв в военные формирования антибольшевистских правительств. Помимо этого все возрастающая масса сельских жителей уходила в партизанские отряды.

После революции в Сибирь двинулся стихийный поток аграрных переселенцев, бежавших от политической нестабильности в местах прежнего проживания. В 1918 г. органы советской власти попытались взять

данное движение под свой контроль, начав выдачу переселенческих документов. Была выдвинута и частично осуществлена инициатива по переселению в Сибирь для организации земельных коммун петроградских рабочих¹³. По сведениям земельного отдела Красноярского уездного крестьянского совета, только в Енисейскую губернию в конце 1917 – начале 1918 г. бессистемно вселилось около 35 тыс. переселенцев, захвативших свободные переселенческие участки¹⁴. В 1918 г. в регион проследовало 183,7 тыс. только зарегистрированных переселенцев. Многие переселенцы и беженцы стихийно пополняли массу сельскохозяйственных рабочих, смягчая дефицит рабочих рук в аграрном секторе. Но большинство поселившихся в сельской местности оставались земельно неустроенными, усиливали социальную напряженность, в том числе и массовыми захватами казенной и надельной земли, частновладельческих угодий. По данным Сибревкома, к 1920 г. в крае скопилось 500 тыс. так называемых неприписных, т.е. не приписанных к земельным обществам и соответственно не получивших надела лиц¹⁵.

В первые годы после изгнания колчаковцев демографическая ситуация в регионе ухудшилась. Введение реквизиционной продрозверстки стало причиной широкого крестьянского повстанческого движения. Население несло потери в ходе боевых действий. Недороды 1920 и 1921 гг. в основных сельскохозяйственных районах Юго-Западной Сибири осложнили продовольственную ситуацию. Задания по первому и второму продналогам оказались завышенными. В 1922 г. неурожайные районы охватил широкомасштабный голод. Эпидемиологическая обстановка оставалась крайне неблагоприятной.

Тем не менее демографической катастрофы не произошло. По расчетам Е.З. Волкова, в относительно благополучном 1920 г. число жителей сибирской деревни, включая Тюменскую губернию, увеличилось на 3%, в «бунташном» 1921 г. – на 2,3 и лишь в голодном 1922 г. – незначительно (на 1,1%) сократилось (табл. 2.1). В материалах сельскохозяйственных переписей, обработанных в границах Сибирского края, приводится несколько иная погодная динамика: рост на 1,9% – в 1920/21 учетном году, сокращение на 1,3% – в 1921/22 г. и увеличение на 2,6% – в 1922/23 г.¹⁶ Однако принципиальной разницы между вышеприведенными данными нет. Помимо отличающихся географических рамок и того, что объектом сельхозпереписей являлись крестьянские хозяйства, следует иметь в виду, что переписи проводились после завершения весенне-полевых работ, а Е.З. Волков фиксировал свои расчеты на 1 января. В 1923/24 г., по данным сельхозпереписей, темп прироста сельского населения края увеличился до 3,7%¹⁷.

О территориальных особенностях демографической ситуации в начале 1920-х гг. можно по судить по данным сельскохозяйственных пе-

реписей, рассчитанным по сельскохозяйственным зонам (см. Приложение, табл. 2). За период между проведением переписей 1920 и 1924 гг. численность населения крестьянских хозяйств на территории Сибирского края увеличилась на 7%, в Восточной Сибири – на 10,8, в Юго-Западной Сибири – на 5,7%. Отрицательный прирост был зафиксирован в северо-западной сельскохозяйственной зоне, самый низкий (менее 1%) – в центральной зоне, самый высокий – в восточной, юго-западной и среднесибирской зонах: 14,4, 12,7 и 9,6% соответственно. Наиболее демографически неблагоприятными для центральной зоны стали 1921/22 и 1922/23 гг., для юго-западной и северо-западной – 1922/23 и 1923/24 гг., для Восточной Сибири – 1922/23 г.

В «Сборнике статистико-экономических сведений по Сибирскому краю» приведена численность сельского населения за 1920 и 1924 гг. по округам Сибирского края. В 1924 г. по отношению к 1920 г. она составляла (%)¹⁸:

Тарский	93,2	Томский	117,2
Омский	91,3	Ачинский	110,5
Барабинский	90,7	Красноярский	106,6
Славгородский	103,3	Кузнецкий	106,6
Каменский	110,9	Хакасский	123,1
Новониколаевский	97,5	Минусинский	116,0
Барнаульский	118,2	Иркутская губ.	110,2
Рубцовский	117,3		
Бийский	118,9		
Ойротия	102,3		

В Барабинском, Омском, Тарском и Новосибирском округах, находившихся в эпицентре сельскохозяйственного кризиса и голода, была зафиксирована убыль крестьян.

Потери сельского населения от повышенной смертности в начале 1920-х гг. отчасти компенсировались продолжающимся оттоком жителей сибирских городов в деревню. Но основным фактором динамики населения региона в данный период стал миграционный приток беженцев.

18 августа 1920 г. Сибревком в связи со скоплением в регионе большого количества неприписанных крестьян принял постановление о закрытии переселения в край до урегулирования земельных отношений. Стихийную миграцию это не остановило. Осенью того же года запрет на переселение был снят для крестьян неурожайных губерний Черноземья. В течение 1920 г. в регион прибыло 84,1 тыс. организованных переселенцев, в январе–мае 1921 г. – 42,2 тыс. чел. По просьбе Сибземотдела СНК РСФСР 21 марта 1921 г. временно закрыл Сибирь для переселения, поручив местным органам заняться подготовкой участков. Однако прове-

сти в жизнь это решение не удалось из-за массового движения беженцев от голода из Поволжья. 25 июля ВЦИК принял постановление о разрешении свободного переселения из районов, пораженных голодом¹⁹.

По неполным данным земельных органов, за 1920 – начало 1922 г. в регион прибыло 175,2 тыс. переселенцев, в том числе 112 тыс. голодобеженцев. Общее число вынужденных переселенцев было значительно большим. По данным отдела труда при Сибревкоме, в 1921 г. въехало 313,7 тыс. беженцев, из них 184,3 тыс. зарегистрировались как рабочие и 129,4 тыс. – как переселенцы. Центральный совет по эвакуации за время голода (лето 1921 – весна 1922 г.) насчитал 221,3 тыс. чел., прибывших в Сибирь организованно, и около 350 тыс. чел. – стихийно²⁰. После завершения волны голодобеженцев в мае 1922 г. Сибирь вновь была закрыта для переселения. Однако стихийная миграция крестьян из европейской части страны на восток продолжалась. По данным переселенческих органов, в 1922 г. в Сибирь въехало 21,8 тыс., в 1923–1924 гг. – около 50 тыс., а всего за 1920–1924 гг. – 450 тыс. чел. В материалах Всесоюзной демографической переписи 1926 г. зафиксировано 650 тыс. чел., прибывших в 1920–1924 гг. и оставшихся на территории Сибирского края²¹.

На демографическую ситуацию в отдельных районах Сибири также влияла интенсивная внутрирегиональная миграция, следствием которой во многом стала отмеченная выше разница в динамике численности населения в отдельных округах. В 1922 г. крестьяне из голодающих деревень бросали свои дома и имущество и бежали в более благополучные районы края²². Там же оседала большая часть вынужденных переселенцев. С 1922 г. намечился обратный миграционный поток из Сибири, связанный с глубоким сельскохозяйственным кризисом. Переселенцы направлялись в места своего прежнего проживания в европейской части страны, а также переезжали в соседние регионы.

В 1924/25 г. негативное влияние на темпы прироста сельского населения Западной Сибири оказал недород 1924 г. в северо-западных районах Степного Алтая (см. гл. 2). С охваченной неурожаем территории начался отток жителей, включая голодобеженцев предыдущих лет. В документах 1924 г. сообщается об обозе в 300 подвод, который сформировали крестьяне, двинувшиеся из Славгородского уезда на Украину²³. Согласно материалам сельскохозяйственных переписей, весной 1925 г. на территории Барнаульского, Славгородского и Рубцовского округа крестьян проживало на 5,5% меньше, чем весной предыдущего года²⁴. Их численность за этот период в регионе в целом увеличилась на 0,6%, тогда как в 1923/24 г. – на 4,6% (см. Приложение, табл. 17). Масштабы обратного выезда за 1922–1924 гг. в целом сибирскими земельными органами оценивались в 180–190 тыс. чел., причем лишь на 1/3

этот поток состоял из недавно прибывших голодобеженцев и переселенцев. Районом интенсивного обратного выезда стали также Акмолинская и Семипалатинская губернии Киргизской АССР²⁵. Распаханные земли в засушливых степях Алтая и Северо-Восточного Казахстана, на территории которых было размещено значительное количество переселенцев, истощились и перестали давать урожай.

*

*

*

Нехватка трудовых ресурсов во второй половине 1910-х гг. являлась одним из факторов, ограничивавших уровень производства сельскохозяйственной продукции. Уход на фронт более чем миллиона сибиряков обострил его уже в начале Первой мировой войны и заставил местную администрацию и общественность принять меры по смягчению дефицита рабочих рук в сибирской деревне. Убыль сельских работников отчасти компенсировалась тремя источниками – беженцами, военнопленными и призванными на тыловые работы представителями коренных народов.

Численность военнопленных в сибирских губерниях и областях на протяжении Первой мировой и Гражданской войн сильно колебалась. К 1 января 1915 г. из попавших в российский плен 257 тыс. военнопленных коалиции «Центральных держав» на территории Сибири оказалось 186 тыс. чел. К лету 1915 г. их стало еще больше. На территории Омского военного округа находилось 152 тыс. чел., Иркутского – около 200 тыс. чел. Но по мере дальнейшего роста численности военнопленных в стране в азиатской части России она сокращалась. На 1 января 1917 г. в пределах Омского военного округа размещалось 199 тыс. чел., Иркутского – 135 тыс. чел.²⁶

Сельскохозяйственный и кооперативный съезд, проходивший 2–12 января 1916 г. в Омске, определил необходимость использования труда 200 тыс. пленных в Западной Сибири (100 тыс. – в Томской губернии, 70 тыс. – в Акмолинской области и Тюкалинском уезде, 30 тыс. – в Тобольской губернии)²⁷. Чуть позже эти оценки были скорректированы в сторону повышения. На всю Западную Сибирь для выполнения сельскохозяйственных работ предполагалось запросить 244 тыс. военнопленных. Однако военное ведомство выделило намного меньше людей. Существенное сокращение посевных площадей в европейской части страны заставило перебросить часть военнопленных в западном направлении. Кроме того, военная власть предпочитала использовать принудительный труд пленных на промышленных объектах, работавших на оборону. В результате в 1915 г. на сельхозработках в Сибири было занято около 60 тыс. военнопленных, а в 1917 г. – от 40 до 90 тыс.²⁸

Бюрократическую волокиту, связанную с использованием военнопленных, власти постарались минимизировать. Распределение рабочей силы по хозяйствам осуществлялось при посредничестве местных обществ сельского хозяйства, а на местах волостные правления должны были следить за тем, чтобы военнопленные попадали преимущественно в солдатские семьи, рассредоточиваясь мелкими партиями или поодиночке. Кроме того, крестьянам давали работника под расписку о том, что пользовавшийся трудом пленного хозяин засеет не менее 15 дес.²⁹ Подобный подход создавал действенный стимул для укрепления крестьянского хозяйства и наращивания товарной продукции.

В 1916–1917 гг. выявились серьезные противоречия в использовании труда пленных в аграрном секторе. Военное ведомство, заинтересованное в экономии и самокупаемости работ, настаивало на распределении пленных по крупным хозяйствам. Предприниматели-аграрии и зажиточные сельские хозяева, в свою очередь, готовы были оплачивать содержание работников и в зимнее время, чтобы не возвращать их в лагерь. Маломощные же хозяйства зимой избавлялись от ненужных ртов, а в следующий сельскохозяйственный сезон снова начинали ходатайствовать о получении рабочей силы, но без всякой гарантии на успех³⁰. Под влиянием революции учет и централизованное распределение пленных нарушились. В связи с этим корректные данные об их использовании в сельском хозяйстве отсутствуют. В 1919 г. военнопленных прекратили отпускать на работы в сельскую местность. В условиях Гражданской войны и развернувшегося партизанского движения эта мера была вполне логичной.

В 1917 г. на сельхозработы стали отправлять солдат тыловых гарнизонов. В Омском военном округе летом этого года на работы в деревню отправились около 80 тыс. чел.³¹ В последующие годы данный ресурс восполнения рабочей силы не использовался. В качестве дополнительного источника пополнения трудовых ресурсов царская администрация пыталась использовать коренное население Сибири и Степного края. 25 июня 1916 г. правительство приняло постановление «О реквизиции инородцев на тыловые работы»³², что привело к призыву казахов и алтайцев в Акмолинской и Семипалатинской областях и Томской губернии, бурят – в Прибайкалье и Забайкалье. Их не только отправляли на работу в европейскую часть страны и на сибирские промышленные предприятия, но также использовали для уборки полей в хозяйствах крестьян, призванных на военную службу. Практика показала ничтожные результаты предпринятых усилий. В докладе на сельскохозяйственном и кооперативном съезде в Омске в начале января 1916 г. было отмечено: «*Степные киргизы <...> пригодны в сенокосении, уборке хлеба, но не на пашне*»³³. Широкое распространение получило бегство

мобилизованных. В Степном крае мобилизация вызвала мощное восстание, нанесшее огромный урон хозяйственной жизни как кочевого, так и земледельческого населения³⁴.

Крестьянские хозяйства прибегали прежде всего не к внешним, носившим всегда дополнительный характер, а к внутренним источникам восполнения дефицита рабочей силы. Это происходило за счет более интенсивного вовлечения в аграрный труд женщин, подростков и пожилых людей. По данным Л.М. Горюшкина, мужчины трудоспособного возраста к 1917 г. составляли лишь 28% занятых в сельском хозяйстве Сибири, а женщины – 60%³⁵. Широкое распространение получила трудовая взаимопомощь крестьян. Многие сельские сходы объявили надёлы призванных в армию односельчан объектами общественных работ и помогали таким семьям в пахоте, уборке зерновых и сена.

Осенью 1914 г. помощь семьям призванных в армию в рамках сельских обществ удалось организовать относительно быстро и эффективно. Большую роль сыграла агитационная работа местной власти и ее административный ресурс, с помощью которых за несколько месяцев были образованы волостные и сельские попечительства о призванных. Деятельную позицию заняла кредитная кооперация. Именно через нее организовали сбор средств на уборку урожая на участках семей призванных, которым также выдавались льготные ссуды³⁶.

Но в следующем году новые призывы, рост потребительских цен и другие обстоятельства заметно ослабили общественную активность. В 1916 г. было предложено использовать два дополнительных источника пополнения сельских работников. Первый состоял в открытии в деревнях яслей на средства сельского страхового капитала, что позволяло женщинам работать в полную силу, без оглядки на собственный двор. Решено было также привлечь учащихся технических училищ к работам по ремонту сельхозтехники. В связи с этим весной 1916 г. было признано необходимым отказаться от сдачи выпускных и переводных экзаменов, устроив конкурс аттестатов. В освободившееся время учащиеся направлялись на поля, где работали на возмездной основе³⁷.

*

*

*

К весне 1916 г. призывы привлекли в армию максимальное количество взрослого мужского населения Сибири. Земли, пригодной для обработки, хватало и, следовательно, нехватка рабочих рук являлась основным фактором, ограничивающим производство сельхозпродукции. Совершенно очевидно, что все вышеперечисленные методы обеспечения деревни дополнительными рабочими руками могли лишь отчасти смягчить проблему их дефицита. Недостаток рабочих рук можно было бы восполнить

расширенным применением сельскохозяйственных машин. Накануне Первой мировой войны обеспеченность сибирской деревни сложными сельхозмашинами существенно превышала общероссийские показатели. Однако с началом военных действий их отечественное производство сократилось вдвое, а импорт практически прекратился. И если перед войной стоимость ежегодно ввозимой в Сибирь сельхозтехники оценивалась в 25–26 млн руб., то в 1915 г. – всего в 9,4 млн, в 1916 г. – в 4,6 млн, в 1917 г. – в 3,8 млн руб.³⁸ – и это при росте цен.

Многие торговые конторы закрыли свои представительства, а поступавшая в небольшом количестве техника теперь продавалась не в кредит, как это делалось раньше, а только за наличный расчет³⁹. Из-за отсутствия запасных частей машины стали массово выходить из строя. Кроме того, солдаты, опасаясь поломок, очень неохотно сдавали технику в наем для использования в других хозяйствах. Это имело веские основания – все сколько-нибудь знавшие технику мужчины в деревне оказались призваны в армию. Малейшая поломка грозила вывести машину из строя на длительное время.

В результате уже осенью 1915 г. сибирская деревня ощутила дефицит сельхозмашин. Местная администрация и общественные организации пытались выработать меры решения возникавших проблем. Кооперативы скупали технику у своих членов, призываемых на фронт, и таким образом пополняли прокатные пункты. Впрочем, по отзывам очевидцев, в кооперативном прокате техника эксплуатировалась неэффективно, простаивала и ржавела⁴⁰.

Еще одним направлением работы местных властей и общественности в данной сфере стала организация ремонтных мастерских. Но дело с их организацией продвигалось медленно ввиду нехватки денежных средств, металла и запасных частей. Острый дефицит кадров ограничивал возможности полноценного ремонта. Поэтому военнопленных, владеющих кузнечным и слесарным ремеслом, старались привлекать к труду в соответствии с их специальностями. В городах Сибири началась организация сети курсов подготовки слесарей и монтеров при вузах и училищах. Это отчасти смягчило дефицит техники в регионе, но не могло полностью компенсировать его. Ремонтные работы были дороги и недоступны основной массе крестьян. К 1917 г., по оценкам экспертов, 37% сельскохозяйственной техники оказалось в нерабочем состоянии⁴¹.

События революции и Гражданской войны прервали даже ту работу по сдерживанию процесса деградации материальной базы крестьянских хозяйств, которая велась ранее. По данным экономического отдела Министерства снабжения и продовольствия Российского правительства, в 1919 г. нехватка простого инвентаря в крестьянских хозяйствах составляла: однолемешных плугов – 122 тыс., многолемешных плугов –

30 тыс., веялок и сортировок – 31 тыс., топоров – 345 тыс., вил – 370 тыс. кос – 412 тыс., серпов – 860 тыс.⁴²

Таким образом, главным ресурсом развития сельского хозяйства стало более интенсивное применение тяжелого физического труда и вовлечение в производство женщин, подростков, детей и пожилых людей. Никакой интенсификации труда за счет расширения применения сложной сельскохозяйственной техники и усовершенствования агро-технологий не происходило. Достигнутому в годы Первой мировой войны наращиванию производства зерновых (см. гл. 2) лишь отчасти способствовали усилия правительства и общественности, а главным фактором, обеспечившим прирост, стал увеличившийся рыночный спрос, который стимулировал интенсивность физического труда.

Выход из строя сельскохозяйственного инвентаря в годы Гражданской войны продолжался нарастающими темпами. По данным В.А. Хрустова, приведенным П.К. Редькиным, в сибирской деревне в 1920 г. плугов металлических было на 40%, сеялок – на 56, молотилок – на 44% меньше, чем в 1917 г.⁴³ Убыль ряда видов сложной сельхозтехники была катастрофической. Результаты выборочных обследований показывали наличие двух исправных плугов на пять крестьянских хозяйств. Фабричные плуги вновь заменялись самодельными сохами, косулями и сабанами. Их количество в расчете на 100 хозяйств увеличилось более чем в 2 раза (с 7,5 до 16)⁴⁴. Машинная уборка уступала место ручной. Износу подвергался еще эксплуатируемый инвентарь.

Материальные возможности для улучшения ситуации с сельхозмашинами и инвентарем у советской власти были невелики. С января 1920 г. склады сельхозтехники, ранее принадлежавшие переселенческому управлению, кооперации и частным лицам, были переданы в управление отделу снабжения сельского хозяйства орудиями производства и металлами (Сибсельхоза) в структуре Сибпродкома. Остававшиеся на складах после ухода «белых» машины и инвентарь направили в деревню. Но это была капля в море. Вся Сибирь в 1920 г. получила 6951 плуг (хотя требовалось их не менее миллиона), 170 борон, 369 сеялок, 428 конных граблей и остальной инвентарь примерно в таком же количестве⁴⁵.

Созданный весной 1920 г. «Междуведомственный комитет по организации посевной площади» (Сиборгасев) при Сибревкоме и его подразделения при губернских и уездных ревкомах получили право брать на учет и при необходимости принудительно перераспределять работавшую сельхозтехнику. Поставки новых машин в Сибирь осуществлялись исключительно в его распоряжение. Сложную технику запретили предоставлять в пользование даже коллективным, не говоря уж об индивидуальных хозяйствах. Она передавалась в прокатные пункты. Более того, из Наркомзема поступило распоряжение: учтенную технику част-

ных владельцев изымать в коллективное пользование с компенсацией по символическим государственным расценкам. Созданные при местных ревкомах учетно-реквизиционные комиссии занялись конфискацией техники и простейшего инвентаря в хозяйствах лиц, отнесенных к кулацким, служивших в колчаковской армии и участников антисоветских крестьянских выступлений⁴⁶. Впрочем, сведений об итогах реализации этого распоряжения в Сибири не выявлено. Да и сами прокатные пункты работали подчас настолько неэффективно, что их численность ни о чем не может сказать, а концентрация в них сельхозтехники не повышала, а понижала эффективность ее эксплуатации. Так, на 12 прокатных пунктах Бурят-Монгольской АССР имелось лишь 102 плуга, 10 культиваторов, 55 сенокосилок, 68 сепараторов и небольшое количество прочей техники. Но и это находилось в предельно изношенном состоянии⁴⁷.

Для ускорения сельскохозяйственных работ в деревню посылались уборочные и молотильные дружины, которые комплектовались из рабочих, мобилизованных в армию, но еще не отправленных в части жителей региона, военнопленных Первой мировой войны (хотя в соответствии с международными правовыми нормами после заключения мирного договора их использование на принудительных работах запрещалось) и даже советских и партийных работников. Рабочие уборочно-молотильные дружины формировались не только в регионе, но и прибывали в регион из губерний европейской части РСФСР.

Так, уже осенью 1919 г. в Курганском уезде уборкой брошенных полей занималось 7 рабочих дружин, в каждую из которых входило до 100 чел. Этого катастрофически не хватало, и на помощь им были привлечены 1,5 тыс. военнопленных⁴⁸. В сентябре – первой половине октября 1920 г. в рамках проведенной по постановлению Сибревкома «недели крестьянина», по данным, поступившим из 44 уездов Сибири, в деревне работало 2066 рабочих отрядов, насчитывавших 30,5 тыс. чел. В уборке и обмолоте хлеба осенью–зимой 1920 г. также приняли участие более 35 тыс. рабочих и крестьян, направленных в Сибирь в составе отрядов Военно-продовольственного бюро ВЦСПС, уборочно-молотильных дружин и частей продовольственной армии. Осенью 1921 г. только из Самарской области на уборку урожая прибыло 44 отряда, имевших в своем составе 8 тыс. чел.⁴⁹ Следует отметить, что основной целью подобных отрядов и дружин было оказание помощи не крестьянам, а продорганам. Убранный и обмолоченный ими хлеб непосредственно поступал на сыпные пункты в счет выполнения продразверстки или продналога.

Одним из направлений деятельности советских органов, которая должна была способствовать смягчению дефицита сельхозтехники, стала организация ремонтных мастерских. Руководивший данной работой

Сиборгасев имел возможность освободить от воинского призыва работников таких мастерских, а сельских кузнецов мобилизовать для работы в порядке трудовой повинности, что позволило обеспечить их квалифицированной рабочей силой⁵⁰. Точное число ремонтных пунктов не подается учету, но их насчитывались десятки в каждом уезде. Многие мастерские спешно разворачивались уже в ходе уборочной кампании 1920 г., простаивали из-за отсутствия металла, угля, запасных частей и могли ремонтировать лишь отдельные виды техники, некоторые вообще числились только на бумаге и никакой работы не вели. В итоге они отремонтировали от 10 до 30% всей сломанной техники и инвентаря, имевшихся на руках у крестьян⁵¹.

На протяжении осени 1920 г. на местах возникла более широкая сеть мастерских. Сведения о них привел В.И. Шишкин, оговорившись, что имеющиеся в источниках сводные данные о наличии 495 ремонтных мастерских неполны, так как в других документах сообщается о значительно большем их количестве по отдельным губерниям и уездам⁵². Он отнес эту сводку к предпосевному периоду 1920 г. На самом деле данный документ датирует собранную информацию 15 декабря 1920 г., а значит, уже отражает подготовку к посевной следующего года⁵³. Следует учесть, что многие мастерские функционировали недолго или непостоянно, поэтому нельзя сопоставлять и суммировать данные об их численности за разные периоды. Но дело даже не в их числе, а в качестве работы. Заготовленные весной металлы и топливо израсходовали на ремонт посевных машин. По ним отчетность выглядела неплохо. Но данное обстоятельство почти не позволило отремонтировать сенокосные и уборочные машины⁵⁴. Между тем, в сельскохозяйственный сезон 1921 г. неисправной считалось уже около 80% техники⁵⁵. Техническая примитивизация сельхозработ дошла до крайнего предела. Сибирь в этом отношении словно вернулась в XIX в.

Распределение новой сельхозтехники и даже простого инвентаря носило в 1921 г. символический характер. Например, за три месяца перед посевной по всей Сибири крестьянам поставили 3,6 тыс. плугов, за следующие три месяца – еще 558⁵⁶. Утверждение, что в 1921 г. продажа сельскохозяйственной техники стала быстро расти⁵⁷, истинно лишь относительно прежних, почти нулевых, отметок.

После перехода к нэпу ситуация с поставками сельхозтехники принципиально не улучшилась. Фактически бесплатные ее поставки сменились куплей-продажей. Искусственно завышенные цены делали многие виды инвентаря недоступными для большинства крестьян. Неудовлетворительным было качество ввозимой в Сибирь сельхозтехники. До революции основной поставщик – склады переселенческого управления – снабжал сибиряков очень ограниченным числом марок сельхозмашин,

точно подходящих к условиям региона и всегда обеспеченных запасными частями и ремонтом. С 1921 г. Госторг, выйдя на внешние рынки, принялся скупать всю технику подряд, обращая внимание только на ее назначение и не учитывая конструктивные особенности. В результате в Сибирь в 1922 г. попадала неподходящая техника, которая могла работать только до ближайшей поломки, покупки не были серийными, а ремонт поступающих машин не предусматривался⁵⁸.

Ремонтные мастерские и прокатные пункты были переведены на самокупаемость. Стоимость их услуг также являлась завышенной. Введение хозрасчетных отношений привело к закрытию многих прокатных пунктов. Их число в регионе сократилось с 512 в 1922 г. до 130 в 1923 г.⁵⁹

Тем не менее ситуация постепенно изменялась к лучшему. В частности, Сибревком добился, чтобы в Сибирь поставлялись только те типы и марки техники, которую он заказывал. С 1923 г. стало налаживаться кредитование крестьянских хозяйств. В 1923 г. общая сумма всех ссуд, выданных учреждениями сельхозкредита региона, определялась в 0,5 млн руб., в 1924 г. – 5 млн, в 1925 г. – 12,2 млн руб. В 1922 г. объем продаж сельхозтехники и инвентаря в Сибири составил 800 тыс. зол. руб., в 1923 г. – 1,5 млн, в 1924 г. – 5,6 млн., а в 1925 г. – 18,3 млн руб.⁶⁰ Для сравнения следует помнить, что накануне Первой мировой войны продажи составляли 25–26 млн руб. в год (см. выше).

Опубликованные результаты обследований крестьянских хозяйств свидетельствуют, что весной 1926 г. конных грабель было на 10%, конных и механических молотилок – на 12, сенокосилок – на 20, сеялок – на 81% больше, а веялок и жнеек соответственно на 9 и 16% меньше, чем в 1920 г.⁶¹ При этом довоенные показатели были превышены только по количеству сеялок.

*

*

*

В ряду причин упадка сельского хозяйства Сибири в начале 1920-х гг. в советской историографии традиционно называлось «хозяйничанье» на ее территории «колчаковцев и интервентов»⁶². По официальным данным, обнаруженным в 1920 г., потери от боевых действий регулярной Белой армии и отрядов самообороны против партизан советские органы оценили следующим образом: разрушены 56 тыс. крестьянских хозяйств, сожжено около 20 тыс. жилых и хозяйственных построек, угнано более 40 тыс. голов скота, разграблено и сожжено 1,5 млн пуд. продовольствия и семян, 1,5 млн пуд. сена⁶³. Историографическая значимость проблемы определения масштабов потерь крестьянства в годы Гражданской войны и их возмещения требует ее особого комментария.

Забота о жертвах белогвардейского террора стала для советской власти частью идеологической работы и связывалась с созданием социальной базы нового режима. Поэтому меры помощи пострадавшим от «контрреволюции» крестьянским хозяйствам разрабатывались и проводились в жизнь централизованно, масштабно и подробно освещались в прессе. 14 февраля 1920 г. Сибревкомом была создана Центральная комиссия по восстановлению разрушенных хозяйств в составе представителей от нескольких отделов под руководством председателя Сибревкома И.Н. Смирнова. На местах организовали сеть губернских и областных комиссий в составе представителей тех же ведомств («кохозы») ⁶⁴. Их первой задачей стал учет убытков, нанесенных «белогвардейцами». Не имея местного аппарата, губернские и областные комиссии опирались в своей деятельности на уездные и волостные ревкомы.

Крестьяне сначала равнодушно отнеслись к собиранию сведений, но через пару месяцев поняли выгодность включения в категорию пострадавших хозяйств. «Кохозы» собирали информацию об уничтоженных постройках, «угнанном» скоте, потравленных посевах. Самый серьезный урон обнаружился в Алтайской и Енисейской губерниях. Здесь учли 1869 и 3192 уничтоженных жилых построек, а всего по Сибири их насчитали 5590 ⁶⁵. Число крестьянских хозяйств, признанных разрушенными в результате Гражданской войны, первоначально определили в 23 тыс. На основании собранных сведений местные советские органы разрешили безвозмездную заготовку строительных материалов и денежные ссуды на наем строителей семьям, занимавшимся восстановлением жилищ и хозяйственных построек. Только к 15 июля 1920 г. в помощь пострадавшим хозяйствам Алтайской и Енисейской губернии отравили 205 тыс. пуд. семян в качестве ссуды на льготных условиях.

Частичная демобилизация армии во второй половине 1920 – 1921 г. позволила передать сибирскому крестьянству рабочий скот, прежде всего лошадей. Их распределение по хозяйствам осуществлялось на основании списков, предоставлявшихся «кохозами». В Семипалатинской губернии в хозяйства было направлено 1,7 тыс. лошадей, на Алтае – 10 тыс., в Иркутской губернии – 1,7 тыс. только за весну 1920 г. ⁶⁶ Куда более активно местные советские органы применяли внутриволостное распределение семян и скота. Животных из брошенных хозяйств, особенно предпринимательских, передавали в пользование тем, кто остался без скота. Во всех случаях руководящие указания предписывали придерживаться классового принципа, и помощь получали только самые бедные хозяйства.

Заявки «кохозов» на семенные ссуды, сельхозинвентарь и рабочий скот выполнялись лишь частично. Но значительная часть помощи была выделена в места, наиболее пострадавшие от военных столкновений

колчаковцев и партизанских отрядов. 31 марта 1920 г. Алтайский губкохоз постановил 40% имевшихся плугов передать для распределения разоренным Гражданской войной хозяйствам. Такое же решение было принято в Енисейской губернии. Пункты по прокату сельхозтехники старались расположить так, чтобы обслужить в первую очередь нужды пострадавших крестьян⁶⁷. В результате наиболее острые проблемы удалось смягчить. По оценкам комиссий, к концу 1920 г. запланированные восстановительные работы были выполнены наполовину. При этом основной упор делался на учет убытков, понесенных от действий Белой армии, что требовало большого штата служащих. Только в Енисейской губернии, где имелось 7235 пострадавших хозяйств в трех районах, учетом убытков апреле 1920 г. занималось 100 советских работников⁶⁸.

В марте 1920 г. на «кохозы» была возложена обязанность возместить убытки, понесенные сибирским крестьянством от действий партизанских отрядов и Красной армии до 1 марта 1920 г., четко придерживаясь при этом классового принципа. Не возмещались убытки, понесенные «контрреволюционерами», кулаками, спекулянтами, производителями самогонки, не разрешалось производить выплаты и тем, кто уклонился от выполнения продразверстки. Для покрытия расходов от действий партизан и Красной армии Сибревком решениями от 4 и 7 мая 1920 г. выделил 95 млн руб. Но реально к середине года израсходовали 395 млн руб., что четырехкратно превзошло первоначальные ожидания. Следует учесть, что эти убытки оплачивались по минимальным ценам. Смета же восстановительных работ по одной только Енисейской губернии была определена в 802 млн руб., выделено для этих целей на всю Сибирь было 200 млн руб., из которых освоено лишь 79 795 тыс. руб.⁶⁹

Итак, советская власть компенсировала убытки от Гражданской войны, в том числе и нанесенные Красной армией, лишь частично, но не упустила случая использовать социальные трансферты как средство давления на крестьянство в продовольственной работе и проведения классовой политики. Адресности, которой добивались комиссии по восстановлению хозяйств, тоже не всегда удавалось достичь. Волостные органы часто стремились включить в списки пострадавших во время Гражданской войны максимум хозяйств, испытывавших нужду в чем бы то ни было, причем, со свойственной крестьянскому сознанию мимикричностью, склонны были эту нужду преувеличивать. Так, Алтайская губернская комиссия указывала на случаи, когда волревком запрашивал для пострадавших хозяйств семенной материал, достаточный, чтобы с избытком засеять всю посевную площадь волости. Но следует признать, что деятельность комиссий смягчила положение крестьянских хозяйств, пострадавших от военных действий в 1919 – начале 1920 г. Благодаря концентрации усилий в нескольких районах удалось решить главную

задачу – большинство хозяйств, признанных пострадавшими, по отчетам «кохозов», засеяли в текущем году не меньше, чем в предыдущем.

Важно отметить, что убытки, нанесенные крестьянским хозяйствам Белой армией в ходе борьбы с партизанским движением и отступления на восток, не были масштабными, имели локализацию в нескольких местах, а аккуратный их подсчет специальными органами выявил в два раза меньше пострадавших хозяйств, чем было объявлено. Но этим урон крестьянства от Гражданской войны далеко не исчерпывался. Партизанское движение и действия Красной армии принесли более существенные убытки. Совершенно не подсчитывались потери, понесенные крестьянскими, казачьими и инородческими хозяйствами, владельцы которых ушли с «белыми», порой вместе с семьями. Не велся даже подсчет их количества. Имущества таких односельчан или жителей соседних деревень крестьяне успели распределить между собой под видом борьбы с контрреволюцией, и когда укрепившаяся советская власть потребовала возвратить все, объявив общенародным достоянием, проверить, насколько крестьяне исполнили указание, было уже невозможно⁷⁰. Брошенное имущество также по инициативе региональных руководителей вполне официально использовалось для компенсации материальных убытков сторонникам нового политического режима или в качестве материальной базы создания ряда колхозов и совхозов.

*

*

*

В начале XX в. мелкотоварное крестьянское хозяйство оставалось абсолютно доминировавшей организационно-производственной формой аграрного сектора Сибири. При этом все более возрастало значение крупных предпринимательских хозяйств, располагавшихся на частных и арендованных землях. В них применялись передовые агротехнологии, а произведенная продукция была целиком ориентирована на рынок. Первая мировая война увеличила востребованность аграрного предпринимательства. Система централизованных заготовок, дополнявшаяся специальными мерами, направленными на поддержание и развитие производства, вовлекла подобные хозяйства в формирующуюся государственно-монополистическую экономику. В условиях революции и Гражданской войны предпринимательские хозяйства были практически полностью ликвидированы (см. гл. 1). Тем не менее большевистская доктрина исходила из того, что неперенным условием социалистической реконструкции аграрного сектора экономики является переход от мелкого крестьянского производства к крупному механизированному, организационно близкому к предпринимательскому укладу.

В постановлении ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» была поставлена задача развития социалистических форм ведения аграрного производства в форме крупных советских хозяйств, сельскохозяйственных коммун, трудовых артелей и других производственных объединений крестьян⁷¹. После восстановления советской власти в Сибири вопрос о методах и темпах создания социалистических форм хозяйствования стал предметом дискуссии. Сибревком в своих первых директивных актах по аграрной политике провозглашал равенство всех форм трудового землепользования и стремление государства оказать первоочередное содействие развитию индивидуального крестьянского хозяйства.

Однако уполномоченный Наркомзема по Сибири А.Р. Воронов придерживался иной точки зрения. Исходя из содержащегося в Положении о социалистическом землеустройстве тезиса о преходящем и отживающем характере единоличного хозяйства, он требовал от подчиненных ему земельных органов форсированного обобществления сельского хозяйства. Данную точку зрения поддержали руководители ряда губземотделов, а также многие делегаты проходившего в марте 1920 г. Сибирского совещания представителей губернских и уездных организаций РКП(б). Лишь в апреле 1920 г. разногласия удалось устранить, и местные земельные органы сосредоточились на обслуживании и землеустройстве крестьянских хозяйств⁷².

Однако задача развития социалистического строительства в аграрной сфере с повестки дня текущей аграрной политики не снималась. В структуре Сибземотдела и губземотделов за ее реализацию отвечали подотделы обобществления. Они были призваны пропагандировать коллективные формы хозяйства и способствовать организации их работы. В сентябре 1920 г. губземотделы приняли к руководству циркуляр наркома земледелия РСФСР С.П. Середы, предлагавшего считать организацию всех форм обобществления сельскохозяйственного производства одной из наиболее действенных мер к восстановлению аграрного производства⁷³.

К августу 1920 г. в Сибири было создано 262 коммуны, 118 артелей и 82 совхоза. К концу года, по достаточно полным подсчетам В.И. Шишкина, в регионе числилось 584 коллективных хозяйства разных форм, к апрелю 1921 г. – 1710. Подотдел обобществления Сибземотдела располагал сведениями о создании на 15 июля 1921 г. 1887 колхозов. Они объединяли 141 тыс. едоков и имели в своем распоряжении 185 тыс. дес. земли, или 2,5% обрабатывавшейся в Сибири площади. В Сибирской советской энциклопедии содержится информация о том, что к началу 1922 г. на территории «Сибревкомовской Сибири» было зарегистрировано до 3 тыс. коллективных хозяйств⁷⁴. В.И. Степичева приводит данные

о создании в Забайкальской области в 1920 – начале 1921 г. 34 коммун и 15 артелей⁷⁵. В Тюменской губернии к 1922 г. насчитывалось 8 совхозов, 30 коммун, 32 артели⁷⁶.

Эпицентром колхозного и совхозного движения стал юг Западной Сибири, особенно ближайшие к крупным городам районы. В Омской губернии на базе 75 крупнейших частных хозяйств организовали 50 совхозов, большую часть – в Омском уезде. С августа до конца года число советских хозяйств выросло с 42 до 50, коммун – с 30 до 77, артелей – с 33 до с 97 и появилось 10 товариществ общественной обработки земли. В Томской губернии организовали 13 совхозов, 4 из которых – на базе бывших предпринимательских хозяйств. На Алтае было организовано 15 совхозов. Здесь же возникло около половины всех колхозов Сибири, причем большая их часть приходилась на Барнаульский уезд. В колхозы входило до 5% населения губернии⁷⁷.

Коллективные хозяйства и совхозы отвлекали на себя значительную часть землеустроительных работ. Так, в Новониколаевском уезде 36%, а в Томской губернии более 40% их общего объема составлял выдел земли колхозам. Алтайский губернский земельный отдел, активно занимавшийся землеустройством коллективных хозяйств в 1920 г., выделил это направление в качестве ударного и на 1921 г. За 1920 – март 1921 г. в Сибири провели землеустройство около 700 из 1700 возникших здесь за это время коллективных хозяйств⁷⁸.

Запросы насаждаемого колхозно-совхозного сектора не ограничивались землеустройством. Для подразделов снабжения земотделов в качестве ударных обозначались задачи обеспечения коллективных и советских хозяйств семенным материалом и сельскохозяйственной техникой в первоочередном порядке, причем в количестве, многократно превышавшем долю этого сектора в аграрном производстве и землепользовании. Большинство пунктов ремонта и проката техники создавалось при советских и коллективных хозяйствах. С января 1921 г. на работников колхозов, как и совхозов, было распространено нормированное снабжение промышленными и продовольственными товарами⁷⁹. Власть четко обозначала приоритетные формы аграрного производства.

Однако во второй половине 1920 и начале 1921 г. в Сибземотдел стали поступать неутешительные сведения о результатах проверок деятельности хозяйств колхозно-совхозного сектора. Соотношение иждивенцев и работников в них оказалось крайне неблагоприятным⁸⁰. Поголовье скота интенсивно сокращалось, в том числе и за счет его забоя для потребления членами хозяйств. В некоторых совхозах племенной скот вымирал от бескормицы или раздавался на сохранение на зиму по окрестным крестьянским хозяйствам. Характерной чертой для социальных форм организации аграрного производства являлась тоталь-

ная бесхозяйственность, конфликты на почве распределения заработка. Колхозы и совхозы были не в состоянии освоить выделенные им земли даже в перспективе, и в 1921 г. был поставлен вопрос об отрезке у них части угодий для наделения переселенцев и не приписанного населения. Кроме того, стало очевидно, что многие «неофиты» колхозного движения пришли в него как раз для того, чтобы получить технику и семена, лучшие земли, льготы по продразверстке/продналогу. В колхозах от политического и экономического давления государства скрывались зажиточные крестьяне, стремившиеся уберечь от конфискации свое имущество. Подчас организация колхоза являлась лишь предлогом, чтобы завладеть инвентарем, скотом или землей ближайших частновладельческих хозяйств или получить кредит⁸¹. Для того чтобы противодействовать подобной практике, землеустроительная секция Алтайского губернского съезда уездных земотделов 22 декабря 1922 г. постановила, что распавшимся после землеустройства колхозам не будет разрешено разделить землю на единоличные участки⁸².

С осени 1922 г. начался нарастающий спад колхозного движения. Новые хозяйства организовывались единицами, а большая часть ранее созданных распалась. Многие крестьяне выходили из них будучи недовольными организационной неустроенностью и бесхозяйственностью. Из колхозов ушли укрывавшиеся в них зажиточные крестьяне. Сокращение количества коллективных хозяйств было вызвано также их перерегистрацией на базе кооперативного устава. В условиях перехода к нэпу колхозы снимались с гособеспечения, лишались налоговых льгот и переводились на хозрасчет. Наиболее интенсивно распadaлись коммуны. Только в 1922 г. в регионе было ликвидировано 1423 коммуны⁸³. В конце 1922, 1923 и 1924 гг. в Сибири насчитывалось соответственно 997, 992 и 802 коллективных хозяйства. В 1922 г. 70% из них были зарегистрированы как коммуны, 30% – как сельхозартели; в 1924 г. – 43,1% – как коммуны, 29,0% – как артели, 27,9% – как товарищества по совместной обработке земли⁸⁴.

*

*

*

К началу XX в. крестьянское хозяйство в Сибири прошло достаточно длительный путь становления и развития, в ходе которого оно стало абсолютно преобладающей организационно-производственной формой аграрной экономики региона, обеспечивающей как свои внутренние потребности в сельхозпродуктах, так и нужды некрестьянского населения края и прилегающих к нему территорий. Принадлежало хозяйство всей семье и обрабатывалось полностью или в основном совокупным трудом ее членов (семейная кооперация). Характерными чертами кре-

стьянского хозяйства являлись низкий уровень его специализации и товарности, абсолютное преобладание ручного труда, применение экстенсивных агротехнологий и простого инвентаря. Основывалось оно на естественных производительных силах, что предопределяло природно-климатическую обусловленность трудовой деятельности и ее результатов. Наряду с производственной семейное хозяйство выполняло функции демографического и социокультурного воспроизводства крестьянства. Основным источником существования крестьян являлось сельское хозяйство. Однако в ряде районов существенную роль в занятиях сельского населения играли промыслы. В Сибири наиболее развитое промысловое хозяйство (прежде всего охоту и рыболовство) вели крестьяне северных и восточных районов.

Количественные и качественные параметры главных производительных сил крестьянского хозяйства – обрабатываемой земли, живого труда его членов, сельскохозяйственных животных – были основой определения его социального статуса как внутри общины, так и во взаимоотношениях с властью. Демографическая дифференциация крестьянства (различия отдельных хозяйств по размеру и составу семьи) во многом детерминировала его имущественную дифференциацию (различия по количеству обрабатываемой земли, рабочего и продуктивного скота и т.п.). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяйство вероятностным образом проходило ряд этапов своего развития. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводило к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств. Таким образом, как бедность, так и зажиточность можно рассматривать имманентно присущими крестьянскому хозяйству этапами его саморазвития.

Восходящий (переход хозяйств в более высокие имущественные группы по мере увеличения размеров семей) и нисходящий (переход в более низкие группы после разделов) потоки социальной динамики могут взаимно уравновешивать друг друга, и тогда уровень дифференциации деревни остается неизменным. Однако чаще всего под влиянием экономической конъюнктуры, масштабных политических событий (войн и революций), природно-экологических катаклизмов (эпизоотий и неурожаев) указанные потоки выходят из состояния равновесия. Если при этом рост состоятельности молодых семей задерживается, а количество разделов увеличивается, социальная мобильность крестьянства

приобретает преимущественно нисходящую направленность, и в итоге в деревне происходит общий сдвиг вниз. Ускорение хозяйственного роста приводит к преобладанию восходящей ее направленности и сдвигу вверх. В результате значительного увеличения удельного веса одной из социально-имущественных групп за счет других происходит нивелировка деревни. Рост полюсных групп за счет средних слоев знаменует собой процесс разложения крестьянства⁸⁵.

В начале XX в. функциональные характеристики крестьянского семейного дворохозяйства в Сибири оставались прежними. Изменения касались лишь количественных его параметров. На их динамику воздействовал комплекс взаимосвязанных факторов, среди которых наиболее важными являлись транспортное строительство, аграрное переселение и расширение рыночных отношений.

Сооружение Транссибирской магистрали позволило значительно увеличить масштабы аграрного переселения в регион, одним из следствий которого стало превышающее естественный прирост увеличение сельского населения края и числа крестьянских дворов. Количество крестьянских хозяйств в Сибири в 1914 г. по сравнению с 1897 г., по нашим подсчетам, увеличилось в 1,6 раза (в Томской губернии – почти в 2 раза). Массовое переселение, помимо прироста числа семейных дворохозяйств, вызвало увеличение их людности. В силу ряда причин семьи переселенцев были больше, чем у старожилов⁸⁶.

Транссибирская магистраль не только привела к увеличению масштабов аграрного переселения в регион, но и создала возможности для организации широкомасштабного экспорта сельхозпродукции. Крестьянские хозяйства стали более активно вовлекаться в рыночные отношения и наращивать свою товарность.

В конце XIX – начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений имущественная дифференциация сибирского крестьянства приобрела более ярко выраженный социальный характер. В низших слоях деревни проявлялись элементы пролетаризации, в высших – фермеризации. Но разложение крестьянства в данный период еще не стало основным типом социальной мобильности сибирской деревни, а существовало как одна и притом не самая главная ее тенденция. Базовая модель социальной динамики в ней по-прежнему определялась демографической дифференциацией крестьянских семейных дворохозяйств. Вовлечение региона в общероссийский аграрный рынок придало социальной мобильности местного крестьянства в конце XIX в. преимущественно восходящую направленность. Неурожай 1900 и 1901 гг. вызвали общий сдвиг вниз, сменившийся затем сдвигом вверх. Массовое переселение привело к нивелировке сибирской деревни на более низком уровне. Переселенцы, заводя в момент вселения относительно неболь-

шие хозяйства, существенно увеличили удельный вес бедноты. В то же время в среде старожилов преобладала восходящая динамика, прерываемая неурожаями. С 1912 г. доминирующим направлением социальной мобильности сибирского крестьянства становится движение от низших имущественных групп к высшим⁸⁷.

В августе 1914 г. началась Первая мировая война, которая не могла не оказать влияние на динамику социально-экономических процессов в сибирской деревне. Об общей направленности социальной мобильности крестьянства можно судить по изменению количественных параметров производительных сил и демографического состава среднестатистического крестьянского дворохозяйства. Для подобного анализа подходят и среднедушевые показатели⁸⁸. Однако имеющаяся источниковая база не позволяет выявить динамику подворных и поддушевых показателей для всего периода войны в единых географических рамках. В наиболее репрезентативном для целей нашего исследования «Сборнике статистико-экономических сведений по Сибирскому краю»⁸⁹, составленном Сибкрай-статуправлением, данные о посевных площадях и поголовье скота в крестьянских хозяйствах и их демографические параметры приводятся только для 1913, 1916 и 1917 гг. Для двух последних лет они базируются на материалах сельскохозяйственных переписей, для 1913 г. – на сведениях статотделов переселенческих управлений. При этом в сборнике отсутствуют данные о численности крестьянских дворов (для 1913 г.), а также мужчин и женщин в них (для 1913 и 1916 гг.) (табл. 6.1, вариант А).

Таблица 6.1.

Данные о численности и составе крестьянских хозяйств
на территории Сибирского края в 1913–1917 гг.

Год	Число хозяйств (тыс.)	Состав хозяйств (тыс. чел.)		
		всего	мужчин	женщин
<i>Вариант А</i>				
1913	–	5941,4	–	–
1916	1057,8	5747,8	–	–
1917	1035,0	6195,7	3172,2	3023,5
<i>Вариант Б</i>				
1916	1014,2	6054,8	–	–
<i>Вариант В</i>				
1913	–	5097,6	–	–
1916	1070,5	5780,5	2676,4	3104,1
1917	1050,2	6196,1	3150,7	3045,4
<i>Вариант Г</i>				
1916	983,5	5941,0	–	–

Источники: вариант А: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 36; вариант Б: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг. М., 1930. С. 4–5; вариант В: Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 40, 44; вариант Г. Белая З.И. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982. С. 198.

Количество хозяйств на территории Сибирского края в 1913 г. указано в диссертации З.И. Белой (983,5 тыс.) (см. табл. 6.1, вариант Г). Однако источник, из которого эта цифра извлечена, ею фактически не указан⁹⁰. Отличные от «Сборника статистико-экономических сведений» сведения приводятся в двух изданиях: статборнике ЦСУ «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.» (см. табл. 6.1, вариант Б) и подготовленном специалистами Сибкрайземуправления труде «Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства» (см. табл. 6.1, вариант В). При этом зафиксированный в варианте В более чем 13%-ный прирост крестьянского населения за 1913–1916 гг. является однозначно ошибочным. Разница в данных о числе хозяйств и населении в остальных приведенных вариантах внешне не столь велика. Однако имеющиеся различия влияют на параметры средней людности дворов (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Данные о демографическом развитии крестьянского хозяйства на территории Сибирского края в 1913–1917 гг.

Год	На одно хозяйство приходится					
	всех членов семьи	мужчин	женщин	трудоспособных	мужчин	женщин
<i>Вариант А</i>						
1916	5,43	–	–	–	–	–
1917	5,99	3,06	2,93	–	–	–
<i>Вариант Б</i>						
1916	5,97	–	–	–	–	–
<i>Вариант В</i>						
1916	5,4	2,5	2,9	2,5	1,0	1,5
1917	5,9	3,0	2,9	2,6	1,4	1,2
<i>Вариант Г</i>						
1913	6,04	–	–	–	–	–

Источники: вариант А: Сборник статистико-экономических сведений... С. 36; вариант Б: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. С. 5; вариант В: Сельское хозяйство Сибирского края. С. 44; вариант Г:

Белая З.И. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири. Л. 198.

Наиболее существенно отличаются показатели людности 1916 г. в вариантах А и В (5,4–5,43), с одной стороны, и варианте Б (5,97) – с другой. Мы предполагаем, что указанные отличия связаны с различной методикой подсчета, при котором в вариант Б включалось и отсутствующее (в основном призванные в армию мужчины) население, а в вариантах А и В – только наличное. Этим можно объяснить почти 18%-ное увеличение числа мужчин в 1917 г., зафиксированное в варианте В табл. 6.1. Специалисты ЦСУ данное обстоятельство учли и при составлении статборника «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР» (вариант Б той же табл.) в графу за 1916 г. включили все крестьянское население, включая отсутствующее.

Несмотря на источниковый разнобой, имеющиеся данные с учетом их критики позволяют выявить общие тенденции социальных сдвигов в сибирской деревне в годы Первой мировой войны. При этом отсутствующие в статборниках данные о посевных площадях и поголовье скота за 1914 и 1915 гг. можно восполнить из других источников.

В 1913, 1916 и 1917 гг. посев в расчете на одного члена крестьянского двора в территориальных рамках Сибирского края составлял (дес.)⁹¹:

1913 г.	1,00
1916 г.	0,96
1917 г.	1,04

Вышеприведенные данные, в совокупности со сведениями об общей динамике посевных площадей в регионе (см. гл. 2), позволяют сделать вывод о росте среднедушевых показателей площади посева в 1914 г., его снижении в 1915 и 1916 гг. и увеличении в 1917 г.

В 1913, 1916 и 1917 гг. поголовье скота в расчете на одного члена крестьянского двора в территориальных рамках Сибирского края изменялось следующим образом⁹²:

	Лошади	КРС	Коровы	Овцы	Свины
1913	0,62	0,75	0,37	0,80	0,30
1916	0,70	0,96	0,48	1,03	0,37
1917	0,62	0,84	0,40	0,97	0,34

Вышеприведенные данные, в совокупности со сведениями об общей динамике численности скота в регионе (см. гл. 4), позволяют сделать вывод о существенном росте среднедушевых показателей поголовья скота в 1914 г., падении темпов их прироста в 1915 и 1916 гг. и сокращении в 1917 г.

Вышеуказанные тенденции для 1916–1917 гг. подтверждаются данными о средних размерах крестьянских дворов. В 1916 г. на одно кре-

стьянское хозяйство на территории будущего Сибирского края приходилось 5,73 дес. посева, 4,16 голов лошадей, 5,76 голов КРС, 2,86 коров, 6,42 овец и коз, 2,23 свиней. В 1917 г. площадь посева увеличилась до 6,25 дес., а количество указанных видов скота сократилось соответственно до 3,72, 5,00, 2,52, 5,88 и 2,02 голов (см. Приложение, табл. 18). Минимальные показатели посева (без поправок на недоучет) на одно хозяйство в 1917 г. фиксируются в северо-западной, восточной и восточносибирской сельскохозяйственных зонах (3,2, 3,9 и 4,3 дес.), максимальные – в центральной и юго-западной зонах (6,1 и 7,1 дес.). При этом в Степном Алтае крестьяне в среднем засеивали 7,6 дес., а в Киренском уезде – 2,2 дес. Средняя обеспеченность лошадьми колебалась от 4,2 в центральной и юго-западной зонах до 3,6 в восточносибирской, 3,4 – в северо-западной и 2,5 – в восточной зонах; коровами – от 3,2 и 3,1 в северо-западной и центральной зонах, до 2,7 – в юго-западной, 2,2 – в восточной и 2,0 – в среднесибирской. В предгорном Алтае на один двор приходилось 3,7 коров. Максимальные показатели обеспеченности скотом за счет хозяйств аборигенного населения имел Горный Алтай: 10 лошадей, 10,3 голов КРС, 10,7 овец и коз. Хозяйства казахов и хакасов увеличивали среднюю обеспеченность восточносибирской и центральной зон овцами и козами до 7,6 и 6,8 голов⁹³.

Особый интерес представляют зафиксированные сельскохозяйственной переписью 1917 г. сведения о структурных особенностях крестьянской экономики в отдельных губерниях и областях Сибири. На территории Тобольской, Алтайской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской и Забайкальской областей перепись зафиксировала 1436 тыс. хозяйств «крестьянского типа», 67,1 тыс. «хозяйств казаков» и 294,2 тыс. «хозяйств инородцев» (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Демографические параметры дворохозяйств крестьян, казаков и аборигенов Сибири по сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Губерния / область, категория хозяйства	Хозяйств (тыс.)	На одно хозяйство приходится			
		членов семьи	мужчин	женщин	трудоспособных
1	2	3	4	5	6
Тобольская, крестьян	316,8	5,72	2,89	2,83	2,70
Акмолинская, крестьян	115,1	6,15	3,21	2,94	2,62
казаков	19,9	5,73	2,94	2,79	2,71
инородцев	97,5	5,38	2,97	2,41	2,76

1	2	3	4	5	6
Семипалатинская, крестьян	36,5	6,15	3,23	2,93	2,63
инородцев	122,6	5,11	2,84	2,27	2,69
Алтайская, крестьян	393,2	6,17	3,14	3,03	2,59
Томская, крестьян	288,1	5,88	3,00	2,88	2,49
Енисейская, крестьян	159,3	5,85	3,00	2,85	2,68
Иркутская, крестьян	78,7	5,81	3,01	2,80	2,65
инородцев	22,5	4,46	2,39	2,07	2,24
Забайкальская, крестьян	48,2	5,93	3,04	2,89	2,77
казаков	44,8	5,75	2,96	2,80	2,81
инородцев	39,5	4,66	2,36	2,30	2,42

Источник: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 64, 65, 76, 77.

Примечания: 1) учтены временно отсутствующие члены семьи; 2) в Тобольской губернии не приведены данные по 12,1 тыс. хозяйств «инородцев», в Иркутской губернии – по 2,3 тыс. казачьих дворов.

Самые многопосевные крестьянские дворы располагались в Семипалатинской, Акмолинской областях и Алтайской губернии (10,14, 9,71 и 6,90 дес. на хозяйство). Лошадей больше всего было у семипалатинских и алтайских крестьян (4,30 и 4,23 головы), КРС – в Семипалатинской и Акмолинской областях (7,49 и 5,84 головы), овец – в Енисейской губернии и Семипалатинской области (7,83 и 6,54 головы), свиней – в Забайкальской области и Иркутской губернии (3,3 и 2,64 головы). Максимум коров на один двор (2,98 голов) за счет районов, которые первыми стали специализироваться на промышленном маслоделии, имела Тобольская губерния (табл. 6.4). Низкие показатели владения лошадьми в Акмолинской области объясняются абсолютным преобладанием там переселенцев, которые еще не успели вырастить достаточное количество рабочего скота. Хозяйства казаков уступали крестьянским по посеву, но превосходили их по поголовью. В Акмолинской области на один казачий двор приходилось 7,73 дес. посева, 3,47 лошадей, 7,23 голов КРС, 2,9 коров, 7,6 овец. Развитое животноводческое хозяйство вели забайкальские казаки: 5,46 лошадей, 10,48 голов КРС, 4,07 коров, 11,71 овец, 3,21 свиней. Казахи и буряты владели большим количеством скота. На одно «инородческое» дворохозяйство в Акмолинской области приходилось

9,56 лошадей, 8,32 голов КРС и 25,47 голов мелкого рогатого скота, в Забайкальской области – 5,35, 15,65 и 17,84 голов соответственно⁹⁴.

Таблица 6.4

Состоятельность крестьянского хозяйства Сибири в 1917 г.

Губерния/ область	На одно хозяйство приходится						
	посева (дес.)	лошадей	в т.ч. рабочих	КРС	в т.ч. коров	овец	свиней
Тобольская	5,37	3,24	2,48	5,71	2,98	5,53	2,01
Акмолинская	9,71	2,20	1,81	5,84	1,75	5,92	1,36
Алтайская	6,90	4,23	3,28	5,31	2,72	5,48	1,80
Семипалатинская	10,14	4,30	3,28	7,49	2,73	6,54	1,17
Томская	4,10	3,39	2,51	4,50	2,31	5,27	2,05
Енисейская	4,44	3,75	2,35	4,62	2,23	7,83	2,37
Иркутская	4,16	2,60	1,90	3,89	1,75	1,85	2,64
Забайкальская	4,43	3,10	2,35	5,44	2,05	3,44	3,13

Источник: Погубернские итоги... С. 64, 66, 67, 70, 76, 78, 79, 82.

Примечание: Учтены только хозяйства крестьянского типа.

Приведенные в табл. 6.2 данные позволяют определить общие тенденции демографического развития крестьянского двора. На начальном этапе войны за счет призыва мужчин в армию произошло резкое сокращение наличного населения⁹⁵. В 1916 г. на 100 хозяйств в территориальных рамках Сибирского края приходилось 540 членов (в 1913 г. – более 600), в том числе 250 трудоспособных (100 мужчин и 150 женщин). При этом средняя людность дворов с учетом отсутствующих членов уменьшилась незначительно. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. (см. табл. 6.3), максимальная людность крестьянских дворов была зафиксирована в районах с высокой долей переселенческих хозяйств: Алтайской губернии (6,17 чел.), Акмолинской (6,15 чел.) и Семипалатинской (6,15 чел.) областях. В основной сельскохозяйственной полосе старозаселенных районов среднее количество членов крестьянской семьи было меньше. В Тобольской губернии на один двор приходилось 5,72 чел., в Иркутской губернии – 5,81 чел. При этом на севере Иркутской губернии, в Киренском уезде, где сохранялись большие патриархальные семьи, на одно крестьянское хозяйство в среднем приходилось 6,2 чел.⁹⁶

Таким образом, крестьянская экономика в годы войны изменялась разнонаправленно: к 1917 г. площадь посева выросла, а поголовье скота сократилось. Однако если исходить из того, что в довоенные годы доходность ведения животноводства была существенно выше, чем зернового производства, то можно сделать вывод о нисходящей направленности социальной мобильности сибирского крестьянства в 1914–1917 гг.

При этом в годы Первой мировой войны, по мнению Л.М. Горюшкина, разделяемому нами, усилилась дифференциация крестьянства: бедные становились беднее, обатрачивались, не сводя концы с концами. Зажиточные же выгодно использовали государственные закупки и дополнительную рабочую силу для обогащения⁹⁷.

Тем не менее качественных сдвигов в социальной дифференциации крестьянства не произошло. Принадлежность хозяйства к тому или иному социальному слою по-прежнему детерминировалась демографическим фактором. Так, дворы, относимые Л.М. Горюшкиным к бедняцким, в среднем состояли из 4,4 чел., к середняцким – из 6,3, к кулацким – из 8,6 чел.⁹⁸

О прямой взаимосвязи имущественной состоятельности хозяйства с размером и составом семьи отчетливо свидетельствуют материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии, обработанные Л.М. Горюшкиным и его учениками (табл. 6.5). В соответствии с ними дворы без рабочего скота насчитывали 3,4 чел., включая 1,4 чел. трудоспособных, без коров – 3,6 и 1,7 чел., без посева – 3,9 и 1,8 чел. трудоспособных, без коров – 3,7 и 1,7 чел., без посева – 3,9 и 1,8 чел. В то же время хозяйства, имеющие более десяти голов рабочих лошадей, более десяти коров и засевающие от 25 до 50 дес., состояли соответственно из 10,4, 9,2 и 12,9 чел., в том числе из 4,6, 4,1 и 5,4 трудоспособных⁹⁹. Таким образом, рост размеров семьи по-прежнему приводил к увеличению ее состоятельности, а по мере этого – к переходу в более высокую социальную группу.

Таблица 6.5

Средняя людность крестьянских хозяйств Томской губернии в 1916 г. по имущественным группам, чел.

Группы дворов	На одно хозяйство приходится	
	всего населения	в т.ч. трудоспособного
1	2	3
Без посева	3,94	1,81
С посевом (дес.):		
0,1–1	4,48	1,99
1,1–2	4,75	2,01
2,1–3	5,13	2,17
3,1–4	5,47	2,29
4,1–5	5,78	2,55
5,1–9	6,51	2,85
9,1–10	7,48	3,36

1	2	3
10,1–12	7,82	3,57
12,1–15	8,58	3,73
15,1–25	9,83	4,40
25,1–50	12,91	5,39
свыше 50	8,29	2,57
Без рабочих лошадей	3,42	1,42
С 1 рабочей лошадью	4,21	1,76
С 2 – " –	4,83	2,09
С 3–4 – " –	5,91	2,59
С 5 – " –	6,84	3,02
С 6–10 – " –	7,85	3,51
Свыше 10 – " –	10,38	4,60
Без коров	3,61	1,67
С 1 коровой	4,87	2,11
С 2 – " –	5,52	2,40
С 3–4 – " –	6,43	2,74
С 5 – " –	7,06	3,10
С 6–10 – " –	7,61	3,45
Свыше 10 – " –	9,19	4,09
По всем группам	5,81	2,54

Источник: Бауфал А.М., Горюшкин Л.М. [и др.] Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969. С. 136–138, 223–225, 291–293.

Источники для реконструкции социально-экономических процессов в сибирской деревне в годы Гражданской войны еще менее представительны. В распоряжении исследователей имеются обработанные материалы сельхозпереписей 1917 и 1920 г. и отрывочные сведения за 1918 и 1919 гг. Указанные источники и сведения об изменениях посевных площадей и поголовья скота (см. гл. 2, 4) позволяют определить общие тенденции социальной мобильности. Характерной чертой периода в целом является значительный рост числа крестьянских хозяйств: 14,5% за 1917–1920 гг. (см. Приложение, табл. 17), который был достигнут преимущественно за счет более интенсивного, чем в предреволюционный период, их дробления.

В начале XX в. количество разделов крестьянских дворов в Сибири сдерживалось рядом факторов. Многолюдность семьи способствовала успешному становлению хозяйств новоселов. Товарность молочного животноводства напрямую зависела от числа коров в хозяйстве, а большая семья позволяла содержать большее их количество. Во время Первой мировой войны семьи, из которых были призваны в армию мужчины среднего возраста, не делились. В 1917–1920 гг. ситуация изменилась. В деревню вернулись многие фронтовики. К этому времени в основном завершилась адаптация к местным условиям большинства переселенческих хозяйств, прибывших в Сибирь в ходе столыпинской аграрной реформы. Вследствие кризиса молочного животноводства отпала необходимость содержать значительное количество продуктивного скота. Увеличение числа разделов и военные потери привели к снижению средней людности крестьянских хозяйств с 5,99 чел. в 1917 г. до 5,62 чел. в 1920 г. (см. Приложение, табл. 19).

В 1920 г. параметры среднестатистического хозяйства сократились по сравнению с 1917 г. по посеву – с 6,25 до 5,60 дес., по количеству лошадей, КРС, овец и коз и свиней – с 3,72, 5,00, 2,52, 5,88 и 2,02 до 3,33, 3,73, 2,08, 4,38 и 1,60 голов соответственно (см. Приложение, табл. 18). При этом показатели обеспеченности скотом сокращались на протяжении всего периода, а посевом – увеличивались в 1918 и 1919 гг. и снизились в 1920 г. Показателем окрестьянивания сельской экономики в годы Гражданской войны стало сокращение удельного веса крестьянских дворов, ведущих помимо сельского хозяйства промысловое: в целом по региону в территориальных рамках Сибирского края – с 17,4% в 1917 г. до 12,6% в 1920 г. Наиболее резкое падение доли хозяйств с промыслами произошло в Восточной Сибири: в Енисейской губернии – с 22,3 до 15,8%, в Иркутской губернии – с 29,4 до 15,9%¹⁰⁰.

Изменение демографических и экономических показателей развития крестьянского двора в 1917–1920 гг. в отдельных губерниях региона зафиксированы в табл. 20 Приложения. Наиболее существенное сокращение средней обеспеченности крестьянских хозяйств посевом было зафиксировано в Семипалатинской, Иркутской и Тюменской губерниях, Иркутской, лошадьми – в Семипалатинской, Акмолинской и Алтайской губерниях, коровами – в Алтайской и Семипалатинской губерниях.

Об итогах социальных сдвигов в сибирской деревне за годы Гражданской войны можно судить по материалам сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии, обработанной Л.М. Горюшкиным и его учениками, и сведениям, полученным в ходе переписи 1920 г. по Томской и выделившейся из нее Алтайской губерниям¹⁰¹.

Хозяйства	1916 г.	1920 г.
Без посева	13,0	13,3
С посевом, дес.:		
до 1	9,1	8,1
от 1 до 2	11,6	10,6
от 2 до 3	11,1	11,2
от 3 до 4	9,7	10,3
от 4 до 5	8,9	9,2
от 5 до 10	24,0	25,9
свыше 10	12,6	11,3
Без рабочего скота	9,3	9,4
С рабочим скотом, голов ¹⁰² :		
1	14,0	19,8
2	17,0	28,6
3 и более	59,7	41,6
Без коров	9,2	9,6
С коровами, голов		
1	26,0	36,6
2	21,7	30,2
3 и более	43,1	23,4

Их сравнение показывает рост удельного веса дворов с 1–2 головами и значительное снижение доли дворов с 3 и более головами скота (по лошадям – в 1,4, по коровам – в 1,8 раза). Группировка по посеву изменилась незначительно. Колебания в ту или другую сторону от 0,2 до 2,2% могут быть следствием погрешности выборки, которая для 1916 г. составляет 1,2% от общего числа крестьянских хозяйств Томской губернии, тогда как данные 1920 г. основаны на переписи более 25% дворов Алтайской и Томской губерний. Однако если учесть факт снижения размера посева в расчете на одно хозяйство в 1920 г. по сравнению с уровнем 1917 г., а также отмеченный выше рост удельного веса дворов с малым количеством скота, то можно с полным основанием сделать вывод о том, что доминирующим направлением социальной мобильности крестьянства в 1917–1920 гг. был переход в менее состоятельные имущественные группы.

При этом, по нашему мнению, отсутствуют основания для определения данного процесса как осереднячивания деревни, которое предполагает увеличение доли среднего крестьянства при одновременном уменьшении полярных групп – кулачества и бедняцко-батрацких слоев. В сибирской деревне в годы Гражданской войны действительно произошло сокращение числа зажиточных хозяйств, но в то же время доля бедноты не только не уменьшилась, но даже увеличилась, поскольку для Сибири абсолютное большинство дворов с одной головой рабочего и одной – продуктивного скота можно с полным основанием относить к бедняцким.

Не было в регионе и заметных изменений в количестве беспосевных, безлошадных и бескоровных дворов, снижение удельного веса которых считалось в советской историографии важным показателем начавшегося процесса осереднячивания. В Западной Сибири удельный вес беспосевных хозяйств уменьшился на 2,1 п.п., дворов, не имеющих рабочего скота, – на 2,8 п.п., коров – на 1 п.п., в Восточной Сибири – на 1,4, 2 и 2 п.п. соответственно (табл. 6.6). Однако в условиях общего увеличения числа крестьянских хозяйств столь незначительные сдвиги в долевом выражении дали еще более ничтожное сокращение в количественном выражении.

Таблица 6.6

Удельный вес крестьянских хозяйств Сибири, не имеющих посева, рабочего скота и коров в 1917 и 1920 гг., %

Хозяйства	Год	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Без посева	1917	12,5	14,9
	1920	10,4	13,5
Без рабочего скота	1917	11,4	13,0
	1920	8,6	11,0
Без коров	1917	9,6	12,8
	1920	8,6	10,8

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 112, 113.

Примечание: в территориальные рамки Западной Сибири включены Тюменская, Омская, Алтайская, Новониколаевская, Томская губернии, Восточной Сибири – Енисейская и Иркутская губернии в границах 1922 г.

Сокращение числа беспосевных хозяйств, которое в европейской части России произошло в ходе аграрных преобразований 1918–1920 гг., в Сибири проявилось в 1920/21 учетном году. Согласно данным проведенного в регионе весеннего 1921 г. опроса крестьянских дворов, 65% хозяйств, не засевавших пашню в 1920 г., в 1921 г. произвели посев (46% из них – на площади до 1 дес. и 54% – свыше 1 дес.). Площадь посева увеличили также 40% хозяйств, засевавших в 1920 г. до 1 дес. земли. Но в целом опрос показал повышение доли малопосевных хозяйств – особенно засевавших от 1 до 3 дес. земли (в 1,7 раза). Число хозяйств с посевом более 9 дес. сократилось в 2,2 раза. Только 13% опрошенных хозяйств перешли в более высокие посевные группы, тогда как почти 45% из них переместились в низшие¹⁰³.

Сопоставимые данные об изменениях соотношения групп крестьянских дворов по наличию скота в 1920–1921 гг. имеются лишь для территории, позднее вошедшей в состав Барнаульского, Бийского и Рубцов-

ского округов (табл. 6.7). За год там значительно увеличился удельный вес малоскотных (1–2 головы) хозяйств (по рабочим лошадям – с 39,7 до 50,5%, по коровам – с 59,8 до 72,6%), а доля дворов, имевших более 2 голов скота, снизилась (по рабочим лошадям – с 53,8 до 42,1%, по коровам – с 33,4 до 20,2%). При этом несколько выросла доля бескоровных и безлошадных дворов.

Данные гнездовых переписей 1920–1921 гг. на юге Алтая в целом подтверждают тенденции эволюции группировки крестьянских дворов по посеву, выявленные при анализе материалов весеннего опроса 1921 г. Число малопосевных хозяйств выросло, а средне- и крупнопосевных – снизилось. Исключением является лишь беспосевная группа, удельный вес которой остался неизменным.

Таблица 6.7

Группировка крестьянских хозяйств юга Алтая по посеву и наличию скота в 1920–1922 гг. (по данным гнездовых динамических переписей), %

Хозяйства	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Без посева	9,6	9,6	11,2
С посевом, дес.:			
до 2	16,5	26,7	49,3
от 2 до 4	21,0	28,6	25,0
от 4 до 6	17,6	18,2	9,1
от 6 до 10	19,1	12,3	4,5
свыше 10	16,2	4,6	0,9
Без рабочих лошадей	6,5	7,4	8,6
С рабочими лошадьми, голов:			
1	17,9	24,4	30,4
2	21,8	26,1	27,9
3	19,7	17,6	16,2
4 и более	34,1	24,5	16,9
Без коров	6,8	7,2	9,0
С коровами, голов:			
1	31,1	43,6	52,2
2	28,7	29,0	25,9
3	15,4	9,6	7,5
4 и более	18,0	10,6	5,4

Источник: Сборник статистико-экономических сведений... С. 174–175, 180–181.

Процесс обеднячивания сибирской деревни, проявившийся в 1920–1921 гг., значительно усилился в 1922 г. Согласно материалам гнездовой динамической переписи этого года 55,6% крестьянских хозяйств региона засевало до 2 дес. (около половины из них – меньше 1 дес.),

19% – от 2 до 4, 9,3% – от 4 до 10 и 1,7% – свыше 10 дес. Удельный вес дворов с одной рабочей лошастью составлял 28,6%, с двумя – 33,7, с тремя – 19,5, с четырьмя и более – 15,5%; с одной коровой – 43,1%, с двумя – 29,6, с тремя – 10,8, с четырьмя и более – 8,1%. 14,4% семей сибирских крестьян не имели полевого посева, 9,7% – рабочих лошадей и 8,4% – коров¹⁰⁴. В 1922 г. на одно крестьянское хозяйство в регионе в среднем приходилось 3,4 дес. полевого посева, 2,2 головы рабочих лошадей и 1,6 – коров, что было ниже показателей 1917 г. соответственно в 1,8, 1,3 и 1,6 раза (см. Приложение, табл. 18). Обеднячивание деревни в большей степени коснулось территорий Новониколаевской, Омской и Алтайской губерний и в меньшей степени – Иркутской губернии. Средняя обеспеченность хозяйств посевом, по данным выборочных сельхозпереписей (без поправок на недоучет), сократилась в 3,2, 3,1, 2,4 и 1,6 раза соответственно (см. Приложение, табл. 20). Перечисленные выше губернии Западной Сибири находились в эпицентре сельскохозяйственного кризиса. В северо-западной зоне площадь посева крестьянского дворохозяйства снизилась с 3,2 до 1,3 дес., в центральной – с 6,1 до 2,2, в юго-западной – с 7,1 до 3,4, в среднесибирской – с 4,3 до 2,1, в восточной – с 3,9 до 2,7 дес.¹⁰⁵

В начале 1920-х гг. в сибирской деревне происходили интенсивные социально-органические процессы (табл. 6.8). Высокая доля выселившихся и самоликвидировавшихся крестьянских хозяйств привела к сокращению их общей численности (см. Приложение, табл. 17). Относительно низкие показатели числа разделов в 1921 г. и их уменьшение в 1922 г. было связано с сельскохозяйственным кризисом. Тяжелые времена легче было пережить вместе. Да и делить в этом году из-за резкого снижения размеров хозяйства было особенно нечего.

Таблица 6.8

Социально-органические изменения крестьянских хозяйств в 1921–1925 гг. (на каждые 100 дворов предыдущего года к данному году)

Год	Разделились	Соединились	Соединились и разделились	Выселились	Ликвидировались
1921	3,1	1,5	0,2	3,8	4,8
1922	2,4	1,0	0,2	4,1	5,4
1923	3,4	1,7	0,2	4,2	3,9
1924	3,7	1,4	0,4	3,7	2,7
1925	3,5	1,3	0,3	1,6	3,5

Источник: Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. (социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С. 29.

Первые позитивные сдвиги в социально-экономической динамике сибирской деревни произошли в 1922/23 г. Весной 1923 г. выросла средняя обеспеченность крестьянских дворов посевом, коровами и овцами (см. Приложение, табл. 18). Однако данная тенденция все еще оставалась относительной и неустойчивой. В 1922/23 г. продолжала снижаться обеспеченность сибирских крестьян лошадьми, КРС и свиньями. Прирост числа лошадей в 1923/24 г. сменился их сокращением в 1924/25 г. Площадь посева в расчете на одно хозяйство увеличилась до 4,07 дес. в 1923 г., сократилась до 4,05 дес. в 1924 г. и вновь выросла до 4,07 дес. в 1925 г. Затягиванию кризиса способствовали в первую очередь низкие урожаи зерновых и трав в основных сельскохозяйственных районах Юго-Западной Сибири.

Противоречивый характер имели социально-органические процессы (см. табл. 6.8). В 1923 г. выросло число выселившихся хозяйств. В 1924 г. их доля несколько сократилась, но оставалась достаточно высокой. Увеличилось количество разделов крестьянских дворов, которые отчасти имели компенсаторный характер, а также стимулировались высоким уровнем налогообложения зажиточных хозяйств, являвшихся, как правило, многолюдными. Вследствие ускоренного дробления количество крестьянских дворов в регионе выросло в 1923–1924 гг. на 7,6% (см. Приложение, табл. 17), а число трудоспособных членов в них уменьшилось с 2,54 чел. в 1922 г. до 2,48 чел. в 1924 г. (см. Приложение, табл. 19).

Наглядное представление об основных тенденциях социальной мобильности сибирского крестьянства в 1923–1925 гг. дает динамика соотношения групп крестьянских хозяйств по размеру посева, рабочего скота и коров (табл. 6.9, 6.10).

Таблица 6.9

Группировка крестьянских хозяйств Сибири по обеспеченности посевом в 1920–1925 гг. (по данным выборочных переписей), %

Год	Без посева	С посевом, дес.							
		до 2	2–3	3–4	4–6	6–8	8–10	10–16	свыше 16
1920	12,9	21,9	12,1	10,5	16,1	9,8	6,1	7,7	2,9
1922	7,7	44,0	26,7		11,8	7,3		2,0	0,5
1923	3,6	39,0	30,7		14,5	9,6		2,2	0,4
1924	3,7	35,3	18,7	14,2	15,8	6,9	2,8	2,1	0,5
1925	7,1	33,5	17,3	13,0	15,8	6,9	3,3	2,5	0,6

Источники: Сборник статистико-экономических сведений... С. 98–101; Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Стлб. 700.

В 1922/23–1923/24 гг. существенно сократился удельный вес беспосевных дворов и хозяйств, засевающих до 2 дес., и увеличилась доля групп с посевом от 2 до 16 дес., в 1924/25 г. – удельный вес хозяйств, засевающих от 2 до 4 дес. Отличительной чертой 1924/25 г. стал заметный рост числа беспосевных дворов. Последнее обстоятельство является наглядным показателем начавшегося преодоления аграрного кризиса. Резкое сокращение удельного веса зажиточных хозяйств в начале 1920-х гг. привело к падению спроса на сельскохозяйственных работников. Бывшие батраки, чтобы прокормиться, были вынуждены заводить небольшой посев. При этом землю под него, орудия для ее обработки и рабочий скот они арендовали, как правило, на кабальных условиях. Восстановление рынка труда к середине 1920-х гг. позволило сельскохозяйственным рабочим, вынужденно ставшим пауперами, вновь жить за счет продажи своей рабочей силы.

Таблица 6.10

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края
по обеспеченности скотом в 1922–1924 гг.
(по данным гнездовых динамических переписей),%

Год	Без скота	Со скотом, голов			
		1	2	3	4 и более
<i>С рабочим скотом</i>					
1922	9,7	28,6	33,7	15,5	12,5
1923	11,8	31,0	32,3	14,4	10,5
1924	12,9	28,3	32,6	14,9	11,3
<i>С коровами</i>					
1922	8,4	43,1	29,6	10,8	8,1
1923	10,4	43,5	26,8	10,3	9,0
1924	10,4	39,0	27,3	11,8	11,5

Источник: Итоги десятилетия советской власти в цифрах. М., 1927. С. 149.

Снижение удельного веса бескоровных и однокоровных дворов и увеличение доли хозяйств с двумя и более коровами началось в 1923/24 г. и шло относительно медленно. Доля безлошадных дворов в 1923–1924 гг. выросла, а хозяйств с рабочим скотом – сократилась.

Совокупный анализ динамики имущественных группировок крестьянских хозяйств позволяет сделать вывод о том, что социальная мобильность сибирского крестьянства в 1923–1925 гг. приобрела в целом восходящую направленность. При этом центральной фигурой сибирской деревни в середине 1920-х гг. оставалась беднота.

Таким образом, абсолютно преобладающей организационно-производственной формой аграрного строя Сибири на протяжении всего исследуемого периода оставалось крестьянское дворохозяйство. В начале XX в. крестьянская экономика региона в целом имела восходящую динамику. Основным фактором развития производительных сил являлось массовое аграрное переселение. В годы Первой мировой войны негативное влияние на сельскохозяйственное производство оказывали нехватка трудовых ресурсов и не восполняемая амортизация сельскохозяйственного инвентаря. Во время Гражданской войны проблема трудового дефицита аграрного труда была смягчена, тогда как деградация материально-технической базы ускорила. Тем не менее даже в условиях двух подряд войн, одна из которых непосредственно затронула Сибирь, крестьянская экономика сохраняла свою устойчивость. Намечившиеся в конце 1910-х гг. негативные тенденции в начале 1920-х гг. перешли в стадию полномасштабного кризиса и привели к тотальному обеднячиванию крестьянства. Восстановление аграрной экономики на базе нэпа в регионе началось лишь в 1923 г.

---

¹ Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск, 2012. С. 161, 166; Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 40.

² Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы... С. 167.

³ Там же. С. 164.

⁴ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 144.

⁵ Он же. К вопросу о влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. Вып. 3: Сибирь в период капитализма. С. 203.

⁶ Волков Е.З. Динамика народонаселения за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 120.

⁷ Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 89, 90, 96.

⁸ Белянин Д.Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4. Т. 4. С. 15–22.

⁹ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 359; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 91–92.

¹⁰ Горюшкин Л.М. Беженцы в Сибири в период Первой мировой войны // Бахрушинские чтения. 1977 г. Новосибирск, 1977. С. 98; Он же. Наемный труд и источники его формирования в сибирской деревне в 1914–1917 гг. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 193.

-
- ¹¹ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 235.
- ¹² Горюшкин Л.М. Наемный труд и источники его формирования... С. 195.
- ¹³ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 32.
- ¹⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 515. Л. 106–107; Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1918. 27 мая.
- ¹⁵ Население Западной Сибири... С. 94.
- ¹⁶ Сельское хозяйство Сибирского края. С. 40.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 8, 22, 36.
- ¹⁹ Население Западной Сибири... С. 94; Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 44; Он же. Переселение в Сибирь в годы восстановления и начальный период реконструкции народного хозяйства СССР (1921–1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 60; Старков П. Переселение в Сибирь за время империалистической войны и революции (1914–1925 гг.) // К вопросу о колонизации Сибири. Новосибирск, 1926. С. 37; Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь–июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 51, 52.
- ²⁰ Население Западной Сибири... С. 94; Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922 гг.). Красноярск, 1988. С. 54.
- ²¹ Население Западной Сибири... С. 94; Старков П. Переселение в Сибирь... С. 37; Славина Л.Н. Сельское население в годы восстановления народного хозяйства (1920–1926): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. С. 57–58.
- ²² Новониколаевская губерния – Новосибирская область. 1921–2000: Хроника. Документы. Новосибирск, 2001. С. 17.
- ²³ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1996. С. 222.
- ²⁴ Сборник статистико-экономических сведений... С. 8.
- ²⁵ Котов А. Основная причина деколонизации Западной Сибири // Северная Азия. 1926. Кн. 2. С. 6; Рыбников А.А. Колонизационные проблемы Западной Сибири // Там же. 1927. Кн. 1. С. 54, 58, 65.
- ²⁶ Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 154–155.
- ²⁷ Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда в Омске 2–12 января 1916 г. Омск, 1916. С. 22.
- ²⁸ Горюшкин Л.М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны...; Большаков В.Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы Первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 159.
- ²⁹ Жарова А.С. Положение военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Изв. Уральского гос. ун-та. 2009. № 4. С. 74.

-
- ³⁰ Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 106–108.
- ³¹ Шорников М.М. Большевики Сибири в борьбе за победу социалистической революции. Новосибирск, 1963. С. 319.
- ³² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. документов. М., 1960. Т. 1. С. 25–26.
- ³³ Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда... С. 23.
- ³⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии... С. 448–568.
- ³⁵ Горюшкин Л.М. Производительные силы крестьянского хозяйства Сибири в годы Первой мировой войны // Крестьянство Сибири в период разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 78–79.
- ³⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1914. 14 авг.
- ³⁷ Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда... С. 35.
- ³⁸ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 244.
- ³⁹ Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922. С. 20–21.
- ⁴⁰ Сельскохозяйственная жизнь (Омск). 1917. № 11–13. С. 37.
- ⁴¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 251–252; Кротт И.И. Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1918 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 109.
- ⁴² Вторушин М.И. Социально-экономический и политический кризис 1920 – начала 1921 г. на территории Западной Сибири. Омск, 2003. С. 59.
- ⁴³ Редькин П.К. Преображенная деревня: Начало технического перевооружения сибирской деревни и его социально-экономическое значение. Кемерово, 1974. С. 30–31.
- ⁴⁴ Соколов В.Н. К производственному плану сельского хозяйства. Омск, 1920. С. 9; Сельское хозяйство Сибирского края. С. 186.
- ⁴⁵ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1983. С. 134.
- ⁴⁶ Редькин П.К. Преображенная деревня. С. 26.
- ⁴⁷ Зайцева Л.А. Доколхозное сельское хозяйство Бурят-Монголии // Забайкальская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Улан-Удэ, 2010. С. 70.
- ⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 52.
- ⁴⁹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. С. 69, 104.
- ⁵⁰ Советская Сибирь. 1920. 7 апр.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 175. Л. 147.
- ⁵² Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 137.
- ⁵³ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 412. Л. 36.
- ⁵⁴ Там же. Д. 61. Л. 41.
- ⁵⁵ Там же. Л. 25 об.

-
- ⁵⁶ Красная Сибирь. 1921. № 1. С. 76; Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь–июнь 1921 г. С. 59.
- ⁵⁷ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С. 203.
- ⁵⁸ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 48. Л. 63–64.
- ⁵⁹ Там же. Д. 1651. Л. 18.
- ⁶⁰ Редькин П.К. Преображенная деревня. С. 44; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. С. 193, 203.
- ⁶¹ Сборник статистико-экономических сведений... С. 46.
- ⁶² Гуштин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 58.
- ⁶³ Соколов В. Сибирское наследство // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920. С. 57.
- ⁶⁴ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 гг.: сб. док. и мат. Новосибирск, 1959. С. 273–274.
- ⁶⁵ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 47; Д. 374. Л. 67.
- ⁶⁶ Алтайский ежегодник. Барнаул, 1922. Вып. 1. С. 224; ГАНО. Ф. Р-13. Д. 222. Л. 13. Д. 374. Л. 21.
- ⁶⁷ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 135; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 374. Л. 113.
- ⁶⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 92.
- ⁶⁹ Там же; Известия Сибревкома (Омск). 1920. № 2. С. 12–13.
- ⁷⁰ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 60а. Л. 119.
- ⁷¹ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 371–372.
- ⁷² Шишкин В.И. К вопросу об аграрной политике советской власти в Сибири в 1920 году // Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в советский период. Новосибирск, 1974. С. 16; Он же. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 81–83.
- ⁷³ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 80. Л. 92.
- ⁷⁴ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 184. Л. 123–123 об.; Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 860. Л. 96; Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 96–97; Сибирская советская энциклопедия. М., 1930. Т. 2. Стлб. 810.
- ⁷⁵ Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966. С. 129.
- ⁷⁶ Отчет Тюменского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. Октябрь 1922 – март 1923 г. Тюмень, 1923. С. 15.
- ⁷⁷ Касьян А.К. Борьба трудящихся Омской губернии за ликвидацию последствий колчаковщины в сельском хозяйстве // Уч. зап. Омского пед. ин-та. Омск, 1963. Вып. 20: Из истории Западной Сибири и Омской области. С. 85; Он же. Социально-экономическое развитие Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 – 1928 г.). Омск, 1976. С. 19–22; Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях транс-

формации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010. С. 219–222; Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 98.

⁷⁸ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 85; Д. 73. Л. 2; Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 98; Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Стлб. 139.

⁷⁹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 80. Л. 77.

⁸⁰ Былков С. Первые колхозы и совхозы на Алтае // Сельское хозяйство Сибири. 1957. № 11. С. 65.

⁸¹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 757. Л. 3–4 об.; Д. 959. Л. 5; Д. 80. Л. 23–23 об.; Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. С. 102–105; Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск, 1987. С. 21, 36–37, 40, 45–47; Советская деревня глазами ОГПУ–ВЧК–НКВД: док. и мат-лы в 4 томах. М., 2000. Т. 1: 1918–1922 гг. С. 445.

⁸² ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 70. Л. 16–18.

⁸³ Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 71–72.

⁸⁴ Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Стлб. 811. Уполномоченный Наркомзема по Сибири П.А. Месяцев приводит другие сведения: в 1924 г. в регионе насчитывалось 682 колхоза (Жизнь Сибири. 1926. № 4. С. 32).

⁸⁵ О взаимосвязи имущественной дифференциации крестьянства и демографической и об основных типах его социальной мобильности подробнее см.: Чайнов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 20–31, 189–198; Огановский Н.П. Закономерность аграрной революции. Саратов, 1911. Т. II. С. 471.

⁸⁶ См.: Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993. С. 123–125.

⁸⁷ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 37–39.

⁸⁸ Советские историки-аграрники очень осторожно, а в ряде случаев негативно относились к определению средних показателей экономической состоятельности крестьянских хозяйств. Эта традиция была заложена еще В.И. Лениным, который заявлял, что «общие и огульные "средние" имеют совершенно фиктивное значение», так как ведут к затушевыванию процесса капиталистического разложения деревни (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3: Развитие капитализма в России. С. 141). По нашему мнению, подобные показатели могут служить одним из инструментов выявления основных направлений социальной мобильности сельского населения.

⁸⁹ Репрезентативность указанного издания для целей нашего исследования определяется тем, что в нем приведены более полные данные в единых географических рамках за весь изучаемый период.

⁹⁰ Белая З.И. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982. С. 198. Указанные сведения приводятся в таблице, в подстрочнике которой в качестве источников перечислены «Сборник статистико-экономических сведений...» (С. 36–40) и статсборник «Основные элементы сельскохозяйственного

производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.» (М.: ЦСУ СССР, 1930. С. 4–5). Однако на упомянутых страницах и вообще в этих изданиях подобные данные отсутствуют.

⁹¹ Сборник статистико-экономических сведений... С. 36, 37; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. С. 5.

⁹² Сборник статистико-экономических сведений... С. 36, 40–43; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. С. 5.

⁹³ Сельское хозяйство Сибирского края. С. 40, 44, 102, 131; Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии. Барнаул, 1924. С. 20, 27.

⁹⁴ Погоубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 64, 66, 67, 70, 76, 78, 79, 82.

⁹⁵ По данным переписи 1917 г., в крестьянских хозяйствах сибирских губерний отсутствовало до четверти мужчин (там же. С. 82).

⁹⁶ Сельское хозяйство Сибирского края. С. 44.

⁹⁷ Горюшкин Л.М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны... С. 208.

⁹⁸ Рассчитано: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 177.

⁹⁹ Исключением из правила являлись хозяйства, засевающие более 50 дес. Их людность была ниже, чем в нескольких предыдущих посевных группах. Однако в данном случае речь идет о крупных предпринимательских хозяйствах, которые фактически вышли за пределы крестьянства как класса, но не порвали с ним формальные связи (принадлежность к сословию, общине).

¹⁰⁰ Сельское хозяйство Сибирского края. С. 48; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 113.

¹⁰¹ Бауфал А.М., Горюшкин Л.М. [и др.] Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969. С. 136, 223, 291; Сборник статистико-экономических сведений... С. 110, 146–148, 150–152.

¹⁰² Для 1916 г. учтены только рабочие лошади.

¹⁰³ ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 575. Л. 19 об.

¹⁰⁴ Итоги десятилетия советской власти в цифрах. М., 1927. С. 138.

¹⁰⁵ Сельское хозяйство Сибирского края. С. 103.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе российской аграрной колонизации принесенный в Сибирь тип сельскохозяйственного производства, традиционный для Восточной Европы, был адаптирован к местным условиям. Абсолютно преобладающей организационно-производственной ячейкой сельского хозяйства региона являлось включенное в общину семейное крестьянское дворохозяйство. Его базовой отраслью было пашенное земледелие, специализировавшееся на выращивании зерновых культур. Занятие земледелием в хозяйствах крестьян сочеталось со скотоводством, преимущественным типом которого было пастбищно-стойловое или стойлово-пастбищное (в зависимости от района) разведение крупного рогатого скота. Земледелие, так же как и животноводство, носило экстенсивный характер и отличалось высокой степенью метеозависимости. Периодические катастрофические недороды снижали объемы продовольственных и семенных запасов. Нехватка фуражных ресурсов приводила к сверхнормативному отходу скота. В годы, следовавшие за неурожаем, земледельцы, испытывая дефицит семян, сокращали товарную часть посевов. Главным сдерживающим фактором поступательного развития сельскохозяйственного производства в крае являлась его изолированность (в силу отсутствия должных путей сообщения) от емких рынков сбыта аграрной продукции.

Аграрный потенциал Сибири раскрыла России и миру сооруженная на рубеже XIX и XX вв. Транссибирская магистраль, которая позволила наладить крупномасштабный экспорт сельхозпродукции. Крестьяне стали быстрыми темпами наращивать ее товарное производство, расширяя свое хозяйство. Поступательное развитие сельского хозяйства прерывалось только в посленеурожайные годы. Наиболее динамично развивающейся отраслью аграрного сектора экономики Сибири в первые годы XX в. было промышленное маслоделие. Зерновое хозяйство в крае развивалось не столь быстро. Темпы его роста сдерживались первоначально малой пропускной способностью Транссиба и тарифной политикой государства. В силу более низкой рентабельности производства зерна сибирские крестьяне делали ставку на наращивание поголовья крупного рогатого скота и увеличение производства молока. В связи с этим сельское хозяйство региона приобрело преимущественно животноводческую (молочно-масляную) специализацию.

Инициированное П.А. Столыпиным массовое крестьянское переселение еще больше ускорило развитие сельского хозяйства региона. Переселенцы не могли быстро нарастить в своих хозяйствах поголовье КРС, достаточное для ведения товарного молочного хозяйства, и поэтому стремились в первую очередь увеличить производство зерновых (преимущественно пшеницы и овса), дававшее более быструю отдачу.

В результате экстенсивное зерновое земледелие несколько потеснило товарное животноводство.

На динамику сельского хозяйства в Сибири во время Первой мировой войны одновременно влияли как сдерживающие, так и стимулирующие его развитие факторы. Негативное воздействие на отрасль оказала массовая мобилизация, приведшая к нехватке трудовых ресурсов, не восполняемая амортизация сельскохозяйственного инвентаря (прежде всего зерно- и сеноуборочных машин), неурожай зерновых и трав 1915 г. Стимулом к расширению производства стало нарастание внешнего спроса со стороны армии, а также населения городов и потребляющих регионов европейской части страны. Организация широкомасштабных заготовок способствовала повышению товарности крестьянского хозяйства в регионе.

Воздействие различных факторов привело к спаду зернового производства в 1915–1916 гг. и его наращиванию в 1917 г. Сокращение посевных площадей в 1915 г. обуславливалось болезненной хозяйственно-психологической реакцией на массовую мобилизацию мужчин трудоспособного возраста, в 1916 г. – предшествовавшим недородом. Увеличению размеров обрабатываемой пашни в 1917 г. способствовали адаптация большинства крестьянских хозяйств к военным условиям и растущий спрос. В хлебе и зернофураже в огромных и все более возрастающих объемах нуждалась армия. В связи с изменением структуры питания постоянно увеличивалась потребность горожан в хлебопродуктах. Пользуясь относительно благоприятной конъюнктурой, сибирские крестьяне стали наращивать производство наиболее товарных и востребованных зерновых культур – пшеницы и овса. Посевы ржи, имевшей преимущественно внутрискрестьянский потребительский характер, напротив, сократились.

Состояние источниковой базы не позволяет репрезентативно определить погодную динамику количественных параметров, характеризующих развитие животноводства в регионе в годы Первой мировой войны. Более вероятным нам представляется следующий вариант: поголовье скота в основных сельскохозяйственных районах Сибири в 1915 г. уменьшилось, в 1916 г. – выросло, а в 1917 г. – вновь сократилось. Однако нельзя исключать и того, что убыль скота происходила на протяжении всех военных лет. На состояние животноводства в начальный период войны негативно влияли массовый призыв в армию и неурожай трав 1915 г. В 1917 г. кормообеспечение скота существенно улучшилось, однако темпы сокращения поголовья выросли. Этому способствовали принципиально разные условия сбыта двух основных видов животноводческой продукции – мяса и масла. Установление государственной монополии на заготовку животного масла, введение невыгодных для производителя твердых закупочных цен, недостаточная и сокраща-

ющаяся в связи с постепенным обнищанием городского населения емкость внутреннего рынка заставили крестьян снизить товарное производство молока и сбросить лишнее поголовье КРС. В то же время на мясо были установлены достаточно высокие закупочные цены, а массовое предложение со стороны казны не сопровождалось ограничением на его заготовку другими субъектами рынка, что позволило наращивать объем мясозаготовок.

Потенциал сельского хозяйства Сибири в годы Первой мировой войны был далеко не исчерпан. Более того, произведенная сельхозпродукция использовалась не в полной мере. Этому мешал недостаток средств, заставлявший казну устанавливать низкие цены на продовольствие, и слабая транспортная система. Тем не менее комплекс мер, разработанный государственными органами и общественными организациями, смягчал негативное воздействие войны на аграрное производство, сдерживая депрессивные процессы.

Гражданская война не оказала негативного влияния на зерновое производство в регионе. Даже разрыв хозяйственных связей, затруднивший сбыт продукции, и нарастающая изношенность сельхозинвентаря не дестабилизировали ситуацию. Поступательному развитию отрасли способствовали прежде всего благоприятные погодные условия. В 1918 г. основным двигателем расширения обрабатываемой пашни стали возвратившиеся домой фронтовики. Возможность для наращивания производства создавали земельные захваты конца 1917 – начала 1918 г. С точки зрения крестьян, посев, произведенный на обретенной земле, легитимировал право на владение ею. Мобилизация крестьян в колчаковскую армию и уход части сельских жителей в партизанские отряды также не привели к рецессии в отрасли.

Необходимость поддержания достигнутого уровня посевных площадей или их расширения в условиях нехватки рабочих рук являлась стимулом к наращиванию поголовья рабочих лошадей. Численность же продуктивного скота в конце 1910-х гг. в регионе продолжала сокращаться. Основной причиной этого стал разрыв рыночных связей с европейской частью России. Прогрессирующее снижение объемов вывоза масла за пределы Сибири влияло на сокращение численности КРС. Забой скота стимулировали и казенные заготовки мяса на возросшие в конце 1918 – 1919 г. армейские нужды. В целом за годы двух войн специализация сельского хозяйства региона радикально изменилась, и наиболее массовым типом хозяйствования стало экстенсивное зерноводство.

Наметившаяся в Сибири к весне 1920 г. рецессия зернового производства осенью перешла в стадию полномасштабного кризиса. Посевные площади в 1921 г. снизилась на 1/5, в 1922 г. – еще на четверть. При этом больше всего пострадали посевы основных товарных культур –

пшеницы и овса, сократившиеся в 2 и 2,6 раза соответственно. Площади, занятые преимущественно потребительской рожью, сократились незначительно, а просом – увеличились более чем в 10 раз. Резко ускорился сброс продуктивного стада. Наиболее существенным было сокращение численности коров и свиней. Менее всего спад задел овцеводство. Его относительная устойчивость связана с меньшей трудо- и кормозатратностью. На 1922 г. пришелся пик кризиса, переживаемого сибирским маслоделием. Производство масла и вывоз за пределы региона сократились на порядок.

Видимой причиной кризиса стали следующие друг за другом катастрофические неурожаи зерновых и трав в основных сельскохозяйственных районах Сибири в 1920 и 1921 гг. Сбор зерна резко сократился. Нехватка кормов вызвала сильную бескормицу, падеж и забой скота. Следует также иметь в виду деградацию материально-технической базы. Однако степень падения сельского хозяйства определялась политикой большевистского режима. С введением имеющей реквизиционный характер разверстки крестьяне потеряли всякий стимул к ведению товарного хозяйства и стали сокращать производство сельхозпродукции до потребительских норм, в соответствие с которыми приводились размеры и структура посева, а также количество скота в хозяйствах.

Не принес облегчения сибирскому крестьянству и первый продналог. В условиях катастрофического неурожая в Поволжье и связанного с ним голода Сибирь получила завышенное налоговое задание. При этом следует иметь в виду, что по разверстке изымался не только хлеб урожая 1920 г., но и его запасы, образовавшиеся у крестьян за годы Гражданской войны, а по натуральному налогу – только то зерно, которое было собрано осенью 1921 г. Причем взимался налог не менее «драконовскими» методами, чем продразверстка. Сверхнормативное изъятие зерна привело не только к дефициту продовольствия, но и к нехватке семян. Уже весной–летом 1921 г. в основных сельскохозяйственных районах Сибири начался голод, масштабы которого существенно расширились в 1922 г.

Величину спада зернового хозяйства в начале 1920-х гг. исследователи традиционно преуменьшали. Это было связано с тем, что подсчеты производились, отталкиваясь от показателей 1917 либо 1920 гг. в качестве базовых. В действительности при выяснении дальнейшей динамики производственных показателей точкой отсчета должны стать 1918–1919 гг., на которые пришелся пик развития зернового хозяйства региона. Этим же рубежом следует руководствоваться при определении хронологии восстановительных процессов. В животноводстве наблюдалась совершенно иная динамика кризисных явлений. Спад производства продукции обнаруживается задолго до кризиса зернового хозяйства, и до 1920 г. обе отрасли развивались как будто в противофазе. Однако

величина сокращения поголовья скота к 1920 г. позволяет говорить скорее об умеренной рецессии. Влияние Гражданской войны на развитие отрасли не было губительным, а, напротив, под воздействием стимулирующих факторов проявилось весьма слабо.

Интерес представляет сопоставление динамики развития сельского хозяйства Сибири с общероссийскими тенденциями. В европейской части страны на протяжении 1918–1920 гг. происходил неуклонный спад производства. Пик кризиса пришелся на 1921 г., а в 1922 г. начались восстановительные процессы.

В сибирской деревне хозяйственная ситуация несколько улучшилась лишь в 1923 г. Однако начавшийся подъем не был повсеместным, касался не всех подотраслей сельского хозяйства. О признаках улучшения можно говорить только на фоне тяжелой хозяйственной ситуации 1922 г. Положение аграрного сектора экономики продолжало оставаться кризисным, но наметились условия для запуска восстановительных процессов. С 1924 г. началось восстановление сельского хозяйства региона на базе нэпа. Стимулами его поступательного развития стали уменьшение и упорядочение налогообложения, увеличение семенной помощи крестьянству, возобновление регулярного снабжения деревни сельхозинвентарем и машинами, расширение кредитования, землеустройства, агрономического и зооветеринарного обслуживания. Восстанавливалась и развивалась сельскохозяйственная кооперация. Налаживалось товароснабжение деревни через постоянно растущую сеть сельских потребительских обществ. Но ключевым фактором стало завершение череды неурожая хлеба и трав. Благоприятные погодные условия определили результативность мер государственного стимулирования.

Тем не менее правомерно говорить лишь о преодолении к 1925 г. острой фазы кризиса, но не о восстановлении аграрного производства Сибири. Кризис привел к его реструктуризации, сделал более замкнутым на удовлетворении собственных нужд крестьянских хозяйств. Указывая на высокую степень влияния на данный процесс государственной политики, отметим, что здесь проявлялся и объективный процесс. В течение кризиса, когда сельское хозяйство шло на спад, наиболее товарные в прошлом отрасли урезались самими производителями. Эффект мультипликатора приводил к тому, что производство в товарных отраслях сокращалось сильнее, чем общий валовой объем сельхозпроизводства. В отдельных сегментах аграрного сектора экономики производство в разгар кризиса могло даже увеличиваться, частично компенсируя падение в других частях хозяйства. Примерами подобных подотраслей являются просоeseяние и овцеводство.

Данное обстоятельство необходимо учитывать, если мы хотим понять, почему за общей динамикой скрывались подчас разнонаправлен-

ные тенденции. Как это часто бывает, государственная политика (субъективный фактор), природные явления и логика законов экономического кризиса (объективные факторы) действовали в едином ключе. Точное определение удельного веса каждого фактора невозможно. Но совершенно очевидным является то, что характер взаимодействия объективных и субъективных факторов варьировался по мере смены политических режимов. В последние годы существования Российской империи негативное влияние войны и государственного вмешательства компенсировалось стимулировавшими экономику мерами, что тормозило развитие кризисных явлений. В 1917–1919 гг. снижение масштабов государственного вмешательства оказало позитивное влияние на состояние аграрного производства. Советская экономическая политика углубила кризис и затормозила восстановление аграрной экономики.

В середине 1920-х гг. в Сибири опережающими темпами развивалось зерновое хозяйство. При этом наиболее быстро росло производство пшеницы. Более медленно восстанавливалось промышленное маслоделие. В итоге была закреплена начавшаяся еще в предвоенный период переориентация специализации сельского хозяйства региона с молочно-масляной на зерновую. Изменения происходили и внутри животноводства. Произошла его переориентация с преимущественно молочной специализации на преимущественно мясную.

Медленные темпы восстановления молочного животноводства являлись следствием низкой товарности мелких крестьянских хозяйств. Расширению их размеров препятствовал применявшийся властями экономический и политический прессинг по отношению к зажиточным жителям деревни. Мелкотоварность крестьянского уклада сказывалась и на показателях зерноводства. В Сибири уровень его товарности по сравнению с довоенным периодом практически не изменился, а увеличение валовых сборов было обеспечено ростом посевных площадей и серией относительно высоких урожаев. В целом же по стране во второй половине 1920-х гг. товарность зернового хозяйства была меньше, чем в предвоенные годы. Экспорт хлеба из СССР даже в благоприятные годы едва достигал четвертой части дореволюционных размеров, а в неурожайные – хлеба не хватало даже для внутреннего потребления.

В конце 1920-х гг. нажим на зажиточные слои деревни еще больше усилился. Подобная политика привела к консервации мелкотоварности крестьянской экономики и замедлению темпов развития сельского хозяйства в целом. В связи с тем, что крестьянское хозяйство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации страны, было принято решение о переходе к массовой коллективизации, которая должна была решить задачу замены мелкотоварного аграрного производства крупным социалистическим.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Динамика численности населения Сибири в 1914–1923 гг.

Год	Все население, тыс. чел.	В том числе сельское население	
		тыс. чел.	% к предыдущему году
1914	7794,0	7002,6	–
1915	7647,4	6847,3	97,8
1916	7817,3	7001,5	102,3
1917	8064,1	7255,6	103,6
1918	8324,4	7316,5	100,8
1919	8390,4	7431,6	101,6
1920	8811,2	7875,6	106,0
1921	9012,8	8111,4	103,0
1922	9265,2	8298,1	102,3
1923	9209,1	8206,2	98,9

Источник: Волков Е.З. Динамика народонаселения за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 120, 230.

Примечания: 1) в таблице приводятся данные на 1 января каждого года; 2) сведения даны в территориальных рамках Тюменской, Омской, Новониколаевской, Томской, Алтайской, Енисейской и Иркутской губерний в границах 1923 г.

Таблица 2

Численность населения сельскохозяйственных зон
Сибирского края в 1917–1924 гг., тыс. чел.

Зона	1917	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
I	557,9	595,0	597,0	584,1	582,0	588,7
II	1956,8	2054,8	2037,1	1976,9	2015,1	2068,2
III	1941,7	2104,5	2235,6	2225,5	2223,1	2371,4
IV	85,0	84,9	85,0	85,0	79,6	85,3
V	1214,1	1321,0	1325,7	1330,1	1413,6	1447,7
VI	440,3	460,9	469,4	457,7	517,9	527,1
Сибирь	6196,1	6621,4	6749,8	6659,3	6831,3	7085,4

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. С. 40.

Таблица 3

Посевные площади на территории Сибирского края в 1913–1920 гг.,
тыс. дес.

Культура / вид посева	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.
Пшеница	2915,7	2971,1	3319,6	3325,4
в т.ч. яровая	2915,7	2971,1	3313,1	3308,7
озимая	–	–	6,5	16,7
Рожь	803,4	726,8	718,3	700,3
в т.ч. яровая	–	215,1	233,0	268,6
озимая	–	511,7	485,3	431,7
Овес	1620,0	1476,8	1760,1	2052,6
Ячмень	264,7	238,4	239,4	242,0
Крупяные	92,1	104,7	110,0	77,8
в т.ч. просо	62,4	75,6	71,2	40,4
гречиха	29,7	29,1	38,8	37,4
Подсолнечник	–	23,3	25,9	18,7
Лен	61,9	69,8	71,2	65,6
Конопля	51,7	46,5	58,2	49,4
Картофель	82,8	75,6	90,6	66,3
Полевой посев	5950,3	5814,3	6470,8	6642,1
Усадебный посев	–	–	86,2	68,9
Всего посева	–	–	6557,1	6711,0

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 8–10, 24–26, 36–38.

Примечания: 1) посевные площади отдельных культур приведены без учета приусадебного посева; 2) в данные о площади посева в источнике внесены поправки на недоучет посева: для 1913, 1916 и 1917 гг. – 10%, 1920 г. – 15%.

Таблица 4

Посевные площади на территории Сибирского края в 1921–1924 гг.,
тыс. дес.

Культура / вид посева	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Пшеница	2782,5	1687,9	1707,2	2082,8
в т.ч. яровая	2766,4	1683,9	1702,3	2078,3
озимая	16,1	4,0	4,9	4,5
Рожь	675,5	680,0	972,5	1149,1
в т.ч. яровая	225,2	136,0	131,1	123,0
озимая	450,3	544,0	841,4	1026,1

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5
Овес	1141,9	780,0	894,9	963,5
Ячмень	198,4	128,0	155,6	117,6
Крупяные	235,9	500,0	807,4	425,3
в т.ч. просо	182,3	424,0	627,4	293,3
гречиха	53,6	76,0	180,0	132,0
Подсолнечник	26,8	20,0	38,9	33,2
Лен	96,6	64,0	82,7	93,2
Конопля	69,7	52,0	63,2	53,9
Картофель	53,6	48,0	63,2	72,9
Полевой посев	5361,2	4000,0	4863,8	5091,3
Усадебный посев	73,7	80,2	78,1	95,6
Всего посева	5434,9	4080,1	4941,9	5186,9

Источник: Сборник статистико-экономических сведений... С. 8–10, 24–26, 36–38.

Примечания: 1) посевные площади отдельных культур приведены без учета приусадебного посева; 2) в данные о площади посева в источнике внесены поправки на недоучет посева: для 1921 г. – 25%, 1922 г. – 37, 1923 г. – 32,2, 1924 г. – 24,9, 1925 г. – 26%.

Таблица 5

Посевные площади в сельскохозяйственных зонах
Сибирского края в 1916–1924 гг., тыс. дес.

Зона	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
I	284,6	311,0	289,6	205,9	147,9	234,4	247,7
II	2024,6	2070,5	1958,3	1196,9	774,6	1090,2	1197,1
III	1878,3	2281,7	2302,3	2015,1	1267,0	1393,8	1484,7
IV	22,3	22,3	20,5	17,6	14,5	17,9	21,0
V	779,9	883,1	914,5	603,8	477,2	700,8	784,9
VI	295,9	314,0	257,5	257,0	235,6	244,6	278,5
Итого	5285,6	5882,6	5742,6	4296,3	2916,8	3681,8	4013,9

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. С. 102.

Примечания: 1) в таблице приведены сведения о площади полевого посева; 2) поправки на недоучет посевов в источнике не внесены.

Таблица 6

Посевные площади основных культур в сельскохозяйственных зонах
Сибирского края в 1916–1924 гг., тыс. дес.

Зона	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.
	<i>Пшеница</i>				<i>Овес</i>			
I	70,6	82,3	24,8	46,1	99,0	104,5	32,8	54,3
II	1205,9	1063,3	339,2	440,2	534,0	623,3	155,4	221,6
III	1174,7	1389,5	710,4	808,7	482,2	736,0	254,5	269,3
IV	7,2	8,9	4,4	6,8	9,0	7,4	4,2	5,7
V	203,2	295,4	114,1	276,5	177,2	239,9	77,6	169,5
VI	42,9	37,1	38,7	62,4	43,7	49,6	43,5	50,6
Итого	2704,5	2859,4	1231,6	1640,7	1345,1	1760,7	568,0	771,0
<i>Рожь</i>				<i>Рожь озимая</i>				
I	71,5	70,4	60,9	91,3	59,7	55,9	57,5	89,3
II	91,4	108,0	95,7	337,5	56,7	50,2	79,4	332,9
III	16,5	9,7	12,8	83,8	1,7	0,7	4,5	74,2
IV	0,8	0,5	0,7	1,3	–	–	–	1,1
V	313,7	283,2	205,8	280,3	246,8	187,0	167,7	238,9
VI	106,3	139,0	120,7	129,7	39,8	95,3	87,2	83,6
Итого	658,9	610,8	496,6	923,9	463,4	389,1	396,3	820,0
<i>Рожь яровая</i>				<i>Ячмень</i>				
I	11,8	14,5	3,4	2,0	19,4	15,3	6,8	4,2
II	34,7	57,8	16,3	4,6	101,8	104,6	37,7	23,1
III	14,8	9,0	8,3	9,6	47,7	50,8	28,7	36,8
IV	0,8	0,5	0,7	0,2	3,8	2,5	1,9	3,2
V	66,9	96,2	38,1	41,4	24,4	24,3	8,6	9,1
VI	66,5	43,7	31,3	46,1	20,7	13,8	13,8	15,3
Итого	195,5	221,7	100,3	103,9	217,8	208,3	97,5	91,7
<i>Крупяные</i>				<i>Просо</i>				
I	0,6	2,1	7,7	30,5	0,3	0,2	2,8	2,6
II	15,3	6,8	110,9	96,5	14,2	5,3	104,7	76,2
III	57,6	30,5	193,5	155,1	45,5	24,2	174,6	125,7
IV	0,3	0,2	2,8	2,5	0,3	0,1	2,4	1,9
V	13,8	20,3	41,1	28,5	5,0	4,6	21,2	9,8
VI	6,0	6,0	8,2	9,0	1,6	0,9	2,2	2,1
Итого	93,6	65,9	364,2	333,7	66,9	35,3	307,9	228,3

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. С. 104, 106, 107, 109, 112, 114, 115, 116, 117.

Примечание: в таблице приведены сведения о площади полевого посева. Поправки на недоучет посевов в источнике не внесены.

Таблица 7

Структура посевных площадей
на территории Сибирского края в 1913–1924 гг., %

Культура	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Пшеница	49,0	51,1	50,6	49,6	51,2	41,4	35,1	40,9
Рожь	13,5	12,5	11,0	10,4	12,4	16,7	20,0	22,6
в т.ч. яровая	–	3,7	3,6	4,0	4,1	3,3	2,7	2,4
озимая	–	8,8	7,4	6,4	8,3	13,3	17,3	20,2
Овес	27,2	25,4	26,8	30,6	21,0	19,1	18,4	18,9
Ячмень	4,4	4,1	3,7	3,6	3,7	3,1	3,2	2,3
Крупяные	1,5	1,8	1,7	1,2	4,3	12,2	16,6	8,4
в т.ч. просо	1,0	1,3	1,1	0,6	3,4	10,4	12,9	5,8
гречиха	0,5	0,5	0,6	0,6	1,0	1,9	3,7	2,6
Зерновые	96,6	95,2	96,1	97,3	95,3	95,4	94,7	94,0
Подсолнечник	–	0,4	0,4	0,3	0,5	0,5	0,8	0,7
Лен	1,0	1,2	1,1	1,0	1,8	1,6	1,7	1,8
Конопля	0,9	0,8	0,9	0,7	1,3	1,3	1,3	1,1
Картофель	1,4	1,3	1,4	1,0	1,0	1,2	1,3	1,4

Источники: сведения об общем удельном весе зерновых культур в 1913, 1917–1924 гг.: Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926–1927 гг. Новосибирск, 1926. С. 106–107; сведения об общем удельном весе зерновых культур в 1916 г.: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг. М., 1930. С. 57; остальные данные: Сборник статистико-экономических сведений... С. 8–10, 24–26, 36–38;

Примечание: посевные площади отдельных культур приведены без учета приусадебного посева.

Таблица 8

Структура посевных площадей в сельскохозяйственных зонах
Сибирского края в 1916 г., %

Культура	Зона					
	I	II	III	IV	V	VI
Пшеница	24,8	56,9	62,5	32,3	26,1	14,5
Рожь	25,1	4,5	0,9	3,6	40,2	35,9
в т.ч. яровая	4,1	1,7	0,8	3,6	8,6	22,4
озимая	20,9	2,8	0,1	–	31,6	13,5
Овес	34,8	26,4	25,7	40,4	22,7	14,8
Ячмень	6,8	5,0	2,5	17,0	3,1	7,0
Крупяные	0,2	0,8	3,1	1,3	1,8	2,0

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. Вып.1. С. 104, 106, 107, 109, 112, 114, 115, 116, 117.

Примечание: В таблице приведена структура полевого посева.

Таблица 9

Урожайность основных зерновых культур в 1896–1924 гг.
на территории Сибирского края, пуд./дес.
(по данным С.Г. Гензеля)

Годы	Юго-Западная Сибирь				Восточная Сибирь				Сибирский край			
	Озимая рожь	Яровая рожь	Пшеница	Овес	Озимая рожь	Яровая рожь	Пшеница	Овес	Озимая рожь	Яровая рожь	Пшеница	Овес
1896–1903	40	37	45	52	46	44	48	52	45	43	46	52
1904–1911	42	41	48	53	47	46	54	61	46	45	49	56
1914	58	51	56	59	58	54	61	69	58	53	57	62
1915	37	28	33	37	42	38	38	33	42	36	34	35
1916	34	31	35	42	48	56	64	65	47	52	41	50
1917	42	46	43	57	50	46	52	66	49	46	45	60
1918	53	42	44	49	49	53	60	64	49	51	47	54
1919	55	52	52	60	50	60	55	57	50	59	53	59
1912–1919	49	42	44	51	49	50	53	58	49	48	46	53
1916–1919	46	43	44	52	49	54	58	63	48	52	46	56
1920	35	23	22	29	53	45	40	46	52	41	26	35
1921	23	20	23	27	38	32	35	35	37	30	25	30
1922	46	29	31	40	46	47	50	55	46	44	35	45
1923	47	28	30	35	55	44	58	61	54	41	36	44
1920–1923	38	25	26	33	48	42	46	49	47	39	30	39
1924	50	38	37	42	57	56	69	66	56	53	44	51
1925	42	38	44	49	49	48	59	64	46	43	52	57
1920–1925	41	29	31	37	50	45	52	54	49	42	36	44
1896–1925	43	38	44	49	48	47	52	57	47	45	45	52

Источник: Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 г. // Статистический бюллетень. Новосибирск, 1927. С. 69, 74, 77.

Таблица 10

Урожайность основных зерновых культур в губерниях и областях Сибири в 1916–1921 гг., пуд./дес. (по данным Н.П. Огановского)

Годы	Озимая рожь	Яровая пшеница	Овес	Ячмень
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Тобольская губерния</i>				
1916	49	50	59	52
1917	67,0	73,0	77,0	75,0
<i>Тюменская губ.</i>				
1918	41,0	43,2	45,6	43,4
1919	35,4	36,0	41,8	36,0
1920	33,2	33,6	41,6	39,6
1921	45,2	22,5	22,8	27,7
<i>Омская губ.</i>				
1918	42,2	35,5	36,4	33,2
1919	39,7	51,4	69,3	66,4
1920	17,0	19,0	14,6	–
1921	25,1	45,6	40,1	32,0
<i>Томская губ.</i>				
1916	53,0	52,0	51,0	52,0
1917	60,0	60,0	78,0	62,0
1918	58,0	64,0	70,0	58,0
1919	58,0	80,0	87,0	79,0
1920	68,6	40,9	57,4	44,0
1921	53,2	52,1	68,2	43,1
<i>Алтайская губ.</i>				
1917	–	–	–	–
1918	60,0	48,0	49,0	46,0
1919	51,6	48,1	50,5	52,0
1920	37,0	32,0	38,0	40,0
1921	54,3	51,1	63,5	57,8
<i>Енисейская губ.</i>				
1916	69,0	86,0	82,0	83,0
1917	59,0	52,0	62,0	59,0
1918	45,0	58,0	66,0	54,0
1919	45,0	52,0	58,0	46,0
1920	43,2	32,8	35,2	28,5
1921	37,4	45,8	42,2	38,1

1	2	3	4	5
<i>Иркутская губ.</i>				
1916	–	–	–	–
1917	48,0	41,0	49,0	49,0
1918	43,0	53,0	58,0	93,0
1919	48,0	60,0	68,0	63,0
1920	65,0	36,9	66,0	59,0
1921	47,4	45,0	40,8	45,0
<i>Акмолинская обл.</i>				
1916	–	–	45	42
1917	43,0	54,0	53,0	47,0
1918	29,9	24,4	20,9	23,0
1919	42,5	56,1	59,7	59,6
1920	22,3	11,4	10,6	9,0
1921	–	36,5	34,6	35,4
<i>Семипалатинская обл.</i>				
1916	–	–	48	56
1917	43,0	54,0	64,0	56,0
1918	45,0	43,6	50,5	44,8
1919	47,1	72,3	69,2	63,7
1920	–	24,0	22,0	22,0
1921	–	61,8	53,8	19,8

Источник: Сельское хозяйство России в XX веке: стат. сб. М., 1923. С. 146–147, 154.

Таблица 11

Валовой сбор зерновых культур в Сибири в 1916–1922 гг., тыс. пуд

Год	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Итого
1916	183,6	56,8	240,4
1917	338,7	48,8	387,5
1920	202,1	43,3	245,4
1921	150,2	29,1	179,3
1922	123,8	29,2	153,0

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 132.

Примечание: в Западную Сибирь включены территории Тюменской, Омской, Алтайской, Новониколаевской и Томской губерний, в Восточную Сибирь – Енисейской и Иркутской губерний в границах 1923 г.

Таблица 12

Поголовье скота на территории Сибирского края в 1913–1920 гг.,
тыс. голов

Вид скота	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.
Лошади	3654,1	4218,6	3849,9	3948,5
в т.ч. рабочие	–	3132,5	2898,6	2911,5
молодняк	–	662,1	455,3	633,4
жеребята	–	424,0	496,0	403,6
КРС	4435,9	5839,8	5177,5	4423,1
в т.ч. коровы	2215,4	2900,2	2615,0	2466,5
волы рабочие	–	50,0	34,6	14,8
быки	–	161,9	96,8	56,0
молодняк старше года	–	1360,6	1129,8	813,4
телята	–	1338,8	1283,3	1064,1
Овцы	4743,8	6358,0	5980,6	5130,0
в т.ч. взрослые	–	4279,2	4073,0	4318,4
ягнята	–	2078,8	1907,6	811,6
Козы	–	148,5	103,9	59,5
Свиньи	1764,2	2262,8	2092,6	1896,3
в т.ч. взрослые	–	916,5	844,4	730,0
подвинки	–	344,8	370,8	514,5
поросята	–	1001,5	877,5	651,8
Прочий скот	–	13,0	10,4	4,0

Источники: данные о численности молодняка КРС: Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 1. С. 60; остальные данные: Сборник статистико-экономических сведений... С. 40–43.

Таблица 13

Поголовье скота на территории Сибирского края в 1921–1924 гг.,
тыс. голов

Вид скота	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Лошади	3889,8	3418,3	3001,2	3368,4
в т.ч. рабочие	2778,2	2551,0	2316,7	2552,2
молодняк	687,0	553,0	469,1	470,6
жеребята	424,6	314,3	215,4	345,6

Продолжение табл. 13

1	2	3	4	5
КРС	4108,6	3650,7	3697,9	4728,1
в т.ч. коровы	2020,6	1848,3	1943,6	2301,5
волы рабочие	16,2	11,6	11,1	17,3
быки	46,1	39,1	29,1	64,0
молодняк старше года	958,3	771,0	729,1	1033,0
телята	1059,1	975,4	985,1	1312,2
Овцы	4510,7	4626,0	6042,1	8012,8
в т.ч. взрослые	3121,7	2959,5	3551,5	4599,0
ягнята	1389,0	1666,5	2490,6	3413,8
Козы	60,5	63,8	50,3	95,5
Свиньи	1556,8	956,2	879,5	1545,0
в т.ч. взрослые	477,1	285,5	258,4	458,8
подсвинки	382,2	234,7	186,7	375,9
поросята	697,5	436,0	434,4	710,3
Прочий скот	0,6	1,2	0,2	3,3

Источники: данные о численности молодняка КРС: Статистика Сибири. С. 60; остальные данные: Сборник статистико-экономических сведений ... С. 40–43.

Таблица 14

Структура поголовья продуктивного скота
на территории Сибирского края в 1913–1924 гг., %

Вид скота	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
<i>в поголовье продуктивного скота</i>								
КРС	40,5	40,0	38,8	38,4	40,0	39,3	34,7	32,9
Овцы	43,3	43,5	44,8	44,6	44,1	49,8	56,6	55,7
Козы	–	1,0	0,8	0,5	0,6	0,7	0,5	0,7
Свиньи	16,1	15,5	15,7	16,5	15,2	10,3	8,2	10,7
<i>в поголовье КРС</i>								
Коровы	49,9	49,7	50,5	55,8	49,2	50,6	52,6	48,7

Источник: Сборник статистико-экономических сведений ... С. 40–43.

Примечание: В 1913 г. в численность продуктивного скота не включены козы.

Таблица 15

Поголовье скота в сельскохозяйственных зонах Сибири
в 1916–1924 гг., тыс. голов

	Зона					
	I	II	III	IV	V	VI
1916 г.						
Лошади	350,1	1510,1	1277,8	150,0	726,5	203,3
в т.ч. рабочие	255,2	1083,8	984,8	111,1	543,2	154,4
КРС	589,8	2163,6	1621,1	156,0	894,0	411,9
в т.ч. коровы	308,7	1052,8	857,6	71,0	421,2	172,7
Овцы и козы	574,1	2372,4	1639,9	136,1	1437,7	210,1
Свиньи	296,9	802,8	550,6	10,0	423,8	177,0
1920 г.						
Лошади	308,8	1215,6	1339,1	97,8	762,5	207,7
в т.ч. рабочие	235,0	896,9	973,1	69,6	578,3	158,3
КРС	395,8	1460,4	1329,3	110,0	828,7	287,0
в т.ч. коровы	240,5	813,8	746,1	56,3	461,6	145,4
Овцы и козы	395,0	1599,0	1657,9	93,8	1222,0	150,5
Свиньи	210,8	606,9	578,1	10,4	354,7	124,9
1922 г.						
Лошади	269,2	963,4	1267,6	74,9	597,2	238,1
в т.ч. рабочие	203,8	725,8	913,7	54,4	467,6	185,7
КРС	317,9	1142,4	1287,2	75,3	524,8	303,7
в т.ч. коровы	174,1	549,6	698,9	38,1	296,9	149,9
Овцы и козы	276,1	986,9	1856,4	83,8	1086,9	178,4
Свиньи	111,9	224,8	395,9	3,8	117,0	102,4
1924 г.						
Лошади	260,5	869,8	1074,6	81,3	793,3	243,7
в т.ч. рабочие	200,7	682,2	852,6	54,1	539,0	191,2
КРС	427,0	1462,6	1305,0	110,9	1024,5	322,1
в т.ч. коровы	213,6	671,7	662,1	45,4	498,7	166,4
Овцы и козы	553,4	2279,9	2496,0	155,3	2181,0	236,8
Свиньи	183,2	378,9	372,2	13,5	391,2	159,7

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. С. 129, 131, 135, 137, 139, 144, 145.

Таблица 16

Структура поголовья продуктивного скота
в сельскохозяйственных зонах Сибири в 1916–1924 гг., %

	Зона					
	I	II	III	IV	V	VI
1916 г.						
<i>в поголовье продуктивного скота</i>						
КРС	40,3	40,5	42,5	51,6	32,4	51,6
Овцы и козы	39,3	44,4	43,0	45,1	52,2	26,3
Свиньи	20,3	15,0	14,4	3,3	15,4	22,1
<i>в поголовье КРС</i>						
Коровы	52,3	48,7	52,9	45,5	47,1	41,9
1920 г.						
<i>в поголовье продуктивного скота</i>						
КРС	39,5	39,8	37,3	51,3	34,5	51,0
Овцы и козы	39,4	43,6	46,5	43,8	50,8	26,8
Свиньи	21,0	16,6	16,2	4,9	14,7	22,2
<i>в поголовье КРС</i>						
Коровы	60,8	55,7	56,1	51,1	55,7	50,7
1922 г.						
<i>в поголовье продуктивного скота</i>						
КРС	45,0	48,5	36,4	46,2	30,4	52,0
Овцы и козы	39,1	41,9	52,4	51,4	62,9	30,5
Свиньи	15,8	9,5	11,2	2,3	6,8	17,5
<i>в поголовье КРС</i>						
Коровы	54,8	48,1	54,2	50,6	56,6	49,4
1924 г.						
<i>в поголовье продуктивного скота</i>						
КРС	36,7	35,5	31,3	39,6	28,5	44,8
Овцы и козы	47,6	55,3	59,8	55,5	60,6	33,0
Свиньи	15,7	9,2	8,9	4,8	10,9	22,2
<i>в поголовье КРС</i>						
Коровы	50,0	45,9	50,7	40,9	48,7	51,7

Источник: Сельское хозяйство Сибирского края. С. 129, 131, 135, 137, 139, 144, 145.

Таблица 17

Численность и состав крестьянских хозяйств
на территории Сибирского края в 1917–1925 гг.

Год	Крестьянских хозяйств		Населения в них	
	тыс.	% к предыдущему году	тыс.	% к предыдущему году
1916	1014,2	–	6054,8	–
1917	1035,0	102,1	6195,7	102,3
1920	1185,2	114,5	6657,5	107,5
1921	1179,5	99,5	6750,0	101,4
1922	1169,6	99,2	6660,4	98,7
1923	1198,9	102,5	6831,2	102,6
1924	1258,4	105,0	7142,1	104,6
1925	1304,2	103,6	7181,9	100,6

Источники: данные за 1916 г.: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. С. 4–5; остальные данные: Сборник статистико-экономических сведений... С. 36.

Таблица 18

Экономическое состояние крестьянского хозяйства
на территории Сибирского края в 1916–1925 гг.

Год	На одно хозяйство приходится						
	посева, дес.	лошадей, голов	в т.ч. рабочих	КРС, голов	в т.ч. коров	овец и коз, голов	свиней, голов
1916	5,73	4,16	3,09	5,76	2,86	6,42	2,23
1917	6,25	3,72	2,80	5,00	2,52	5,88	2,02
1920	5,60	3,33	2,46	3,73	2,08	4,38	1,60
1921	4,55	3,30	2,35	3,48	1,71	3,88	1,31
1922	3,42	2,92	2,18	3,12	1,58	4,01	0,82
1923	4,07	2,51	1,94	3,10	1,62	5,10	0,73
1924	4,05	2,68	2,03	3,76	1,83	6,44	1,23
1925	4,07	2,62	1,94	4,00	1,86	6,50	1,47

Источники: Сборник статистико-экономических сведений... С. 36, 37, 40–43. Для расчета средних размеров хозяйств в 1916 г. использованы данные: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. С. 4.

Примечание: учтен только полевой посев.

Таблица 19

Демографическое состояние крестьянского хозяйства
на территории Сибирского края в 1916–1925 гг., чел.

Год	На одно хозяйство приходится					
	всех членов семьи	мужчин	женщин	трудоспособных	мужчин	женщин
1916	5,97	–	–	–	–	–
1917	5,99	3,06	2,93	2,6	1,4	1,2
1920	5,62	2,79	2,83	2,58	1,23	1,35
1921	5,72	2,80	2,91	2,55	1,22	1,33
1922	5,69	2,81	2,88	2,54	1,22	1,32
1923	5,72	2,81	2,91	2,50	1,20	1,30
1924	5,68	2,79	2,89	2,48	1,18	1,30
1925	5,51	2,71	2,80	2,47	1,17	1,30

Источники: данные о средней людности дворохозяйств в 1916 г.: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. С. 5; остальные данные: Сборник статистико-экономических сведений... С. 36.

Примечание: сведения о числе трудоспособных в 1921 г. даны только по Западной Сибири.

Таблица 20

Состояние крестьянского хозяйства Сибири в 1917, 1920 и 1922 гг.

Год	На хозяйство приходится			На 100 чел. приходится
	чел.	посева, дес.	рабочих лошадей, голов	коров, голов
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Тюменская губерния</i>				
1917 г.	5,7	4,5	2,22	16,5
1920 г.	5,4	3,4	2,09	15,6
1922 г.	5,1	1,3	1,39	Нет свед.
<i>Алтайская губерния</i>				
1917 г.	6,3	5,9	3,47	45,5
1920 г.	5,8	5,5	2,58	32,9
1922 г.	5,8	2,5	1,96	23,8
<i>Новониколаевская губерния</i>				
1917 г.	6,0	5,4	2,76	42,1
1920 г.	5,5	4,6	2,44	37,6
1922 г.	5,4	1,7	1,80	26,7

Продолжение табл. 20

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Омская губерния</i>				
1917 г.	6,1	7,7	2,73	49,0
1920 г.	5,7	6,7	2,56	44,5
1922 г.	5,7	2,5	1,93	28,9
<i>Томская губерния</i>				
1917 г.	5,9	3,4	2,43	32,6
1920 г.	5,4	3,2	2,12	30,7
1922 г.	5,3	1,9	1,78	26,3
<i>Западная Сибирь</i>				
1917 г.	6,0	5,6	2,76	44,1
1920 г.	5,6	4,9	2,38	37,6
1922 г.	5,5	2,0	1,76	26,7
<i>Енисейская губерния</i>				
1917 г.	5,9	4,5	2,80	38,1
1920 г.	5,5	3,9	2,48	37,0
<i>Иркутская губерния</i>				
1917 г.	5,7	4,0	2,09	38,4
1920 г.	5,3	2,9	1,90	38,9
1922 г.	5,4	2,5	1,71	28,1
<i>Восточная Сибирь</i>				
1917 г.	5,8	4,3	2,53	38,2
1920 г.	5,4	3,6	2,30	37,5
1922 г.	5,2	2,3	1,76	33,5
<i>Акмолинская губерния</i>				
1917 г.	5,9	5,0	3,47	39,2
1920 г.	5,6	4,7	2,24	37,9
<i>Семипалатинская губерния</i>				
1917 г.	5,6	3,2	4,67	43,4
1920 г.	5,4	2,3	2,45	34,7
1922 г.	5,1	1,6	1,63	23,9

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 112, 113.

Примечания: 1) сведения за 1922 г. по Енисейской и Акмолинской губерниям отсутствуют; 2) поправки на недоучет посевов в источнике не внесены.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Землевладение и землепользование	25
Глава 2. Зерновое хозяйство	61
Глава 3. Хлебозаготовки	98
Глава 4. Животноводство	126
Глава 5. Маслоделие и маслозаготовки	158
Глава 6. Демографическое и социально-экономическое развитие деревни. Крестьянское хозяйство	180
Заключение	223
Приложение	229

Научное издание

**Рынков Вадим Маркович
Ильиных Владимир Андреевич**

**Десятилетие потрясений:
сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг.**

Издано в авторской редакции

Техническое редактирование и верстка:

Е.П. Лунегова

Подписано в печать 08.08.2013. Формат 60x84 1/16.
Уч.-изд. л. 14,6. Усл. п. л. 15,3. Тираж 300 экз. Заказ № 08092013
